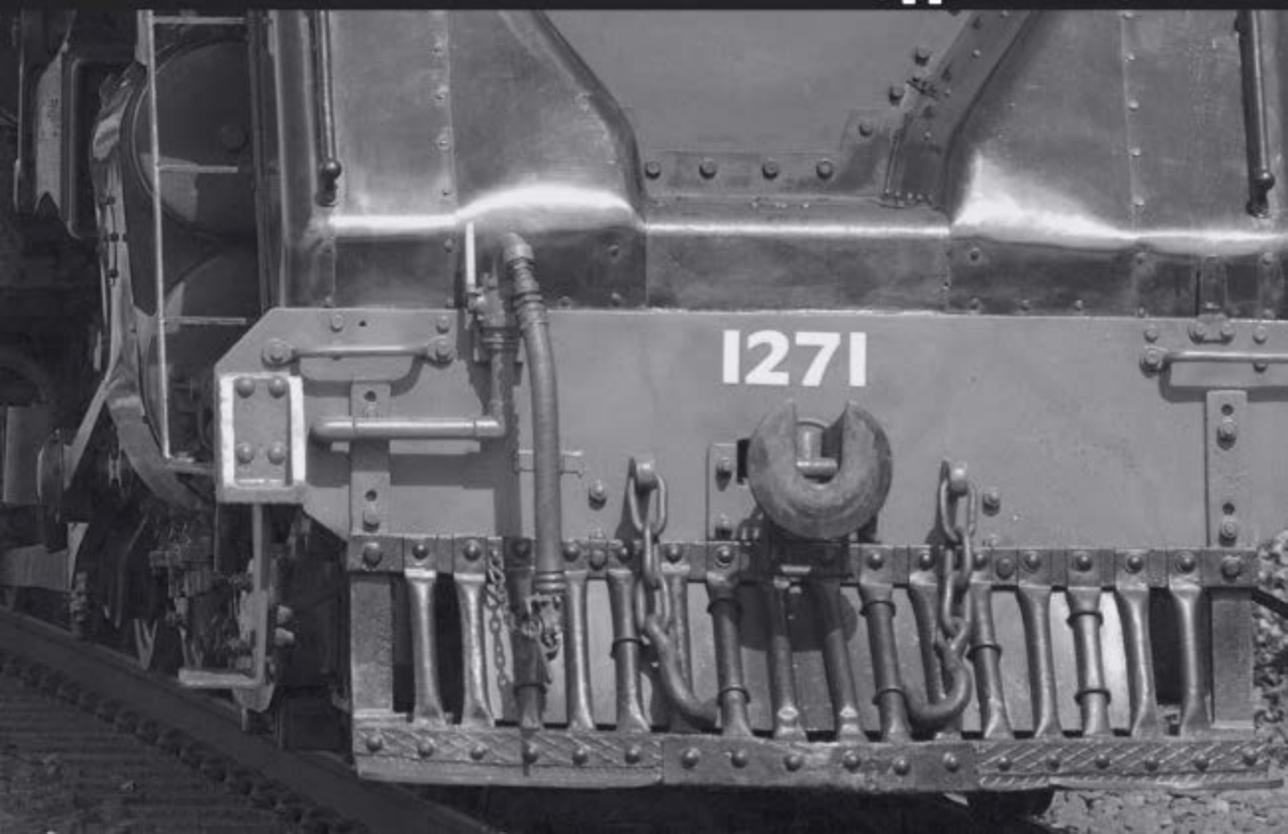

ДЕТИ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ

ЭДИТ НЕСБИТ

Эдит Несбит

Дети железной дороги

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Известная английская писательница и поэтесса Эдит Несбит (1858-1924) родилась в семье сельскохозяйственного химика Джона Коллиза Несбита. Семья постоянно переезжала на протяжении нескольких лет – Несбиты жили не только в Англии, но и во Франции, Испании и Германии.

Затем три года семья провела на родине, в Англии – на северо-западе графства Кент, в городке под названием Халстед. Это место позже описывалось в романе «Дети железной дороги». В 1875 году Несбиты снова переехали, на этот раз в Лондон.

В 1880 году Эдит вышла замуж за банковского клерка Хьюберта Бланда. Этот брак подарил писательнице троих детей, которым были посвящены наиболее известные произведения – «Дети железной дороги», «Пятеро детей и чудище», «Искатели сокровищ».

Литературная слава пришла к Эдит не сразу, но со временем ее книги приобрели широкую известность. Писательница оставила своим читателям более 60 произведений художественной литературы для детей, некоторые из которых были адаптированы для кино и телевидения.

Роман Несбит «Дети железной дороги» наиболее известен, благодаря неоднократным экранизациям (один из последних фильмов по роману был снят в Великобритании в 2000 году).

Роберта, Питер и Филлис были вполне счастливыми детьми. Они жили с родителями и няней в Лондоне, не испытывая ни в чем нужды. В одночасье жизнь детей изменилась – отец неожиданно исчез, а им с мамой пришлось переехать в крохотный домик в деревне и научиться жить на те небольшие деньги, что ей удавалось заработать написанием рассказов.

Теперь все свободное время ребята проводят около железной дороги. Тут они успевают подружиться и с пассажиром экспресса, и с начальником станции. Брат и сестры предотвращают крушение поезда и охотно помогают многим людям. Неудивительно, что и окружающие стремятся помочь детям, в том числе и в поисках отца.

Глава I

КАК ВСЁ НАЧАЛОСЬ

Сначала они вовсе не были детьми железной дороги. Они и не думали о поездах и рельсах, а если думали, то не иначе как о средстве попасть в контору Кука, на пантомиму, в зоосад или к мадам Тюссо* . Они были просто дети из пригорода. Они жили с папой и мамой на вилле: краснокирпичный фасад, цветные стекла на входной двери, коридор, который назывался у них холлом, ванная комната с горячей и холодной водой, электрические звонки, створчатые окна, обилие белого цвета и все то, что на языке чиновников, ведающих жилищными делами, зовется современными удобствами.

Их было трое. Старшая – Роберта. Разумеется, у мам не бывает в отношении детей явных предпочтений, но если бы таковые были, то самой-самой была бы Роберта. Следующим по старшинству шел Питер, страстно желавший стать инженером, когда вырастет. А самой младшей и самой послушной была Филлис.

Их мама не тратила времени впустую, не делала бестолковых визитов разным скучным дамам и не сидела в праздности, ожидая, когда эти дамы нанесут ответный визит. Почти всегда она была дома, готовая и поиграть с детьми, и почитать им книгу, и помочь в приготовлении уроков. А кроме того, она, пока дети учились в школе, писала рассказы, которые после чая прочитывались вслух. Еще она сочиняла забавные стишки к дням рождения и по другим значительным поводам, например, когда брали котенка и давали ему имя, или когда делали перестановку в кукольном доме, или когда дети выздоравливали после кори или свинки.

У этих троих было все, чего только можно пожелать: красивая одежда, всякие добротные вещи, очаровательная детская, заваленная игрушками и

оклеенная обоями со сценками из жизни Матушки Гусыни* . Была у них и няня, веселая, добрая женщина, и преданный им всем в равной мере пес по кличке Джеймс. И папа у них был само совершенство – никогда не сердился, все решал по справедливости и всегда готов был с ними поиграть, а уж если не мог, то для этого была весома причина, суть которой он излагал так интересно и забавно, что это само по себе было как игра.

Вы подумаете теперь, что, наверное, они были счастливы. Да, они, конечно, были счастливы, но только они не могли этого осознать до тех пор, пока не кончилась их уютная жизнь на красной вилле и пока не пришлось им всем начать вести совсем иную жизнь.

Ужасная перемена произошла совершенно неожиданно.

У Питера был день рождения – ему исполнилось десять лет. Среди прочих подарков была модель локомотива, самая совершенная из всех, какие можно было раздобыть в ту пору. Многие полученные им подарки были восхитительны, но все же ни один не мог сравниться с локомотивом.

Три дня брат и сестры наслаждались подарком. Но потом, из-за неопытности ли Питера, или потому что Филлис нажала где-то не там, локомотив неожиданно взорвался. Джеймс так перепугался, что убежал из дому и не возвращался до ночи. Разноцветные человечки в тендере* все разлетелись по углам, но в доме ничто не пострадало, кроме локомотива и чувств бедного подростка. Говорили, что он плакал над локомотивом, но, разумеется, десятилетние мальчики не плачут, какие бы ужасные трагедии не выпадали на их долю. А то, что у него были красные глаза, он объяснял тем, что поймал простуду. Это, к вящему удивлению самого Питера, оказалось правдой, и весь следующий день ему пришлось провести в постели. Мама с ужасом подумала, что, должно быть, он заболел корью, как вдруг мальчик сел в кровати и объявил:

– Терпеть не могу кашу! Ненавижу перловую жижу! Унесите хлеб с молоком! Я хочу встать и по-настоящему пообедать!

– Это как же, по-настоящему? – спросила мама.

– Хочу большой, жирный пирог! – нетерпеливо потребовал Питер.

Мама тут же наказала кухарке испечь большой, жирный пирог. Та замесила тесто, раскатала, сделала пирог и посадила его в печь. Когда пирог был готов, Питер его отведал. И после этого он быстро стал поправляться от своей простуды. А пока пирог пекся, мама, чтобы успокоить и развлечь Питера, написала несколько четверостиший. В начале рассказывалось о том, что Питер хороший мальчик, но ему частенько не везет, а дальше мама поведала печальную историю:

Погиб товарищ добрый мой,
Большой локомотив!
Ах, Питер все отдать готов,
Чтоб снова был он жив.

Вот, слушайте, мои друзья!
Случилось зло из зол.
«Спасите!» – крикнул машинист,
И взорвался котел.

Бедняжка Питер побледнел
И устремился к маме –
Не сталкивался прежде он
С подобными вещами.

Оставил машиниста он

И гибнущих людей,
Поскольку дорожил одной
Игрушкой своей.

А после Питер заболел
И очень грустный был,
И тщился пирогом заесть
Раскаяния пыл.

Закутавшись в пять одеял,
Он спит без задних ног,
То на один, то на другой
Заваливаясь бок.

Глаза его красным-красны,
И грипп повинен в том,
Но скоро вылечится он
Горячим пирогом!

Папа во время несчастного случая был в деревне, и ожидалось, что вернется он только через три или четыре дня. Все надежды на восстановление локомотива Питер возлагал исключительно на папу, у которого были изобретательный ум и ловкие руки. Не было такой поломки, которую тот не умел бы устранить. Для деревянной лошадки Питера он был настоящим ветеринаром. Когда эту лошадку приготовили уже на выброс за негодностью, папа ее подобрал и починил, хотя даже плотник говорил, что ничем не поможет бедняжке. И кукольную колыбель, которую никто не мог исправить, папа сумел привести в порядок. И когда поломался Ноев ковчег,

он с помощью маленького пузырька с клеем, нескольких деревяшек и перочинного ножика так здорово закрепил на булавках всех зверей, что прочнее уже некуда.

В день, когда папа вернулся домой, Питер с героической самоотверженностью молчал о локомотиве до тех пор, пока папа не пообедал и не выкурил свою послеобеденную сигару. Правда, это мама посоветовала Питеру проявить самоотверженность, но ведь он сумел ее проявить. И это потребовало изрядной доли терпения.

И вот, наконец, мама обратилась к папе с такими словами:

– Теперь ты, я вижу, отдохнул и успокоился, и мы должны тебе сообщить о большой железнодорожной катастрофе. Очень нужен твой совет.

– Да, говори.

И тогда Питер вынес сломанный локомотив.

– Однако, – вздохнул папа, тщательно осмотрев то, что осталось от игрушки.

– Что? Никакой надежды? – тихо, срывающимся голосом пробормотал Питер.

– Нет, почему же. Мне нужны будут инструменты, кусок меди, паяльник... Впрочем, лучше это отложить на какой-нибудь очень дождливый день. Кажется, в субботу обещают непогоду. Мне придется провозиться все утро, и вы будете мне помогать.

– Разве могут девочки чинить локомотив? – недоверчиво произнес Питер.

– А почему же нет? Думаешь, девочки глупее нас? Вовсе нет. Филлис, ты хочешь быть машинистом поезда?

– У меня же все лицо будет грязное, – вяло пробормотала Филлис, – и я обязательно что-нибудь поломаю.

– А я, пожалуй, хотела бы! Как думаешь, папа, у меня получится? Или даже истопницей? – с энтузиазмом отозвалась Роберта.

– Ты хотела сказать «кочегаршей»? – спросил папа, продолжая толкать и трясти машину. – Ну, что ж, мы тебя обучим, и ты будешь первой в мире женщиной-кочегаром. Помню, когда я был мальчишкой...

В это время раздался стук в дверь.

– Ну, кто там еще? Если это закон, что для англичанина его дом – его крепость, то уж и строили бы крепости за семью запорами и с подвесным мостом.

Между тем в комнату вбежала Руфь, рыжеволосая служанка, и сообщила, что какие-то два джентльмена требуют хозяина.

– Я проводила их в библиотеку, – добавила девушка.

– Это, наверное, подписка о назначении vicar, или собирают деньги на церковный хор, – сказала мама. – Как-нибудь отделайся от них поскорее, иначе вечер будет испорчен, да и детям уже скоро пора спать.

Но у папы никогда не получалось быстро отделываться от посетителей.

– Как бы хотелось, чтобы у нас были рвы и мосты, – вздохнула Роберта. – Появился какой-то нежелательный гость – и сразу же мы поднимаем мосты. Боюсь, они так заморочат папе голову, что он забудет, кем он хотел стать, когда был мальчиком.

Мама пыталась развлечь детей волшебной сказкой о принцессе с зелеными глазами, но это плохо удавалось, потому что из библиотеки доносились реплики папы и двух пришедших господ. Папин голос звучал громче и совсем по-другому, чем когда он говорил с людьми, пришедшими собирать подписи или деньги на церковные праздники.

Потом в библиотеке зазвонил колокольчик, и все облегченно вздохнули.

– Это он позвонил, чтобы служанка их проводила, – сказала Филлис.

Но Руфь вместо того, чтобы провожать посетителей, вбежала в детскую, и вид ее показался всем очень странным.

– Мэм, простите меня, пожалуйста... – бормотала она, – хозяин вас просит зайти в кабинет. У него такой ужасный вид, он как мертвый... Приготовьтесь к самому плохому: или кто-то умер из ваших близких, или банк лопнул, или...

– Не волнуйтесь так, Руфь, – ласково проговорила мама, – ступайте к себе.

Потом мама вошла в библиотеку. Были слышны еще разговоры. Руфь пошла вызывать кэб* . Дети слышали стук ботинок по коридорам и ступенькам. Кэб уехал, и кто-то с силой хлопнул дверью. Потом пришла мама. Лицо у нее было такое же белое, как ее кружевной воротничок. Глаза казались огромными и сверкающими. Губы были как одна тонкая красная полоска. Они потеряли всякую форму.

– Уже время спать, – проговорила она, – Руфь вас уложит.

– Мама, но ты ведь обещала, что по случаю папиного приезда мы посидим подольше, – напомнила Филлис.

– Папа... Его вызвали по делу. Нам всем пора спать, мои милые.

Питер и Филлис поцеловали ее и пошли каждый в свою спальню. Роберта задержалась, она крепко обняла маму и прошептала:

– Ведь ничего не случилось плохого? Никто не умер?

– Нет, никто не умер, – мама, казалось, отталкивала от себя девочку, – я пока ничего не могу тебе сказать. Ступай, моя девочка. Прошу тебя...

Роберта повиновалась.

Руфь расчесала им с Филлис волосы и помогла переодеться (обычно это делала мама). Когда служанка вышла на лестницу, чтобы пойти в спальню к Питеру, она увидела, что мальчик сидит в ожидании на ступеньках.

– Руфь, что там делается, наверху?

– Не задавай мне вопросов... Я не хочу тебя обманывать... Ты скоро сам узнаешь всю правду.

Поздно ночью мама приходила поцеловать ребят. Из всех детей одна Роберта проснулась от ее прикосновения. Но она затаила дыхание и притворилась спящей. «Что ж, – думала девочка, прислушиваясь в темноте к материнскому дыханию, – если мама не хочет, чтобы мы знали, почему она плачет, значит, нам не надо допытываться».

Когда сестры и брат утром спустились к завтраку, мамы уже не было дома.

– Она уехала в Лондон, – пояснила Руфь и оставила детей одних в столовой.

– Случилось что-то ужасное, – проговорил Питер, разбивая яйцо. – Руфь сказала вечером, что мы скоро все узнаем.

– А ты, наверное, мучил ее вопросами, – укоризненно заметила Роберта.

– Да, представь себе! – сердито ответил Питер. – Если вы можете идти спать, когда мама в тревоге, то я не могу так.

– Не следует спрашивать прислугу про то, о чем мама не хочет, чтобы мы знали.

– Пай-девочка, как обычно, права. Проповедница... – проворчал Питер.

– Я вот не пай-девочка, но Бобби теперь права, – вступилась Филлис.

– Главное, что она себя всегда считает правой!

– Замолчи! – крикнула Роберта, бросая на стол чайную ложку, которой ела яйцо. – Неужели сейчас время срывать зло друг на друге? Случилось какое-то страшное бедствие. Не накликать бы нам еще худшей беды!

– Интересно, а кто начал первый?

Роберта готова была взорваться, но опомнилась и проговорила кротко:

– Я первая начала, я. Прости.

– Ну ладно, мир! – торжественно заключил Питер, но, перед тем как уйти в школу, он небольно стукнул старшую сестру по спине – это был знак ободрения.

Дети вернулись домой в час дня и сели обедать, но мама не приехала. Не появилась она и к вечернему чаю.

Она приехала только в семь часов, и вид у нее был такой болезненный и усталый, что дети почувствовали: теперь не надо ни о чем ее расспрашивать. Она бросилась в кресло, и пока Филлис вынимала из ее прически длинные шпильки, а Роберта стягивала с нее перчатки, Питер расстегнул пряжки ее туфель и сбегал за домашними туфлями.

Потом ей подали чай, и Роберта потерла ей виски одеколоном, чтобы унять головную боль. Только после этого мама начала говорить.

– Вот, теперь я хочу вам что-то сказать. Те люди, что приходили вчера, принесли очень плохие вести. Папа должен отлучиться на некоторое время. Я прошу вас помочь мне и не делать ничего такого, отчего мне стало бы еще тяжелее.

– Если бы мы только могли! – воскликнула Роберта, прижимая мамину руку к своей щеке.

– Вы мне очень поможете, если будете без меня жить хорошо и мирно. – (При этих ее словах Роберта и Питер виновато переглянулись). – Потому что я могу отлучиться на очень большой срок.

– Мы не будем ссориться. Честное слово! – ответили все трое в один голос.

– И еще, – продолжила мама. – Прошу вас не задавать мне никаких вопросов по поводу того, что произошло. И никому другому не задавать этих вопросов.

Питер сразу съежился и принялся переставлять на полovice свои башмаки.

– Вы мне обещаете ни о чем не спрашивать? – настаивала мама.

– Я спрашивал у Руфи, – не выдержал тогда Питер. – Прости меня, но я спросил.

– И что она тебе ответила?

– Что уже довольно скоро я про все узнаю.

– Тебе совсем не обязательно все узнавать, – сказала мама. – Это относится к папиным делам, а что ты в них понимаешь?

– Так это касается правительства? – вмешалась Роберта. – Ведь папа же работает в правительственном учреждении.

– Да, – ответила мама. – А теперь, милые, пора спать. Не переживайте. Рано или поздно все образуется.

Мама вздохнула и расцеловала детей.

– Завтра утром, как только проснемся, сразу начинаем быть хорошими, – объявил Питер на лестнице.

– Почему не сегодня? – спросила Роберта.

– Что же можно сегодня успеть, глупая?

– По крайней мере, надо уже сейчас почувствовать себя хорошими. И не обзываться.

– Обзываться – это значить давать прозвища. А я же не сказал «Бобби», я сказал «глупая».

– Ну тебя, честное слово.

– Ты не обижайся. Это я, как папа говорит, любя. Спокойной ночи.

Девочки сложили свои платья с необыкновенной аккуратностью. Пожалуй, это было единственное хорошее дело, которое они успевали сделать сегодня.

– Вы так себя ведете, как будто ничего не случилось. Вы думаете, это только в книгах что-то случается. А мне вот кажется, что у нас теперь СЛУЧИЛОСЬ! – говорила Филлис, разглаживая свой передник.

– Я больше всего боюсь, когда случается то, от чего маме плохо, – поддержала сестру Роберта. – Все просто ужасно.

Несколько недель дела в доме шли из рук вон плохо.

Мама заглядывала на короткое время и опять уезжала. Сначала рассчитали горничную. Потом приехала погостить тетя Эмма. Тетя была гораздо старше мамы. Она отбывала за границу работать гувернанткой. Тетя Эмма всецело была занята подготовкой своего гардероба. Все ее платья были неприглядные, мрачные. И они были раскиданы по всему дому. И казалось, что швейная машина стрекочет целый день и даже по ночам. Тетя Эмма свято верила в то, что дети должны знать свое место. Они же в свою очередь полагали, что помнить свое место не мешало бы и тете. Общались они мало. С прислугой было гораздо, гораздо интереснее. Повар, когда бывал в хорошем настроении, пел им шуточные песенки, а горничная, когда не была сердита на детей, отлично изображала кудахтанье наседки, звук открываемой бутылки шампанского и мяуканье двух подравшихся котят. Слуги таили от детей плохие новости, которые доставили папе два джентльмена. Но по намекам чувствовалось, что если дети попросят, то они могут что-то рассказать. И от этого детям было очень неловко.

Однажды, когда Питер устроил за дверью ванной комнаты ловушку и проходившая мимо Руфь угодила в нее, за этим последовала расправа – рыжая служанка надрала ему уши.

– Ты гадкий мальчишка! – кричала она. – Если ты не исправишься, быть тебе там же, где твой драгоценный папочка, вот что я тебе скажу!

Роберта слышала это и передала маме. Девушку на следующий день рассчитали.

Однажды мама, возвратившись домой, сразу легла в постель и не вставала два дня. К ней приходил доктор, а дети бродили по дому несчастные, и им казалось, что близится уже конец света.

Потом, наконец, мама сошла в гостиную. Она была еще бледная, но мешки под глазами исчезли, и вообще выглядела она неплохо.

– Ну вот, мои милые, все теперь утряслось. Мы больше не будем жить в этом доме. Мы скоро уедем в деревню. Там у нас будет маленький домик. Уютный, беленький, похожий на голубятню. Увидите, он вам понравится.

И целую неделю они паковали вещи – не одежду, как при поездках к морю, а стулья и столы: сиденья и спинки увязывали мешковиной, а ножки обкладывали соломой.

Паковали много такого, чего никогда прежде не приходилось паковать: посуду, одеяла, светильники, ковры, железные кровати, кастрюли, даже ящики с инструментами и чугунные утюги.

Дом сделался похож на мебельный магазин. Детям все это доставляло удовольствие. И мама, хотя была очень занята, но все же не настолько, чтобы не поговорить с ними, не почитать, не написать стишок в утешение Филлис, когда она упала с отверткой и та вонзилась ей в ладонь.

– А это мы не будем паковать, мама? – спрашивала Роберта, показывая на красивый комод, отделанный красными ракушками и медью.

– Мы не можем все взять, – ответила мама.

– Получается, что мы берем худшее, а лучшее остается.

– Понимаешь, мы берем только необходимое, – пояснила мама. – У нас будет такая игра – как будто мы бедняки.

Когда неприглядные и полезные вещи были, наконец, упакованы и люди в суконных передниках погрузили их в фургон, девочки, мама и тетя Эмма уснули в двух полупустых комнатах, где остались только красивые вещи. Спать им пришлось на полу, так как их кровати увезли. Только Питеру постелили на диване в гостиной.

– А весело так жить! – говорил он, ворочаясь на жестком диване. – Мне нравится переезжать. Вот если бы мы каждый месяц переезжали!

Мама рассмеялась в ответ.

– Типун тебе на язык! Прости меня, но лучше все-таки переезжать пореже.

Когда мама повернулась, Роберта увидела ее лицо. Этот образ потом всю жизнь преследовал ее неотступно.

– Мама! – шептала она про себя, засыпая. – Какая ты отважная! Как я тебя люблю! Быть такой храброй, когда тебе так больно...

На другой день загружали ящики. Множество ящиков, бесконечные ящики! А потом, поздно вечером, прикатил фургон и отвез их на станцию.

Тетя Эмма проводила их и осталась одна в доме. Но детям казалось, что это они проводили тетю Эмму.

– Мне жалко этих иностранных детей, у которых она будет гувернанткой. Не хотела бы я быть на их месте, – говорила потом Филлис.

Сперва им доставляло удовольствие смотреть в окно, но постепенно глаза у них слипались. Никто из них не знал, сколько времени поезд был в пути. А рано утром они проснулись оттого, что мама осторожно их тормошила.

– Вставайте. Мы приехали.

Они проснулись, замерзшие и в плохом настроении. Пришлось выйти на мокрую платформу и долго стоять на ветру, пока из вагона выносили багаж. Потом локомотив запыхтел и загудел, и поезд умчало вдаль. Дети следили, как исчезают во тьме огни хвостового вагона.

В первый раз поезд и железная дорога стали для них такими близкими и важными. Они еще не подозревали, как они будут любить железную дорогу. Скоро ей предстояло стать главным в их жизни. Какие перемены, какие чудеса будут связаны с ней! А пока они дрожали и чихали, прося Всевышнего, чтобы дорога была не слишком долгой. У Питера начался страшнейший насморк. У Роберты шляпка съехала на затылок, и резинка

сильнее обычного врезалась в кожу. У Филлис развязались на башмаках шнурки.

– Идемте, – говорила мама. – Придется пешком, ничего не сделаешь. Кэбов в этих местах не бывает.

Они шлепали в потемках по грязи. Долго шагали по ухабистой дороге, у Филлис закружилась голова, и она свалилась в лужу. Мама и брат подхватили ее под руки, промокшую и несчастную. Газовых фонарей на обочинах не было, а дорога все время поднималась в гору. Они почти нагнали повозку и шли, вслушиваясь в скрип колес. Когда глаза стали привыкать к темноте, они стали различать перед собой гору покачивающихся коробок и ящиков.

Повозка въехала в широкие ворота, и теперь дорога шла через поля и все время под гору. Наконец по правую сторону они заметили что-то большое, темное, не имевшее определенной формы.

– Вот и дом, – сказала мама. – Я только не понимаю, почему она закрыла ставни.

– Кто – она? – спросила Роберта.

– Одна женщина... Я попросила ее убраться, расставить мебель и приготовить ужин.

Дом был огорожен низкой стеной, вокруг росли деревья.

– Это сад, – сказала мама.

– Мне это напоминает кастрюлю, в которой плавают черная капуста, – пробормотал Питер.

Повозка объехала стену и оказалась позади дома. Затем она въехала с грохотом в вымощенный булыжником двор и остановилась перед черной дверью.

Ни в одном из окон не горел свет.

Все по очереди стучали в дверь, но никто не вышел.

Возница сказал, что скорее всего миссис Вайни ушла домой.

– Все дело в том, что поезд сильно опоздал, – прибавил он.

– Но ключ-то у нее! – воскликнула мама. – Как же нам быть?

– Она его обычно оставляет под лестницей, – он пошарил в повозке и нашел фонарь.

– Вот он, здесь, все в порядке.

Он отпер дверь, вошел внутрь и поставил фонарь на стол.

– У вас найдется свеча? – спросил он.

– Я не помню уже, где у меня что, – ответила мама, и в голосе ее больше не было прежней бодрости.

Возница чиркнул спичкой. На столе нашлась свечка, и он ее зажег.

В слабом свете дети разглядели большую кухню с каменным полом. Не было ни занавесок, ни коврика перед очагом. Посередине комнаты стоял кухонный столик. Стулья были составлены в дальний угол, а горшки, кастрюли, веники и посуда валялись в другом углу.

Когда возница занес последний ящик и собрался уходить, раздался странный звук, как будто бы кто-то стремительно пробежал внутри стенки.

– Что это? – воскликнули в один голос девочки.

– Крысы, всего-навсего, – объяснил возница.

Уходя он хлопнул дверью, и ворвавшийся снаружи ветер погасил свечку.

– Лучше бы мы сюда не приезжали! – сказала Филлис, спотыкаясь о стул.

– Крысы, всего-навсего! – повторил с горечью Питер.

Глава II

ПИТЕР-УГЛЕДОБЫТЧИК

– Что за глупости! – воскликнула мама, нащупывая на столе коробку спичек. – Так испугаться бедного мышонка. Крыса – придумал тоже!

Она зажгла спичку, свечка вновь загорелась, и в ее слабом свете они наконец смогли рассмотреть друг друга.

– Ну! – смеясь, обратилась к детям мама. – Вам же очень хотелось, чтобы что-нибудь такое случилось. Вот вам и приключение! Я просила миссис Вайни купить хлеба, масла и мяса и приготовить нам ужин. А что если она там, в столовой, – потушила свет и легла поспать? Пойдемте посмотрим.

Кухонная дверь открывалась прямо в столовую. Войдя с одной свечкой, они убедились, что в столовой намного темнее, чем в кухне. Потому что кухню недавно вымыли, а столовая была черной от потолка до пола, и потолок пересекали тяжелые черные балки. Кругом громоздилась пыльная мебель – мебель из столовой их старого дома, где они жили с самого рождения. Детям казалось теперь, что это было очень давно. И очень далеко.

По крайней мере, в столовой стояли стол и стулья. Но где же ужин?

– Давайте посмотрим в других комнатах, – предложила мама. Повсюду они спотыкались о нагромождение неразобранной мебели, утюгов, посуды и разных ненужных предметов, но никаких следов ужина они так и не нашли. Даже в кладовой валялись только ржавая медная форма для кексов и щербатая тарелка с остатками молока.

– Что за противная старуха! – воскликнула мама. – Она просто сбежала, забрав с собой деньги, и ничего нам не приготовила.

– Значит, мы ляжем голодными? – почти с ужасом спросила Филлис, наступая на фаянсовую тарелку, которая тут же с готовностью треснула под ее стопой.

– Подожди, – сказала мама. – Давайте разберемся в большом тюке, что мы с собой привезли. Он, наверное, в подвале. Фил, пожалуйста, детка, смотри под ноги. Питер, поддержи свечку!

Пять деревянных ступенек вели вниз – в подвал, который понравился детям, потому что потолок там был такой же высокий, как в кухне. Под потолком на полке сложены были дрова и уголь. А также разные вещи.

Питер встал у стены со свечой, а мама пыталась развязать тук, закрученный множеством веревок.

– Где молоток? – спросил Питер.

– Здесь, – ответила мама. – Хотя нет – боюсь, что он в ящике. Зато я нашла совок для золы и кочергу.

Потом она принялась за чемодан.

– Давай я открою, – предложил Питер, думая, что ему это удастся быстрее. Ведь каждому из нас, когда он видит, как другой ворошит в печке дрова, или открывает чемодан, или развязывает тугой узел на веревке, кажется, что он может сделать это лучше.

– Мама, ты поранишь себе руки. Дай я! – говорила Роберта.

– Жалко, папы нет – он бы в два счета! – пробубнил Питер. – Бобби, ты чего пинаешься?

– Я? Я даже к тебе не прикасалась!

Тут же вырвали со скрипом первый гвоздь. Вынули одну планку, за ней другую, и вот уже все четыре с длинными гвоздями, похожими на железные зубья, зловеще засверкали в свете огарка.

– Ура! – воскликнула мама. – Тут как раз свечи. Это главное, что нам сейчас нужно. Девочки, пойдите зажгите их. Найдите там блюдца. Капните туда воск и в него поставьте свечи, чтобы они держались.

– А сколько их надо зажечь?

– Сколько вы сочтете нужным. Лучше побольше, чтобы ожить. А то в сумерках все приходят в уныние, кроме разве ночных сов и ленивых сонь.

Девочки принялись зажигать свечи. У одной спички отлетела головка и обожгла палец Филлис. Но, как сказала Роберта, это был пустяковый ожог. Ведь она могла жить во времена римских мучеников, когда людей сжигали заживо.

Когда огонь четырнадцати свечей озарил столовую, Роберта сходила за дровами и углем и принялась растапливать очаг.

– Что-то не по-майски холодно, – заметила Роберта и, говоря, чувствовала себя старше своих лет.

При огне свечей и очага столовая приняла совсем другой вид; оказалось, что стены столовой сделаны из дерева, окрашенного в черный цвет, и украшены резным орнаментом в виде цветов и спиралей.

Девочки спешно стали приводить комнату в «божеский вид», растаскивая все лишнее и ненужное по углам, а кое-что пряча под огромное кожаное кресло, папино кресло, в котором он так любил отдыхать после обеда.

– Bravo! – воскликнула мама, входя с подносом, уставленным всякой всячиной. – Это уже на что-то похоже. Погодите, сейчас я отыщу скатерть – и тогда...

Скатерть оказалась в ящике с замком, который можно было открыть ключом, а не совком, и когда ею накрыли стол, комната стала похожа на пиршественный зал.

Все невероятно устали, но в предчувствии забавного и нарядного застолья сразу приободрились. Чего только не было на столе! Бисквиты, пирожные, консервированный имбирь, изюм, цукаты, мармелад...

– Оказывается, тетя Эмма не зря скупила весь магазин, – говорила мама.

– Филлис, пожалуйста, не ешь одной и той же ложкой мармелад и сардины!

– Не буду! – сказала Филлис и положила ложку в тарелку с печеньем «Мария».

– Давайте первым делом выпьем за здоровье тети Эммы. Если бы она нам все это не запаковала, что бы мы делали? За тетю Эмму!

Они выпили разбавленное водой имбирное вино из чашечек, сделанных в форме ивового куста, потому что бокалов пока не удалось найти.

Все чувствовали себя слегка виноватыми перед тетей Эммой. Конечно, она не была такой обаятельной и ласковой, как мама, но, в конце концов, ведь это она положила в багаж всякие вкусные вещи.

К тому же тетя Эмма догадалась проветрить постельное белье. Люди, которые привезли из города мебель, поставили кровати вплотную друг к другу, и осталось только их застелить.

– Ну, цыплятки мои, доброй ночи, – сказала мама. – Я все же уверена, что крыс тут нет. Но я на всякий случай оставляю дверь приоткрытой: если выскочит мышонок, вы только мне крикните – я приду и выскажу ему все, что о нем думаю.

Мама ушла в свою комнату. А ночью Роберта проснулась оттого, что маленькие дорожные часы пробили два; Их звук напоминал ей всегда бой церковных часов... Там, далеко... Потом слышались шаги. Мама до сих пор что-то делала в своей комнате.

Утром Роберта разбудила Филлис, дернув ее за волосы. Дернула как будто слегка, но все же немного, как той показалось, больно.

– Вставай скорее! Вставай! Ты же помнишь, что мы теперь живем в новом доме. Тут у нас никакой прислуги не будет. Давай встанем и сделаем что-нибудь полезное. Нам надо потихоньку спуститься вниз и сделать, чтобы все было красиво, пока мама не встала. Питера я уже разбудила. Он оденется быстрее нас.

Они оделись бесшумно и быстро. Воды у них в комнате, конечно, не было, пришлось спуститься во двор и умываться из шланга. Одна девочка держала шланг, а другая мылась. Это было не особенно удобно, но зато интересно.

– Это же лучше, чем в ванной купаться, – рассуждала Роберта, – погляди-ка, травка между камней прямо искрится на солнце, а какой мох на крыше и цветы...

Крыша кухни, расположенной в боковой части дома, покато спускалась к самой земле. Крыша была соломенная, и сквозь нее пробивались мох, ломикамень* , лук-порей и мелкие цветочки.

– Тут гораздо, гораздо красивее, чем на вилле в Эджкомбе, – говорила Филлис. – Я бы еще хотела посмотреть, что тут за сад.

– Ни о каких садах нам пока думать не приходится! – категорично заявила Роберта. – Все в дом – и за дела!

Растопили печь, поставили чайник, расставили посуду к завтраку. Многих необходимых вещей пока не смогли найти, но папина стеклянная пепельница отлично послужила солонкой, а хозяйская медная форма для кексов – хлебницей.

Когда первоочередные дела были сделаны, они выбрались наконец на свежий воздух, на яркий утренний свет.

– Погуляем хоть в саду, – сказал Питер.

Но где же он, сад? Они дважды обошли дом. Задний двор весь был заставлен сараями и разными хозяйственными постройками. А с трех сторон

дом окружали поля, и ни дворики, ни посадки не отделяли его от окружавшей болотистой, торфянистой равнины.

Это была сельская местность на возвышенности. За спуском виднелись рельсы железной дороги и зияющая пасть туннеля. Станция была скрыта за домами, зато виднелся огромный мост на краю долины, с высоченными арками.

– Что же делать? Нет сада – значит, нет! – вздохнул Питер. – Давайте спустимся к дороге. Там, наверное, поезда ходят.

– Поезда мы отсюда можем увидеть, – проговорила Роберта. – Дай посидеть хоть немного.

Они уселись на большом камне, который возвышался над травами, и когда мама в восемь часов вышла во двор, она увидела, что дети, сбившись в кучку, дружно спят крепким сном.

Они так замечательно растопили в половине пятого очаг, поставили чайник, но к восьми часам огонь успел потухнуть, вода выкипела, и дно чайника было прожжено чуть ли не насквозь. Уже не приходилось думать о мытье посуды.

– Оставим пока в покое чашки и блюдца, – сказала мама. – Я тут нашла еще комнату, она просто чудо. Я совсем забыла, что тут есть еще комната. И я уже вскипятила воду в кастрюле.

Дверь в забытую комнату открывалась тоже из кухни. В потемках и в суматохе они решили, что это ниша или буфет. А это была небольшая квадратная комнатка, и на столе, красиво обставленном, стояли остывший ростбиф, хлеб, масло, сыр и пирог.

– Пирог! – воскликнул Питер. – Вот это здорово!

– Да, представьте себе! Яблочный пирог. Это тот самый ужин, который мы должны были съесть вчера, – сказала мама. – А вот записка от миссис

Вайни. Ее зять сломал руку, и бедной женщине пришлось уйти, не дождавшись нас. Она в десять придет.

Завтрак получился чудесный. Дети говорили, что утром гораздо приятнее есть яблочный пирог, пусть даже холодный, чем говядину.

– Но это больше похоже на обед, чем на завтрак, – заметил Питер, вылизывая свою тарелку, – потому что мы ведь так рано встали.

Весь день дети были заняты тем, что помогали маме распаковывать и раскладывать вещи. Шесть маленьких ног болели от непрерывной беготни, а их обладатели все переносили и переносили посуду и разные предметы на определенные для них места. Было еще не очень поздно, когда мама сказала:

– Мы что-то сегодня переработали. Я пойду на часок прилягу, чтобы к ужину быть свежей, как жаворонок.

Тогда дети переглянулись между собой. У всех были очень выразительные лица, хотя все они выражали одну и ту же мысль. Мысль эта, как рубрики в Путеводителе для детей, состояла из двух частей – из вопроса и ответа.

Вопрос: Куда мы пойдём?

Ответ: На железную дорогу.

И они отправились на станцию, а выходя, обнаружили сад: он находился за хозяйственными строениями и был окружен высокой стеной.

– Не будем отвлекаться, – объявил Питер. – Мне мама уже объяснила утром, где этот сад. Но мы пойдём туда завтра, а теперь – на железную дорогу.

Путь к железной дороге пролегал по покатоному заболоченному участку, который весь был буквально утыкан кустами и желто-серыми скалами, напоминавшими свечи на именинном торте.

Под конец дети сбежали по круче к деревянному забору: за ним открывался вид на железную дорогу с ее сверкающими рельсами, телеграфными проводами, постами и семафорами.

Они влезли на забор, и тут раздался зловещий звук, заставивший их повернуть головы вправо. Там из массивной скалы смотрело на них черное жерло туннеля. В следующую секунду из туннеля с воплем и фырчанием вырвался поезд. Он на огромной скорости промчался мимо детей. Их словно обдало ветром, и галька запрыгала на насыпи.

– Ух! – выдохнула Роберта. – Это как будто был дракон. Он чуть не поймал нас и не унес на своих горячих крыльях!

– Да, и я представляла себе логовище дракона как раз таким, как этот туннель, – прибавила Филлис.

– Я не думал, – сказал Питер, – что мы окажемся так близко от поезда. Мне даже было страшно.

– Это тебе не игрушечный локомотив! – уязвила его Роберта.

(Между прочим, мне наскучило уже называть ее полным именем – Роберта. Брат и сестра называли ее Бобби, так почему бы и мне не последовать их примеру?)

– Это другое... Это не игрушка, а настоящий поезд. Какой же он длинный!

– Тот поезд, на котором мы сюда ехали, был в два раза короче, – заметила Филлис.

– И те поезда, что мы видели, были разрезаны пополам платформой, – добавила Бобби.

– А вдруг этот поезд едет в Лондон? – сказала Бобби. – Там папа...

– Давайте спустимся на станцию и там все разузнаем, – предложил Питер.

И они пошли.

Идти надо было все время вдоль линии, и они слышали над головой гудение проводов. Когда сидишь в вагоне, то кажется, что расстояние между столбами совсем небольшое. Но когда идешь своим ходом, то столбов как будто бы немного, а пространство от одного столба до другого совсем немалое.

Но вот, наконец, они пришли на станцию.

Прежде дети приходили на станцию, лишь когда надо было куда-то ехать поездом или кого-то встречать, и при этом они всегда отправлялись туда в сопровождении взрослых, которым вовсе не интересно было задерживаться на станциях и хотелось поскорее уйти.

Никогда раньше они не подходили к путям так близко, чтобы видеть провода, никогда не вслушивались, как загадочному «пинь... пинь...», доносящемуся с высоты, отвечает твердое и громкое постукивание машины.

Правда, дети обращали внимание на шпалы, подложенные под рельсы. Шпалы лежали на достаточном расстоянии друг от друга и походили в их представлении на камни в пенящемся потоке из игры, которую любил устраивать дома Питер.

И вот они впервые попали на станцию не через билетные кассы, а идя по покатой насыпи вдоль полотна. Разве уже одно это не радость?

Радостью было также попасть в служебную комнату, где висело на стене расписание поездов, горели лампы и носильщик клевал носом над газетами.

К станции сходились многочисленные колеи. Некоторые из них сразу убегали в депо, словно они очень устали и желали передохнуть. Тут стояли на рельсах платформы, и по одну сторону высилась угольная гора – не россыпь угля, как до ма на чердаке, а как будто угольный дом, выстроенный

из больших черных камней или кирпичей, – это напомнило им города в долине с картинок, помещенных в книге «Библейские рассказы для детей». Там, по верху этой махины, тянулось что-то напоминающее побеленную стену.

Когда носильщик вышел на двукратный удар гонга за дверь, Питер как ни в чем не бывало с ним поздоровался и тут же спросил, что обозначает эта белая метка на угольной куче.

– Она показывает, сколько должно быть угля, – ответил носильщик. – Чтобы никто ничего не стащил. Так что ничего не прячьте у себя в карманах, молодой человек!

Питеру подумалось, что носильщик шутит, стремясь выказать свою к нему симпатию. Но потом оказалось, что не все здесь было шуткой...

Случалось ли вам когда-нибудь оказаться в кухне у фермерши, когда опара в большой глиняной бадье стоит возле огня и поднимается на глазах? Если случалось и если вы были тогда так молоды, что все увиденное вызывало в вас интерес, то вы вспомните, как не смогли побороть искушения и проткнули пальцем эту округлую массу, похожую на гигантский гриб. И – помните – в тесте поначалу образовалась вмятина, а потом – не сразу, но постепенно – все стало опять как было. Правда, если у вас тогда были грязные руки, то на тесте должен был остаться темный след.

Что-то похожее происходило с чувствами детей. Папин отъезд и связанные с этим мучения мамы произвели на них глубокое впечатление, но нельзя сказать, что это оставило в полном смысле слова неизгладимый след у них в душах.

Они вскоре привыкли обходиться без папы, хоть и не забывали его ни на минуту. Точно также они привыкли к тому, что перестали ходить в школу, и очень мало стали общаться с мамой, которая почти на весь день запиралась у себя наверху и писала, писала, писала...

Лишь к вечеру мама обычно спускалась вниз и читала вслух написанные ею рассказы. Прелестные, удивительные рассказы!

А между тем скалы и холмы, долины и перелески, канал и железная дорога над ним – все это было так ново и доставляло такую бездну удовольствия, что начинало казаться: прежняя жизнь приснилась им во сне.

Мама то и дело повторяла, что они стали теперь бедными, как церковные мыши, но они воспринимали это как нечто сказанное к слову, оборот речи. Потому что еды у них всегда было достаточно, и одевались они так же красиво, как там, на вилле.

Но однажды в июне погода испортилась на целых три дня. Дождь полил как из ведра, и сделалось не по-летнему холодно. Никто не выходил наружу, но холод проник и в дом. Дети сидели по углам, и у них зуб на зуб не попадал. Наконец они поднялись наверх и постучались в дверь маминной комнаты.

– Да... Что? – спросил мамин голос.

– Мама, разреши мне затопить печь. Я знаю, как! – попросила Бобби.

Но мама сказала в ответ:

– Нет, доченька. Мы не должны топить в июне, потому что уголь стоит очень дорого. Если вы мерзнете, пойдите поиграйте, побегайте на мансарде – сразу согреетесь.

– Мама, но разве нужно много угля, чтобы протопить дом?

– Нет, не много, но мы и этого не можем себе позволить. Ну, бегите. Я сегодня безумно занята.

– Мама все время теперь занята, – шепнула Филлис на ухо Питеру. Питер ничего не ответил. Он пожал плечами и задумался. Ему приходили в голову разные мысли.

Мысли мыслями, но чердак зажил жизнью разбойничьего логова. Главарем разбойников был, конечно, Питер. Бобби исполняла роль его

помощника, и в то же время она олицетворяла всю шайку головорезов. И еще, кроме всего этого, она была матерью и отцом Филлис, похищенной и взятой в плен, так что за нее надо было немедленно заплатить большой выкуп – целый табун лошадей.

К чаю они сбежали вниз такие растрепанные и разгоряченные, словно и впрямь были разбойниками из горного ущелья.

Филлис намазала хлеб толстым слоем масла и хотела еще поверх масла положить варенье, но мама ее остановила:

– Варенье и масло – это слишком. Выбирай: или масло, или варенье, одно из двух.

Филлис оставила на тарелке бутерброд с маслом и взяла хлеб, намазанный джемом. Питер задумчиво тянул из стакана пустой чай.

После чая они вернулись в мансарду. Питер вдруг объявил сестрам, что у него появилась хорошая идея. Но когда те попытались выспросить, ответил неожиданно резко:

– Я пока ничего вам не скажу!

– Нет – значит, нет, – кротко согласилась Бобби.

– Мы потерпим, подождем, – поддержала ее Филлис.

– Это вы на словах терпеливы, а на самом деле, что касается девчонок...

– проворчал Питер.

– А что касается мальчишек, то они во всем безупречны, – вспылила Бобби. – Всего мы не хотим знать про твои секреты.

– Рано или поздно ты все узнаешь, – сказал Питер с неожиданным, поразившим сестер смирением. – Если бы ты не полезла в пререкания, я бы пока молчал, а теперь, пожалуй, все выложу.

Сделав продолжительную паузу, он сказал:

– Я, собственно, потому не хотел говорить, что это может оказаться плохая затея, и мне не надо втягивать вас в это дело...

– Если плохая, то не делай сам, а поручи мне, – ответила Бобби.

– Ну, если это плохо, а вы все-таки будете делать, тогда и я с вами, – сказала Филлис.

– Нет, – ласково пробормотал Питер, тронутый такими проявлениями преданности. – Это почти гиблое дело, но я все же рискну. А от вас требуется только одно – чтобы вы не проболтались маме, если она станет спрашивать, почему меня часто не бывает дома.

– Как же мы можем проболтаться о том, что нам не известно? – возмущенно спросила Бобби.

– Ладно! – вздохнул Питер, нервно перекладывая из одной руки в другую большой конский каштан. – Сейчас я доверю вам важную тайну. Я собираюсь пойти на такое дело... Все скажут, что зря, но вдруг выгорит! Так вот, если мама спросит, куда я хожу, скажите, что мне понравилось играть возле шахт.

– Каких шахт?

– Шахт, и все.

– Так нечестно, Пит! Ты нам обещал сказать.

– Хорошо, угольных шахт. Только клянись, что и под пыткой меня не выдадите.

– Ой, какие страсти!.. Но мы ведь должны тебе как-то помочь в том, что ты задумал, – говорила Бобби.

– Если я найду шахту, то вы будете помогать мне возить уголь, – снисходительно улыбнулся Питер.

– Можешь ничего не говорить, если боишься, – вступила Филлис.

– А сам-то ты сумеешь все сохранить в тайне? – спросила Бобби.

– Я-то уж как-нибудь! – вздохнул Питер.

Даже в самых педантичных семьях принято, чтобы между чаем и ужином был небольшой перерыв.

Обычно в это время мама писала, а миссис Вайни уходила к себе домой.

После того как Питера осенила новая идея, он два вечера подряд с таинственным видом в темноте подзывал к себе девочек.

– Пойдемте со мной, – говорил он. – Надо принести римскую колесницу.

Римской колесницей они называли детскую коляску, которая много лет валялась без надобности на чердаке над кухней. Ребята смазали ее, чтобы она могла двигаться бесшумно, как пневматический велосипед* , и была послушна управлению, хотя, кажется, и в старые добрые времена она была далека от совершенства.

– Теперь следуйте за своим бесстрашным командиром, – воскликнул Питер, и они стали спускаться по склону к станции.

Над станцией сгрудились на торфянике многочисленные валуны. Казалось, что они тоже, как дети, интересуются железной дорогой.

В небольшой впадине между тремя скалами были сложены горкой сухая ежевика и вереск.

Питер, торжественно улыбаясь, принялся складывать хворост в старый чехол.

– Вот первый уголь с шахты Святого Петра. Мы отвезем его домой в колеснице. С отправлением не опаздывать. Ожидать дальнейших распоряжений. Каждую заметную кучу укорачивать на благо потребителей.

Колесница была доверху загружена топливом. Но, нагрузив, они должны были снова ее разгрузить, а потом нагрузить заново...

Три ездки было осуществлено, прежде чем уголь из шахты Святого Петра пополнил мамину угольную кучу в подвале.

Потом Питер отлучился еще раз один и возвратился весь черный и очень радостный.

– Я был на моей шахте, – сообщил он. – Завтра вечером мы доставим сюда в колеснице черные бриллианты.

По прошествии недели миссис Вайни с удивлением заметила в разговоре с мамой, что угольная куча в подвале как будто даже подросла.

Ребята на лестнице бросились обнимать друга, едва сдерживая хохот, когда услышали это.

Они уже и думать забыли о том, что поначалу Питер с опаской относился к своей затее, но вот однажды ночью случилось ужасное. Хозяин станции надел сандалии, поистоптанные за лето, когда он отдыхал на океанском побережье, и прокрался неслышно на двор, где подобием Содома и Гоморры* высилась черная куча, окантованная белой полосой. Он подобрался ближе и стал выжидать, как кот, засевший у мышиной норки. На самом верху что-то небольшое и темное копалось и шуршало украдкой среди угольной россыпи.

Хозяин станции отошел от кучи и затаился в тени отцепленного вагона, у которого была маленькая медная труба и на котором было написано:

«Г. Н. и С. Р., возвращайтесь немедленно к запасным путям, туда, где белый вереск...»

И в этом укрытии он выжидал, пока маленькое существо не перестало копаться и шуршать. Тогда он подошел к подножию горы, дал негоднику чуть-чуть спуститься, а потом сам стал подниматься навстречу. В конце концов, он схватил свою добычу за воротник. Добычей этой оказался Питер, у которого на боку болталась плотницкая сумка, полная угля.

– Наконец-то я тебя изловил, негодный воришка! – воскликнул хозяин станции.

– Я не воришка, – проговорил в ответ Питер настолько твердо, насколько это было возможно в его положении. – Я шахтер.

– Вот я тебя сдам морским пехотинцам, и ты им расскажешь, кто ты есть!

– Но я говорю правду, и я кому угодно это готов повторить.

– Правду! Заткнись, молокосос. Пошли на станцию, – скомандовал хозяин, продолжая держать своего пленника за воротник.

– Ах, нет! – раздался в темноте пронзительный детский голос, но это не был голос Питера.

– Только не в полицию! – слышался еще один голос.

– Пока идемте все на станцию, а там поглядим. Получается, у вас уже целая шайка сколотилась. Так. И много вас?

– Нет, только мы! – ответили в один голос Бобби и Филлис, выходя из укрытия в тени еще одного вагона, помеченного табличкой «Угольная шахта Стейвли», под которой еще приписано было мелком: «Требуется на путь № 1».

– Рады, что выследили, да? – сердито огрызнулся Питер.

– Не я, так кто-нибудь другой тебя бы сцапал, – ответил хозяин станции.
– Пойдемте.

– Нет, прошу вас! – выступила вперед Бобби. – Не могли бы вы решить прямо сейчас, что вы будете с нами делать? Мы с сестрой точно так же виноваты, как и брат. Мы отвозили уголь – и мы знали, откуда он его берет.

– Ничего вы не знали! – пробурчал Питер.

– Мы все знали, – настаивала Бобби, – знали с самого начала. Мы только прикидывались, что не знаем, хотели над тобой посмеяться.

Чаша терпения Питера была переполнена. Он лазил по кручам, он рубил уголь, его поймали, и вот оказывается, что сестры над ним смеялись!

– Пустите, не держите меня, – обратился он к хозяину, – я никуда не уйду.

Хозяин отнял руку от воротника, потом чиркнул спичкой и при слабом свете попытался рассмотреть лица своих пленников.

– Вот оно что, – проговорил он наконец, – значит, вы сверху, из дома с тремя трубами. Одеты-то вы не как наши! Объясните же мне теперь, что вас заставило это сделать? Разве вы не ходите в церковь, не слушаете заповедей, или как это там называется, про то, что воровать – большой грех? – он говорил теперь гораздо мягче, и Питер стал отвечать ему.

– Я не думал, что это кража. Я почти убежден был, что нет. Я думал, что если бы я брал уголь с поверхности, то тогда это в самом деле была бы кража. А если я беру его из глубины, то я не краду, я добываю. Вам за тысячу лет не сжечь весь этот уголь, и вы бы никогда не добрались до глубины этой кучи!

– Положим, что так. Но зачем все-таки вы это делали, позабавиться, что ли, захотели?

– Хороша забава! Переть в гору такую тяжесть, – возмутился Петер.

– Тогда зачем же? – у хозяина был теперь такой приятный и ласковый голос, что Питер решил все сказать, как было на самом деле.

– Вы помните, недавно была плохая погода, холодно, дожди... И мама сказала, что нельзя нам затопить печку, потому что мы бедные. Там, в нашем другом доме, мы, чуть похолодает, сразу топили...

– Простите, не надо... – проговорила Бобби.

– Хорошо, – сказал хозяин станции, глубокомысленно почесывая щеку. – Я сейчас вам скажу, как я поступлю. Сейчас я ничего вам не сделаю. Но запомните, молодые люди, что кража все равно есть кража, и шахта эта вам не принадлежит, независимо от того, добываете вы уголь или собираете с поверхности. Чешите теперь домой – живо!

– Вы хотите сказать, что вы никак нас не накажете? Какой вы хороший! – порывисто воскликнул Питер.

– Вы самый лучший! – подхватила Бобби.

– Вы душка! – воскликнула Филлис.

– Ну, полно, все в порядке! – махнул рукой хозяин станции.

И с этим они расстались.

– Я с вами не разговариваю, – объявил Питер, когда они стали взбираться на холм, – вы обе вредины и предательницы.

Но девочки так были рады, что Питер с ними, невредимый и свободный, и что они держат путь к «Трем Трубам», а не в полицейский участок, что особенного значения его недобрым словам не придали.

– Мы же сказали, что мы так же виноваты, как и ты, – осторожно заметила Бобби.

– Сказали – и соврали.

– Мы и в суде, перед судьями, повторили бы то же самое! – проговорила Филлис. – Не надо так злиться. Мы же не виноваты, что твои секреты так легко раскрываются.

Она протянула брату руку, и тот ее пожал.

– Может быть, я и простофиля, и смешной, а зато подвал битком набит углем.

– Знаю, – пролепетала Филлис, – но только я не думаю, что мы должны этому радоваться.

– А я думаю, – ответил Питер, собравшись с духом, – что нам есть чему радоваться. И я все еще не уверен, что добывать уголь – это преступление.

Но Бобби и Филлис думали иначе. И при этом они еще полагали, что Питер и сам в душе совсем не чувствует себя правым.

Глава III

СТАРЫЙ ДЖЕНТЛЬМЕН

После этой истории с добычей угля Питер и его сестры решили, что от станции им пока следует держаться подальше. От станции, но не от железной дороги. Вся жизнь этих детей прошла на городских улицах под громыхание кэбов и омнибусов* , а также грозивших наехать на прохожих тележек. Это были тележки мясников, бакалейщиков и ремесленников, делающих подсвечники (вы видели, как ремесленник возит на тележке подсвечники? – я нет). А тут, среди сонного деревенского затишья, где ничто не двигалось и не шумело, – единственно поезда, приходившие и уходившие, вносили некоторое разнообразие. Детям казалось, что поезда как-то связывают их с той прежней жизнью, которую они когда-то вели. От ежедневных прогулок на склоне холма напротив «Трех Труб» наметилась тропинка, выбитая в сухом, хрустящем дерне. Дети уже знали время прибытия всех поездов и давали поездам имена. Поезд, шедший на юг и делавший остановку в четверть десятого утра, назывался у них «Зеленый Дракон». А чуть более ранний северный поезд (десять ноль семь) получил прозвище «Червяк Уонтли». Полуночный экспресс, своим надсадным свистом будивший их иногда от приятного сна, носил прозвище «Страшный Филин». Однажды Питер проснулся от этого свиста при холодном свете звезд, увидел сквозь прозрачные шторы мчащийся экспресс и сразу придумал ему такое название.

Поезд, на котором приезжал старый джентльмен, был Зеленый Дракон. У этого старого джентльмена было очень хорошее лицо, то есть одно из тех лиц, глядя на которые, можно подумать, что оно принадлежит хорошему человеку. Но не всегда хорошие лица принадлежат хорошим людям. У него

был прекрасный цвет лица, гладко выбритые щеки, кипенная* седина, он носил необычной формы воротнички, и цилиндр у него был такой, каких другие мужчины не носили. Конечно, дети ничего этого поначалу не замечали. Первое, на что они обратили внимание, была рука старого джентльмена.

Это было как-то утром, когда они все втроем сидели на подоконнике в ожидании Зеленого Дракона, который, судя по всему, опаздывал.

– Зеленый Дракон едет туда, где теперь папа, – сказала Филлис. – Если бы он вправду был дракон, то есть живой, настоящий дракон, мы бы его остановили и попросили, чтобы он передал папе, как мы его любим.

– Драконы ничего никогда не передают, – ухмыльнулся Питер, – они выше этого.

– Нет, почему же – если их сперва укротить, они нас слушаются, – возразила Филлис, – они слушаются команд «взять» и «принести», как спаниели. Они едят с ладони... Меня вот что беспокоит – почему папа нам не пишет?

– Мама говорит, что он сейчас очень занят, – стала успокаивать младшую сестру Бобби, – но она полагает, что скоро он нам напишет.

– Думаю, нам вот что надо сделать, – вступила в разговор Филлис, – надо нам всем пойти и помахать руками Дракону. Если он волшебный дракон, то обязательно передаст папе, как мы его любим. Ну, а если нет, то тоже не беда. Просто постоим и помашем.

Когда Дракон с криком вырвался из своего логовища, а точнее говоря, из туннеля, все трое детей стояли на соседнем пути и что было сил махали своими носовыми платками.

И вдруг из вагона первого класса один пассажир помахал им в ответ. У него была очень чистая рука, и в этой руке он держал газету. Этим пассажиром был старый джентльмен.

С тех пор у них вошло в обычай обмениваться приветствиями с поездом, проходившим в четверть десятого. И детям, в особенности девочкам, нравилось думать, что, возможно, старый джентльмен встречается с папой по делу (хотя это, может быть, какое-то не совсем приятное дело) и что он расскажет папе о том, что его трое детей стоят на рельсах и передают ему свои приветствия, и это происходит каждое утро, как в хорошую, так и в ненастную погоду.

Да, теперь они могли выходить из дому, не спрашивая разрешения, даже в такое ненастье, когда в городе им строго-настрога запретили бы выглядывать за порог. Теперь они с нежностью вспоминали о тете Эмме, которая хоть и не была из разряда привлекательных тетей, но как же пригодились теперь купленные ею парусиновые чехлы и тяжеленные дождевики. А ведь еще недавно они высмеивали ее покупки!

Мама почти все время что-то писала. Свои рукописи она закладывала в длинные синие конверты. А с почты ей то и дело приносили большие пакеты другого формата и цвета. Порой она вздыхала, открыв такой пакет:

– Второй рассказ присылают на доработку. Просто беда!

И детям становилось очень жаль маму. Но бывало, что мама подпрыгивала, размахивала конвертом в воздухе и восклицала:

– Ура! Ура! Вот что значит чувствующий редактор. Он взял мой рассказ. Вот, прислал одобрение.

Сначала дети думали, что одобрение – это письмо, которое прислал маме «чувствующий редактор», но теперь они знали, что одобрение – это длинные бланки, на которых напечатаны мамины рассказы.

«Чувствующий редактор» – это значит, что к чаю будут сдобные булочки.

Однажды Питер отправился в деревню покупать булочки, чтобы вечером отпраздновать «чувствительность» редактора детского издательства «Глобулус», и на дороге ему повстречался хозяин станции.

Питер ощутил при этой встрече неловкость, потому что история на шахте ни на один день не выходила у него из головы. Когда на безлюдье встречаешь даже совсем незнакомого человека, обычно все равно здороваешься, но Питер опустил голову и готов был молча пройти мимо. У него даже уши покраснели при мысли, что хозяин не будет разговаривать с тем, кто совершил дурной поступок. Ведь он же воровал уголь. «Воровал» – ужасное, оскорбительное, унижительное слово. Но ведь это правда!

Хозяин первый сказал ему: «Доброе утро», и мальчик тоже произнес в ответ: «Доброе утро». Но Питеру при этом подумалось, что, наверное, хозяин просто не узнал его в темноте, потому что, если бы узнал, то ни за что бы не поздоровался.

Питеру стало так не по себе от этой мысли, что он, сам не отдавая себе отчета в том, что он делает, побежал за хозяином, который сразу остановился, услышав за спиной дробь мальчишеских башмаков.

– Вы напрасно вежливы... – пробормотал Питер. – Если бы вы меня узнали, вы не сказали бы мне «доброе утро».

– Э... – хозяин недоуменно пожал плечами.

– Вы меня не узнали... Я ведь тот самый... Ну, помните, уголь...

– Уголь... Ах, да, уголь... Ладно, что было, то было. А куда это ты так спешишь?

– Иду купить булочки к чаю, – отвечал Питер.

– Ага! – улыбнулся хозяин. – А я ведь поверил, что вы правда бедные.

– Мы и есть бедные... Но иногда мама стала давать нам полпенса...

Когда у нее купят рассказ или стихотворение.

– Так, значит, твоя мама писательница?

– Да, я ни у кого больше не читал таких красивых рассказов, как мамины.

– Ну, ты должен гордиться, что она у вас такая умница.

– Когда она не была такая умница, она все время с нами играла, а теперь мы играем сами по себе...

– Вот что... Я очень сейчас спешу по делу, но когда у тебя с сестрами будет время и желание, непременно заглядывайте ко мне на станцию. А уголь – считайте, что я про него забыл, хорошо?

– Спасибо вам! – сказал Питер. – Я так рад, что между нами все разрешилось!

И Питер побежал вприпрыжку через мост, соединяющий берега канала, в деревенскую булочную. Сразу как рукой сняло то неприятное чувство, которым он мучился с той минуты, когда хозяин станции схватил его за ворот посреди черной угольной россыпи.

На следующий день, как только они послали свое троекратное приветствие Зеленому Дракону и старый джентльмен помахал им в ответ, Питер с гордым видом повел сестер на станцию.

– Ведь неудобно, – сказала Бобби.

– Она имеет в виду уголь, – пояснила Филлис.

– Я тут его встретил как-то, хозяина, – небрежно, как бы пропуская мимо ушей сказанное сестрами, сообщил Питер. – Он сказал, что мы можем приходить на станцию в любое время, когда нам захочется.

– После того? Неужели! – удивленно воскликнула Филлис. – Подождите минуточку, у меня шнурок развязался на башмаке.

– Он у тебя только и делает, что развязывается, – заворчал Питер. – А хозяин, представьте себе, настоящий джентльмен. Он выкинул давно из головы этот уголь, так что и вы его тоже выкиньте из головы.

Филлис управилась со своим шнурком и зашагала молча, но старшая сестра увидела, как вздрогнули ее плечи и как большая слеза, сорвавшись с ее щеки, разбилась о рельсу.

– Миленькая моя, ты что? – спрашивала Бобби, тормоша и обнимая ее.

– Он мне сказал, что я не по-джентльменски себя веду... Я ведь ему не говорила, что он ведет себя не по-ледински! Даже когда он мою Клоринду, мою лучшую куклу привязал к столбу и сжег на костре, я не говорила ему...

В самом деле, Питер, год или два назад учинил это злодеяние.

– Но ведь, если честно, то ты его допекла своими разговорами про уголь и про все это... Пусть лучше каждый из вас признает свою неправоту и простит другому обиды, – предложила Бобби.

– Если Питер готов, то и я готова, – согласилась Филлис.

– Хорошо, я удовлетворен. Вот, Филлис, возьми мой платок, я вижу, свой ты, как всегда, посеяла. И как это ты ухитряешься постоянно все терять?

– Сам же у меня взял платок и подвязал им дверцу в крольчатнике! – с возмущением выпалила Филлис. – Помнишь, в книжке для чтения есть стихи, что жестоко обижать беззубого младенца... Но когда автор стихов говорит про младенца «беззубый», это еще более жестоко. Нам мисс Лоу так говорила.

– Хорошо! – успокаивающим тоном проговорил Питер. – Вы правы, и пойдете на станцию.

Они пришли на станцию и весело провели там два часа в обществе носильщика. Носильщик был человек покладистый и терпеливо отвечал на их бесконечные «почему», от которых «светские» люди так быстро уставали.

От него дети узнали много такого, о чем прежде понятия не имели, например, что штуки, при помощи которых сцепляются вагоны, называются муфтами, а трубки над муфтами, похожие на больших змей, существуют для того, чтобы останавливать поезд.

– Вот поезд мчится, а если дернуть за эту трубку, то он вздрогнет и остановится как вкопанный. А вы видели в вагонах такой кран, над которым написано, что если вы неправильно будете им пользоваться, то вас

оштрафуют? Вот если вы им воспользуетесь неправильно, то поезд тоже остановится.

– А если правильно воспользовался?

– Все равно остановится. Но правильно, это только если вас убивают. Была одна старушка, над ней пошутили, сказали, что если сорвать этот кран, то откроется комната отдыха. И она воспользовалась им неправильно, потому что никакой угрозы ее жизни не было, а просто она была голодна. И вот когда поезд остановился и в вагон зашел полицейский, чтобы выяснить, по чьей вине все произошло, старушка подходит к нему и говорит: «Принесите мне крепкого портера и губку для мытья». В общем, из-за этого поезд опоздал на семь минут.

– А что ей ответил полицейский?

– Не знаю... Тут уж было не до того, чтобы помнить.

За этими увлекательными разговорами время промелькнуло незаметно. Хозяин станции дважды выходил из своей уютной комнаты, которая помещалась справа от отверстий с билетными кассами. Он присоединялся к общей беседе и веселился вместе со всеми.

– Как будто бы он нас и не засек тогда с углем, – шепнула на ухо сестре Филлис.

Хозяин угостил их апельсином и пообещал показать сигнальную коробку – в какой-нибудь из дней, когда он будет не очень занят.

Несколько поездов прошли мимо, не останавливаясь, и Питер заметил впервые, что у поездов, как у кэбов, тоже есть номера.

– Один мальчик, – припомнил носильщик, – утащил из оптового магазина зеленую тетрадь с серебряными уголками специально для того, чтобы записывать в ней номера поездов.

Питер тоже изъявил желание записывать номера поездов, но, к сожалению, его папа не владел оптовым магазином и ему неоткуда было

взять тетрадь в зеленом кожаном переплете с серебряными уголками. Зато хозяин дал ему конверт, и Питер написал на нем:

379

663...

Он почувствовал, что это будет очень интересно – коллекционировать номера поездов.

Вечером во время чаепития он спросил у мамы, нет ли дома тетради в зеленом кожаном переплете с серебряными уголками. Мама сказал, что у нее нет такой тетради. Но узнав, зачем сыну понадобилась тетрадь, дала ему черную записную книжку.

– Отсюда несколько страниц вырвано, но все равно здесь поместится много номеров. А когда ты ее всю испишешь, я дам тебе другую. Я очень рада, что ты полюбил железную дорогу. Но только прошу тебя: ни в коем случае не ходи по шпалам.

– Ну, а когда поезд идет навстречу, но он еще очень далеко? – в голосе мальчика прозвучало почти отчаяние.

– Нет, нельзя выходить на пути.

– Мама, – спросила тогда Филлис, – а когда ты была маленькая, ты никогда не выходила на пути?

Поскольку мама была честной и правдивой, она ответила: «Да, было дело».

– Да, однажды я выбежала навстречу поезду... Но, дети, вы же знаете, как я люблю вас. А если вас покалечит, что я тогда буду делать?

– Значит, ты любишь нас больше, чем бабушка любила тебя? – допытывалась Филлис.

Бобби делала сестре знаки, чтобы та замолчала, но Филлис то ли не замечала их, то ли не придавала им значения.

Мама долго не отвечала. Она встала, пошла налить воду в чайник и, только вернувшись, сказала:

– Никто на свете никого так не любил, как любила меня моя мама.

Потом мама успокоилась, и Бобби под столом толкнула ногой младшую сестру. Старшая девочка поняла, что маму успокоили воспоминания о детстве, о той поре, когда она была маленькой и когда для бабушки, для ее мамы, весь мир заключался в ней одной.

Это понятно и естественно, что дети, чуть что не так, сразу бегут к маме, даже если они давно вышли из детского возраста. А когда становится не к кому бежать, от этого бывает очень грустно.

Филлис удивилась, когда Бобби толкнула ее ногой.

– Ты почему меня толкаешь, Боб?

И тогда мама слегка усмехнулась, вздохнула и сказала:

– Хорошо. Только я должна быть уверена, что вы точно знаете, на какой путь какой поезд приходит. И не выходите на рельсы близко от туннеля или там, где пути скрещиваются.

– Поезда, – начал рассуждать Питер, – они как повозки на улице – держатся левой стороны. Так что если встать справа, то видно, как они идут.

– Ну хорошо, – сказала мама.

Вас, может быть, удивило то, что она сказала «хорошо», вам кажется, что ей не следовало так быстро уступить. Но ведь мама вспомнила то время, когда сама была маленькой, и она сказала это, и ни ее дети, ни вы, дорогие читатели, и никакие другие дети не смогут оценить в полной мере, чего ей это стоило. Лишь очень немногие из вас, такие, как Бобби, смогли бы отчасти ее понять.

Через день или два после этого мама не вышла к завтраку, а осталась в постели, потому что у нее болела голова. Ноги у нее были горячие, как утюги, в горле першило, и она ничего не могла есть.

– Я, матушка, на вашем месте, – говорила миссис Вайни, – немедленно послала бы за доктором. С этими простудами не надо шутить. Моя старшая сестра перенесла грипп на ногах, и он такие дал осложнения... Она два года назад захворала, под Рождество, и до сих пор на себя не похожа.

Мама долго отнекивалась, но однажды вечером она почувствовала себя настолько плохо, что Питера послали в известный каждому в поселке дом, возле калитки которого росли три лавра, а на медной дощечке можно было прочесть:

В. В. ФОРРЕСТ

ПРАКТИКУЮЩИЙ ВРАЧ

Мистер Форрест сразу же отправился к маме. На обратном пути он разговорился с Питером. Доктор оказался человеком обаятельным и практичным. Его интересовало все: и железная дорога, и кролики, и всякие более важные вещи.

Осмотрев маму, он сразу понял, что у нее грипп.

– Положение угрожающее, – сказал он в прихожей Бобби, – вам придется взять на себя роль сестры милосердия.

– Да, конечно, – кивнула головой та.

– Хорошо. В скором времени я пришлю лекарства. Вы должны все время поддерживать в печи огонь. Приготовьте крепкий говяжий бульон, но пока не давайте ей – только когда начнет падать температура. Сейчас ей можно давать виноград, мясо, молоко с содой. И хорошо бы добыть где-нибудь бренди. Самого лучшего бренди. Потому что дешевый бренди – это хуже, чем отравы.

Девочка попросила доктора написать все, что он сказал.

Когда Бобби показала маме составленный доктором список, та рассмеялась. Смех ее был ненатуральный и слабый, но Бобби поняла, что мама смеется.

– Вздор! Какой вздор! – восклицала она, и глаза ее сверкали как яркие бусины. – Выбрось из головы всю эту чепуху. Пусть миссис Вайни поставит варить баранью шею. Мясо плохое, жилистое, но вам придется его съесть. А я выпью бульон. Мне, доченька, все время хочется пить. И еще неплохо было бы принести чан с водой и всю меня протереть губкой.

Роберта пообещала маме сделать все так, как она велит. Но как только девочка все это сделала, ей захотелось поскорее спуститься к брату и сестре. Щеки у нее горели, губы дрожали, а глаза были почти такие же сверкающие, как у мамы.

Она передала младшим детям, что велел доктор и что сказала мама.

– Теперь все зависит от нас. Мы должны сделать все возможное. Я тут отложила шиллинг на баранину.

– Обойдемся мы без этой чертовой баранины! – воскликнул Питер. – Будем есть бутерброды и проживем. Сколько времени люди жили на необитаемых островах – и ничего, не умирали.

– Конечно, – согласилась старшая сестра, после чего миссис Вайни дали шиллинг с тем, чтобы она купила бренди, содовой воды и бульона.

– Но даже если бы мы вообще решили голодать, – заметила Филлис, – нам все равно не купить того, что в списке, на обеденные деньги.

– Ты права, – морща лоб, ответила Бобби. – Нам надо найти какой-то другой выход. Давайте все напряжем мозги и подумаем, что делать.

Они думали. И понятно, что свои мысли они высказывали вслух. Потом, когда Бобби пошла сидеть с мамой, чтобы исполнять все ее просьбы, ее брат и сестра достали ножницы, лист белой бумаги, кисточку и черную краску, которой миссис Вайни пользовалась, чтобы красить печку и решетки. Первый

лист они испортили и достали из матерчатой сумки новые листы. Они не боялись испортить бумагу, которая стоила денег, потому что верили: у них обязательно получится что-нибудь хорошее.

Кровать Бобби была перенесена в мамину комнату, и несколько раз в течение ночи она вставала, чтобы доложить в печку дров и напоить маму молоком с содовой водой. Часто мама начинала разговаривать сама с собой, и Бобби не могла понять смысла ее слов. А однажды мама, проснувшись, закричала: «Мама!» Это она звала бабушку, забыв в беспамятстве, что бабушка умерла и нет никакого смысла ее звать.

Рано утром мама позвала опять, и теперь Бобби услышала из ее уст свое имя. Бобби сбросила с себя одеяло и подбежала к кровати.

– Как? Я разве тебя звала?.. Это я спала. Господи, утенок ты мой, сколько же я тебе доставляю забот. Это ужасно.

– Мама! Какие же это заботы? – сквозь слезы воскликнула Бобби.

– Ничего, дня через два-три я уже буду на ногах. Ты только не плачь.

– Что ты, мама... – Бобби попыталась улыбнуться.

Когда человек привык спать десять часов кряду, пяти- или шестикратные пробуждения повергают его в такое же точно состояние, как если бы он совсем не ложился в постель. Бобби шатало, она чувствовала резь в глазах, но мужественно заставила себя убрать комнату и все приготовить к приходу доктора. Он пришел в половине девятого.

– Ну, как дела у маленькой няни? – спросил он, переступая порог. – Ты уже приготовила бренди?

– Да, вот он, во флаконе.

– Так, а где же виноград и бульон?

– Пока не купили, завтра будет... А для бульона мясо тушится в печке.

– Где же ты научилась готовить?

– Я видела, как мама это делала, когда у Филлис была свинка.

– Умница, – похвалил ее доктор. – А теперь пусть с мамой посидит ваша старушка, а ты позавтракай и ложись в постель. Тебе надо поспать до обеда. Если самая главная сестра милосердия заболит, будет совсем плохо.

Он был замечательный доктор.

Когда поезд «девять пятнадцать» выехал из туннеля, старый джентльмен отложил в сторону свою газету и приготовился помахать рукой троим ребятам, вышедшим на путь. Но он увидел лишь одного из них. Это был Питер.

Однако мальчик не стоял теперь на рельсах соседнего пути, как бывало прежде. Он стоял в стороне, и поза у него была такая, как будто он служащий зверинца, показывающий животных, или актер, водящий указкой по стене и дающий пояснения к евангельским сценам, которые показывал волшебный фонарь.

И Питер тоже кое-что показывал. Рядом с ним был приклеен к стеклу большой лист бумаги. На листе был текст, написанный крупными жирными черными буквами.

Некоторые буквы разбегались, потому что Филлис еще не научилась владеть кисточкой, но прочесть написанное было нетрудно.

Старый джентльмен и еще несколько человек, ехавших в поезде, прочитали на большом белом листе следующее:

**ПОСМОТРИТЕ
В СТОРОНУ СТАНЦИИ**

Пассажиры сделали, как было написано, – посмотрели в указанную сторону, однако они были разочарованы, так как не увидели ничего необычного. Старый джентльмен тоже посмотрел в сторону станции и тоже поначалу не заметил ничего особенного – лишь гравий платформы,

солнечный свет, вьющиеся растения на стене и незабудки по краям газона. И лишь когда паровоз закричал и вагоны качнулись, предвещая отправление, он увидел Филлис. Видно было, что она только что откуда-то прибежала и запыхалась.

– Ой! – проговорила Филлис. – Простите... Я думала уже, что вы уехали... У меня шнурки без конца развязывались, я из-за них два раза упала. Вот, прочтите, пожалуйста!

И она вложила ему в руку теплое, влажное письмо.

Старый джентльмен устроился поудобнее в своем уголке и стал читать.

«Дорогой господин,

мы не знаем, как вас зовут. Наша мама болеет, и доктор велит купить ей все то, что в списке после письма. Но она говорит, что это нам не по средствам. Она варит баранину и дает нам, а сама пьет бульон.

Мы здесь никого не знаем, кроме вас, потому что папа уехал далеко и мы давно не получали от него никаких вестей. Адреса папы у нас тоже нет. Папа расплатится с вами, как только ему вернут деньги, а если не вернут, то расплатится Питер, когда станет взрослым мужчиной.

Даем честное слово, что когда-нибудь Питер вам заплатит за все те вещи, которые сейчас нужны маме.

Если можно, оставьте пакет хозяину станции, потому что мы не знаем, когда вы поедете обратным поездом.

Попросите у него от имени Питера прощения, что украли уголь.

Роберта, Филлис, Питер».

Далее следовал список того, что рекомендовал доктор. Старый джентльмен прочитал его и удивленно поднял брови. Потом прочитал еще раз и слегка улыбнулся. Прочитал в третий раз, положил в карман – и вернулся к чтению утренней «Таймс».

Около шести вечера дети услышали стук в боковую дверь и бросились открывать. На пороге они увидели того самого носильщика, с которым они успели так подружиться и который рассказал им столько интересных вещей про железную дорогу.

Он поставил на кухонную дорожку большую корзину.

– Старый джентльмен, – сказал носильщик, – он велел скорее вам это занести.

Питер поблагодарил носильщика и, заметив, что тот не торопится уходить, добавил:

– Я бы дал вам два пенса, как папа это обычно делал, но...

– Еще чего! – с негодованием пробормотал носильщик. – Я и думать про это не думал. Я только хотел сказать, что мне очень жалко вашу мамушку. Как она теперь? Я тут ей нарвал немного сладкого шиповника. Понюхайте, как вкусно пахнет! Два пенса, придумали тоже! – и он ловким движением достал из шляпы пучок шиповника. «Как фокусник!» – заметила потом Филлис.

– Большое вам спасибо, – пробормотал Питер, – и вы простите меня, что я это... про два пенса.

– Да, обидели вы старика! – ответил носильщик искренне, но дружелюбно.

Как только он ушел, дети сразу занялись корзиной. Сверху была солома, потом несколько слоев красивой оберточной бумаги, а под ней обнаружилось все то, о чем они просили, а в придачу множество таких вещей, о которых они и не просили. В числе прочего были тут и персики, и

портвейн, и картонный ящичек с землей, в которой росли огромные красные розы на длинных стеблях, и длинная зеленая стеклянная бутылка с лавандовой водой, и маленькие пузатые пузырьки с одеколоном. Ко всему этому прилагалось письмо:

«Дорогие Роберта, Филлис и Питер,

здесь все то, что вам нужно. Ваша мама может спросить вас, откуда это. Скажите, что один ее друг услышал, что она заболела, и поторопился собрать посылку. Когда она поправится, вы, конечно, должны будете рассказать ей, как все было на самом деле. Если она скажет, что вы не должны были просить, передайте, что я считаю ваш поступок совершенно правильным. И пусть она простит мне, что я посмел доставить себе удовольствие».

Письмо было подписано инициалами Г. П., и была еще приписка, которой дети не смогли разобрать.

– Мы все-таки правильно поступили! – воскликнула Филлис.

– Я тоже так думаю, – поддержала ее Бобби.

– Но только не будем пока говорить маме всю правду, – заметил Питер, прохаживаясь взад и вперед по комнате с заложенными в карманы руками.

– Пока мама не выздоровеет, мы ей не скажем, от кого это. Нельзя, чтобы она волновалась... Какие чудесные розы! Я должна отнести их ей.

– Да, и душистый шиповник, – напомнила Филлис, глубоко вдохнув в себя приятный запах, – не забудь про душистый шиповник!

– Непременно! – улыбнулась Филлис. – Мама совсем недавно вспоминала, что там, где она жила в детстве, была живая изгородь из такого шиповника.

Глава IV

ВРЕДИТЕЛЬНИЦА

Вот что было написано на очередном белом листе бумаги, который надлежало выставить навстречу Зеленому Дракону:

ОНА ПОЧТИ ПОПРАВИЛАСЬ.

СПАСИБО.

Это случилось через две недели после получения чудесной корзины. Старый джентльмен увидел послание из своего вагона и приветливо помахал детям рукой в ответ. После того, как это произошло, ребята почувствовали, что уже пора рассказать маме о том, что они сделали, пока она была больна. Оказалось, что это не так просто, как думалось. Но это надо было сделать. И они сделали это.

Мама невероятно рассердилась. Пожалуй, еще никогда они не видели ее такой рассерженной. Это было ужасно. Но еще ужаснее, что она вдруг принялась горько рыдать. Плач в своем роде такая же заразная штука, как коклюш или корь. Они вдруг расплакались хором – все четверо.

– Вы меня простите, что я рассердилась, – проговорила мама, – ведь вы же не знали...

– Мы же хотели как лучше! – сказала Бобби, всхлипывая, а Питер и Филлис дружно засопели.

– Послушайте, – начала мама, – мы в самом деле сейчас очень бедные, но уж не настолько, чтобы нам не на что было жить. Прошу вас, никогда ничего больше не просите у посторонних людей. Никогда! Запомните: никогда.

Дети принялись обнимать ее, тереться щеками о ее щеки и обещать, что такое никогда больше не повторится.

– Надо будет мне написать письмо вашему старому джентльмену, что я не одобряю... То есть, нет, его я, конечно, должна поблагодарить за его доброту. Это вашего поступка я не одобряю... А он был ко мне необычайно добр. Отнесите это письмо хозяину станции, пусть он передаст... И больше мы не будем говорить об этом.

Когда дети остались одни, Бобби сказала:

– Какая все-таки прелесть у нас мама! Разве кто-нибудь еще из взрослых стал бы просить прощения у детей за то, что был на них сердит?

– Да, – подтвердил Питер, – мама у нас чудесная. Но тем более плохо, что она рассердилась.

– Но в то же время она бывает очень красивая, когда сердится, – сказала Филлис. – Если бы все было не так ужасно, мне было бы даже приятно, что она ругается.

Они пошли к хозяину станции, чтобы передать письмо.

– А вы ведь говорили, что у вас друзья только в Лондоне, – заметил он.

– Мы совсем недавно узнали этого человека, – ответил Питер.

– Он разве не здесь живет?

– Нет, мы с ним познакомились на железной дороге.

Затем хозяин станции удалился в свое святилище за окошечком, откуда продавали билеты, а дети пошли в комнату к носильщику. От него они в очередной раз узнали много интересного: что его зовут Перкс, что у него есть жена и двое детей, что огни впереди паровоза называются фарами, а огни позади последнего вагона тоже имеют свое название.

– Это значит, – шепотом проговорила Филлис, – что поезда на самом деле и есть драконы, с хвостами и головами.

Только сегодня дети заметили, что все локомотивы устроены по-разному.

– Знаете, юная мисс, – говорил, обращаясь к Филлис, носильщик по имени Перкс, – они не похожи друг на друга. Вот мы же с вами совсем разные, так и они разные. Видите, вот этот, маневренный, без тендера – он курсирует между нашей станцией и Мейдбриджем, – он в чем-то похож на вас, мисс. А вон те большие, добротные локомотивы – видите, у них с каждой стороны по три колеса, и колеса соединены стержнями, чтобы крепче держались, – они немного похожи на меня. А магистральные локомотивы – они мне напоминают вашего брата. Он чуть подрастет и будет побеждать школьных товарищей во всех забегах и кроссах. Самый быстрый и в то же время самый мощный из этих локомотивов – тот, который приходит в девять пятнадцать.

– Да, это Зеленый Дракон! – радостно воскликнула Филлис.

– А мы его в шутку называем улиткой, – улыбнулся носильщик, – потому что он очень скорый.

– Но локомотив же зеленого цвета.

– А вы заметили, что улитки иногда тоже бывают зеленого цвета?

Вернувшись домой, дети наперебой рассказывали маме, как они интересно провели время в обществе носильщика.

Следующий день был днем рождения Роберты. Она мягко, но очень твердо попросила, чтобы никто не ходил на дорогу и чтобы все оставались дома до чаепития.

– А мы просим, чтобы ты не подсматривала, что мы делаем. Мы тебе готовим замечательный сюрприз, – сказала Филлис.

И Роберта вышла в сад. Она не хотела огорчать брата и сестру, но до чего же скучно в день своего рождения бродить в одиночестве, какие бы замечательные сюрпризы ни ожидали тебя потом.

Девочка занялась своими мыслями, и среди прочего она подумала о тех словах, которые сказала мама, когда ночью у нее был жар, и руки были такими сухими, и глаза горели.

– Господи, сколько же нам придется уплатить по счету доктору? – спрашивала мама в полузабытьи.

Роберта несколько раз прошла мимо розовых кустов, на которых еще не было роз, а только бутоны, мимо сирени, жасминов, смородины. Она все время думала про этот счет, и чем больше она про него думала, тем грустнее становилось у нее на душе.

Наконец Бобби поняла, что ей надо делать. Выйдя из боковой калитки на круто поднимавшееся вверх поле, она направилась к дороге, проходившей вдоль канала. Она дошла до моста через канал, по которому они ходили в деревню. В солнечные дни так приятно было облакачиваться на горячие каменные перила и смотреть вниз на голубую воду. Прежде Бобби видела только один канал – канал Регента в Лондоне, и вода в нем не была такого приятного цвета. И рек она других не видела, кроме Темзы, поверхность которой тоже смахивала на заспанное, неумытое лицо.

Возможно, дети любили бы мост не меньше, чем железную дорогу, но были две причины, почему дорогу они все-таки любили больше. Во-первых, ее они открыли для себя раньше, и это произошло прекрасным летним утром, когда и дом, и деревня, и стены, и камни, и высокие холмы – все казалось им новым. А с каналом они познакомились уже потом, несколько дней спустя. Другая причина заключалась в том, что на железной дороге все отнеслось к ним по-доброму: и хозяин станции, и носильщик, и старый джентльмен, который махал им из окна. А о людях на мосту нельзя было однозначно сказать, что они добры.

Главным образом это были шкиперы барж. Они медленно водили взад и вперед по каналу свои баржи или, выйдя на тропинку, ведущую к буксирам, осматривали лошадей, пасшихся там на длинных привязях.

Питер однажды о чем-то спросил шкипера, и тот в ответ накричал на него и велел убираться прочь. Это было так неожиданно, что Питер даже не сообразил, что надо было спросить, почему он не имеет такого же законного права гулять вдоль канала, как и этот шкипер.

В другой раз, когда дети пришли на канал порыбачить, мальчишки с баржи стали бросать в них большие куски угля, и один из них попал в затылок Филлис. От неожиданности и боли она сделала шаг назад и, поскольку у нее еще развязался шнурок, споткнулась и упала. Кроме того, что Филлис как следует ушиблась, у нее к тому же пропала охота ходить на рыбалку.

Но Роберта не боялась ходить по мосту, и если она чувствовала, что с баржи хотят в нее что-то бросить, она тут же пряталась за парапет.

И вот до ее слуха донесся звук колес – тех самых колес! Да, это был экипаж доктора, и доктор, разумеется, ехал в экипаже.

– А, самая главная сестра милосердия! Хочешь – полезай сюда! – сказал доктор, останавливаясь.

– Я хочу с вами поговорить, – уклончиво ответила Роберта.

– Неужели маме снова стало хуже? – с тревогой в голосе спросил доктор.

– Нет, но, понимаете...

– Так, садись ко мне, поговорим про все дорогой.

Роберта забралась в экипаж, и каурая* лошадка развернулась в другую сторону. Надо сказать, что сделала она это неохотно, потому что уже предвкушала меру овса по возвращении домой.

– Вот это да! – воскликнула Роберта, когда лошадка понеслась во весь опор вдоль канала.

– Уже до «Трех Труб» рукой подать, – сказал доктор, когда они приблизились к дому.

– Да, так ведь и лошадка у вас быстрая, – заметила Бобби.

– Быстрая-то она быстрая... Но я чувствую, что у вас что-то случилось.

Доктор почувствовал, что девочка сильно волнуется.

– Ну, говори же, не бойся! – подбадривал он ее.

– Мне, доктор, тяжело это говорить... Потому что мама не велела.

– Что не велела?

– Она не велела рассказывать чужим людям, какие мы бедные... Но вы-то ведь не чужой человек!

– Да, я свой, поэтому не бойся.

– Я знаю, что лечение стоит дорого... И, говорят, это очень экстравагантно, то есть я имею в виду дорого – вызывать врачей на дом. Правда, миссис Вайни говорит, что ей лечение обходится дешево, всего два пенса в неделю, потому что она вступила в члены Клуба.

– Вот как?

– Она мне вас хвалила, говорила, что вы замечательный доктор... А я у нее спросила, как ей удастся прожить на такие гроши... Она ведь еще беднее, чем мы. Я бывала у нее дома и знаю. И вот она мне сказала про Клуб... Доктор, скажите – я не хочу, чтобы мама огорчалась, – нельзя ли и нам стать членами этого Клуба?

Доктор молчал. Он ведь и сам был очень небогат. Он порадовался было тому, что новая семья стала пользоваться его услугами. И теперь он испытывал смешанные чувства.

– Вы ведь не сердитесь на меня, правда? – спросила Бобби упавшим голосом.

Услышав такие слова, доктор востепенел.

– Сержусь? Как это может быть? Ты очень чувствительная юная дама. Я все сделаю для вашей мамы, что от меня зависит, даже если придется открыть новый клуб ради нее одной... Посмотри! Вот уже и акведук.

– Акве – что? – переспросила Бобби.

– Мост над водой. Смотри!

Дорога стала подниматься к мосту, пересекавшему канал. Слева высилась крутая скала, в расщелинах которой росли деревья и кустарник. Миновав холмы, они въехали затем на сам мост – огромный мост с его разбегом высоченных арок, покрывавших не только канал, но и значительную часть долины.

Бобби при виде этой картины глубоко вздохнула.

– Какое зрелище! Мне это напоминает иллюстрации в учебнике истории – это как было в Риме!

– Да, именно так, – согласился доктор. – Римляне ведь были помешаны на акведуках. Мосты – это чудо инженерной изобретательности.

– А разве инженеры – это не те, кто строит машины?

– Бывают разные инженеры. Одни строят мосты и туннели, другие – разные военные укрепления. Ну вот, теперь нам надо поворачивать назад. И помни, что ты не должна расстраиваться из-за всяких счетов, а то ты сама заболеешь, и я тогда пришлю тебе счет длинный-предлинный, как этот акведук!

На середине покатого луга, отделявшего дорогу от «Трех Труб», Бобби рассталась с доктором. У нее было чувство, что она поступила правильно. Она спускалась к дому в самом счастливом расположении духа.

Питер и Филлис ожидали ее на заднем крыльце. Вид у обоих был ухоженный и аккуратный, а у Филлис в волосах ярко краснел большой бант.

Бобби подумала, что ей надо успеть убраться, причесаться и завязать себе голубой бант до того, как зазвонит колокольчик.

– Ну вот, – сказала Филлис, – теперь нам пора показывать тебе сюрпризы. Ты подожди, пока позвонят два раза, и тогда иди в столовую.

– Дзынь! Дзынь! – зазвенел колокольчик, и Бобби, слегка робея, подошла к обеденному столу. Она сразу оказалась в каком-то новом мире, полном света, цветов и музыки. Мама, Питер и Филлис стояли рядом в конце стола. Ставни были открыты, и на столе горели двенадцать свечек – по числу лет Роберты. Стол был накрыт цветастой скатертью, и там, где обычно сидела Бобби, лежал веночек из незабудок и несколько заманчивого вида пакетиков.

Мама, Питер и Филлис исполнили хором первую часть торжественного гимна, который поют обычно в день Святого Патрика. Но слова были другие, их сочинила мама. Она всегда делала так, когда был чей-нибудь день рождения. В первый раз она сочинила слова, когда Бобби исполнилось четыре года, а Филлис была еще грудным младенцем. Бобби вспомнила, как учила наизусть слова в день рождения папы. К своему удивлению она обнаружила, что мама тоже хранит эти стихи в памяти.

Мне четыре! Ты пришло,
Лучшее мое число.
Два плюс два! Один плюс три!
Годы, что ни говори!
Только не хочу совсем
Праздновать ни пять, ни семь.
В году есть столько же времен!
В квадрате столько же сторон!
Еще четыре есть стены

В столовой – все они равны!
А посередочке опрятный
Стоит накрытый стол квадратный,
А за ним еще «квадрат»: Папа, мама, я и брат!

– Трижды ура Бобби! – воскликнул Питер, когда кончили петь. Роберта боялась расплакаться: вам, наверное, знакомо это чувство, когда щекочет переносицу и покалывает веки. Но мама, брат и сестра принялись целовать и обнимать ее, и Бобби успокоилась.

– Ну, – сказала мама, – смотри теперь свои подарки!

Подарки были замечательные. Была тут красная в зеленую полоску игольница, которую тайком мастерил Филлис. Была и серебряная мамина брошка в форме лютика – Бобби всегда ею любовалась, но никогда ей не приходило в голову, что эта брошка станет ее вещью. А миссис Вайни подарила ей две вазы синего стекла, те самые, которыми она любовалась в витрине магазина. Еще были в числе подарков открытки с красивыми рисунками и добрыми пожеланиями. И, наконец, мама украсила русую головку дочки венком из незабудок.

– А посмотри теперь на стол! – сказала мама.

На столе был большой торт, на розовой поверхности которого было выведено сахаром: «Милой Бобби!», тут же стояли в вазочках варенье и конфеты. Но самым замечательным было то, что весь стол мама украсила цветами. Посередине стояли горшочки с геранью, а вокруг каждой тарелки лежал веночек из незабудок – такой же, как тот, что был на голове у виновницы торжества. На торте был венок из белой сирени, а внутри венка просматривалось что-то наподобие рисунка, выложенного из мелких цветков той же самой сирени, желтофиоли* и золотого дождя** .

– А ты знаешь, что это такое? – спросил Питер. – Это карта железной дороги. Видишь, лиловые полосы – это рельсы, а квадрат из коричневой желтофиоли – это станция, а там – семафоры, дорожка, по которой мы к ним шли... А вот и мы – три яркие маргаритки. Мы стоим на путях и машем руками старому джентльмену. А вот и он – цветок анютиных глазок в поезде из цветков золотого дождя!

– А вон те фиолетовые первоцветы – знаешь, что это? – продолжила Филлис – Это «Три Трубы». А там, видишь, маленький розовый бутон. Это мама. Мы опаздываем к чаю, а она беспокоится, ждет нас. Это все Питер придумал, а цветы мы вместе принесли со станции. Он сказал, что тебе должно понравиться.

– Вот подарок от меня! – объявил Питер, ставя перед сестрой свой любимый локомотив, тендер которого был битком набит сладостями.

– Ох, как же замечательно! – воскликнула Бобби, потрясенная его щедростью. – Неужели ты даришь мне свой любимый локомотив?

– Локомотив – нет, только конфеты!

На лице у Бобби выразилась досада. Она так была очарована великодушием Питера, и, наверное, со стороны это выглядело смешно. Получается, что она жадина: ей мало конфет, нужен еще локомотив в подарок! Питер заметил, что она переменялась в лице, и сказал:

– Знаешь что? Давай будет так: половина локомотива моя, а половина твоя!

– Все отлично! Прекрасный подарок! – громко воскликнула Бобби, а про себя подумала, что она возьмет сломанную половину локомотива, починит ее и подарит Питеру, когда будет его день рождения.

– Мамочка, давай я буду резать торт! – предложила затем Бобби, и началось чаепитие.

День рождения получился просто сказочный. После чая мама предложила поиграть в разные игры. В том числе играли в жмурки, и Филлис вместо ленты закрывала глаза венком из незабудок. А перед тем как детям лечь спать, мама прочла вслух свой новый рассказ.

– Мама, а ты сегодня не будешь работать допоздна? – спросила Бобби.

– Нет, сегодня я хочу лечь пораньше. Напишу только письмо папе – и сразу лягу.

Но когда Бобби спустилась вниз, чтобы забрать в спальню свои подарки, потому что ей не хотелось разлучаться с ними на целую ночь, – она увидела, что мама не пишет, а сидит за столом, уронив голову на руки. И Бобби тогда решила не брать подарки, чтобы мама не узнала, что дочка ее видела. Веселый день рождения завершился, увы, на печальной ноте.

* * *

На следующее утро Бобби стала искать возможность тайком починить локомотив. И к вечеру возможность представилась.

Мама поехала поездом в ближний город за покупками. Когда она приезжала туда, она прежде всего заходила на почту. Скорее всего, она посылала оттуда письма папе, потому что ни детям, ни миссис Вайни она никогда не поручала отправку писем.

Питер и Филлис собрались вместе с мамой, а Бобби стала искать предлог, чтобы остаться. Она бродила по дому и все время соображала, что бы такое придумать. Когда она уже отчаялась что-либо изобрести, ее платье зацепилось случайно за гвоздь возле кухонной двери, и на юбке образовалась огромная дыра. Вот это случай так случай! Все посочувствовали Бобби и ушли без нее: переодеваться уже не было времени, и так мама рисковала не успеть к поезду.

Когда они ушли, Бобби переоделась в домашнее платье и тоже поспешила на железную дорогу. Она не пошла на станцию, а направилась вдоль путей в конец платформы, потому что состав был длинный и упирался носом, то есть паровозом, в то место, где стоял большой бак с огромным резиновым шлангом, похожим на слоновий хобот. Бобби поспешила укрыться за кустом по ту сторону дороги. Она взяла с собой игрушечный локомотив, завернутый в коричневую бумагу, и вот, держа его под мышкой, она стала терпеливо ожидать.

Как только очередной поезд прибыл и остановился, Бобби пошла на скрещенье путей и вплотную приблизилась к локомотиву. Еще никогда ей не приходилось стоять в такой близости от паровоза. Он оказался значительно тяжелее и массивнее, чем она могла себе представить. Бобби чувствовала себя совсем крошкой рядом с этим чудищем. И ей было страшно – вдруг он задавит ее?

«Я как будто червячок шелкопряда!» – подумалось Роберте.

Машинист локомотива и кочегар не замечали ее. Они смотрели в другую сторону и разговаривали со знакомым носильщиком, которому рассказывали историю про собаку и баранью ножку.

– Пожалуйста, – обратилась к ним Роберта, но они не слышали ее, потому что локомотив выпускал пар и заглушал ее голос.

– Господин машинист, – проговорила она чуть громче, но локомотив опять не дал мужчинам услышать девочку.

Ей подумалось, что придется влезть в локомотив и растормошить мужчин. Ступеньки были высокие, но ей удалось встать коленом на ступеньку и забраться в кабину. Возле самого порога она споткнулась и упала коленями и локтями на кучу углей... Машинист, не замечая ее, привел локомотив в движение. Поезд шел не слишком быстро, но все же Роберта не могла решиться выпрыгнуть.

В одно мгновение всякие страшные мысли посетили ее. Она слышала, что экспрессы могут проходить без остановки сотни миль. Вдруг это именно такой экспресс? Что будет с мамой? И как она сама доберется домой? У нее ведь нет денег на обратный путь.

«Меня же не должно здесь быть. Я в лучшем случае заяц, а в худшем – вредительница. Они меня могут посадить в тюрьму», – думала Роберта, а поезд между тем все набирал и набирал скорость.

Комок в горле мешал ей говорить. Она дважды пыталась обратиться к машинисту. Но машинист и кочегар стояли к ней спиной. Они возились с какими-то штуками, похожими на краны.

Вдруг она протянула руку и дотронулась до ближайшего к ней рукава. Мужчина резко повернулся, и с минуту они стояли друг против друга, не говоря ни слова.

– Что все это значит? – спросил, наконец, машинист.

– Откуда взялась эта противная девчонка? – поддержал, резко оборачиваясь, кочегар.

– Я бы сказал, однако, что это очень смелая девчонка! – ухмыльнулся в ответ машинист.

Они усадили Роберту на какую-то чугунную тумбу и велели перестать плакать и объяснить им все толком.

Девочка кое-как сумела заставить себя успокоиться. Ей помогло то, что она представила на своем месте Питера. Уж он-то забыл бы про все на свете и прыгал от радости, что оказался внутри локомотива. Любой мальчишка удивился бы, узнав, что его сверстника ни за что ни про что прокатили на паровозе. А она вот катит по рельсам, и машинист с кочегаром ведут с ней беседу!

Она промокнула платком глаза и высморкалась.

– Так что? Зачем ты тут оказалась? – спросил кочегар.

– Прошу, пожалуйста... – сопя, выговорила Бобби.

– Ну-ну, соберись с мыслями! – ободрил ее машинист.

И Бобби собралась:

– Понимаете, господин машинист, я была на станции и кричала вам, но вы меня не слышали. Тогда я решила забраться сюда, чтобы вы слышали. И я упала на угли... Вы простите, если я вас напугала. И не сердитесь на меня, пожалуйста!

– Мы не столько сердимся, сколько нам любопытно. Не каждый же день так случается, чтобы девочка забиралась к нам в угольный бункер! – рассуждал кочегар. – Я ведь правду говорю, Билл?

– Уж разумеется! Так объясни же нам, зачем ты это...

Бобби готова была опять расплакаться.

– Да успокойся же! – машинист ласково погладил ее по спине. – Ты теперь будешь наша помощница.

Услышав, что ее назначают помощницей, Бобби сразу приободрилась.

– Я просто хотела у вас спросить, не могли бы вы починить вот это, – и она отыскала в угольной куче заветный сверток, развернула оберточную бумагу и красными, дрожащими пальцами стала распутывать шнурки.

Ее ногам было жарко от близости топки, а плечи и руки мерзли от холодного воздуха из окна. Локомотив трясся, дрожал, грохотал, и когда поезд въехал под мост, казалось, что машина кричит у них над ушами.

Машинист внимательно разглядывал игрушку, кочегар тоже оторвался от топки и застыл как вкопанный перед содержимым свертка.

– Такой красненький, как твои щечки... С чего ты однако взяла, что мы занимаемся починкой копеечных игрушек?

– Просто я уже привыкла, что все, кто работает на железной дороге, такие добрые и отзывчивые, что я решила, что и тут мне помогут... У вас не получится, да?

Бобби показалось, что мужчины добродушно подмигнули друг другу.

– Наше дело – водить локомотивы, а не ремонтировать их. Тем более такие крохотные... Словом, наше дело теперь повернуть состав назад и вернуть вас вашим плачущим друзьям и родственникам.

– Я бы очень вас попросила остановиться, – произнесла Бобби весьма твердо, хотя сердце ее билось изо всех сил, – и одолжить мне денег на билет в третьем классе – я их вам верну, честное слово! Поверьте, что я не аферистка и не обманщица. Я не из тех, про кого пишут в газетах.

– Мы убедились, что вы благородная леди до мозга костей, – сказал машинист, уже совершенно смягчившись. – Мы вас доставим домой в целости и сохранности, можете быть уверены. А что касается этой безделушки... Где-то у меня был паяльник.

– Да, папа тоже говорил про паяльник... А вот это – что это такое? – Бобби показала на маленькое медное колесико, которое машинист все время вертел в руке, пока говорил.

– Это форсунка* .

– Как-как?

– Форсунка, чтобы наполнять бойлер** .

– Как интересно! – оживленно проговорила Бобби, чувствуя, что надо всячески поддерживать беседу.

– А вот здесь есть одно автоматическое устройство, – продолжил Билл, польщенный ее энтузиазмом, – если ты нажмешь сюда пальцем, то поезд сразу остановится. Ты, наверное, слышала про стоп-краны. С ними связано много разных историй, которые печатают в газетах.

Потом он кивнул на два круглых циферблата, как у часов, и разъяснил, что один из них показывает, сколько выпущено пара, а другой – правильно ли работает тормоз.

Некоторое время спустя Бобби увидела, как машинист отключил пар с помощью блестящей стальной рукоятки, и она подумала, что теперь гораздо лучше разбирается во внутреннем устройстве локомотива. Джим тем временем сообщил ей, что брат второй жены его двоюродного брата наверняка с помощью паяльника починит ее игрушку, а может быть, он и сам сможет разобраться, в чем дело. Бобби теперь не только чувствовала, что обогатилась знаниями, но и что она, Билл и Джим стали на всю жизнь друзьями, и она безоговорочно прощена за то, что споткнулась в неподходящий момент о священные угли их тендера.

На развилке Стейклпул двое мужчин тепло простились с Бобби. Они подвели ее к охраннику встречного поезда, и теперь она имела возможность узнать, что делают охранники на своем посту. Еще она узнала, что если дернуть шнур коммуникации в вагоне, то перед носом у охранника сразу начнут вращаться маленькие колесики, и у него над ухом громко зазвенит звонок. Она спросила у охранника, почему у него в вагоне так пахнет рыбой, и услышала в ответ, что он каждый день перевозит очень много рыбы и что гофрированный пол постоянно отсыревает от ящиков, полных трески, камбалы и макрели.

Бобби явилась домой к чаю, и голова ее гудела от воспоминаний о том, что произошло после разлуки с мамой, братом и сестрой. Она готова была благословлять гвоздь, порвавший ее платье.

На расспросы домашних она ответила, что, разумеется, была на станции, но она ни словом не проговорила о своих приключениях, пока не настал тот день, когда она повела брата и сестру к часу прибытия транзита – трем девятнадцати – и с заговорщическим видом представила их своим новым друзьям Биллу и Джиму. Брат второй жены двоюродного брата Джима вполне оправдал возложенные на него надежды. Игрушка явилась перед ребятами как новенькая.

– До свидания, до встречи! – закричала Бобби, и локомотив ответил ей прощальным гудком. – Я вас обоих люблю! И брата второй жены двоюродного брата Джима тоже!

И вот, когда они все трое оказались дома и Питер прижал к груди заново обретенный локомотив, Бобби с замиранием сердца поведала им историю о том, как она вломила в тендер и прокатилась зайцем по железной дороге.

Предстоящий час обещал быть интересным и насыщенным событиями, потому что до прихода маминого поезда должен был прийти еще один и два отбыть.

Глава V

В ПЛЕНУ И В ЗАТОЧЕНИИ

Однажды мама уехала на целый день в Мейдбридж. Она уехала одна, но дети должны были встречать ее на станции. Понятно, что всякий раз, когда мама уезжала, дети, при их любви к станции, объявлялись там за час до прибытия поезда, вернее, за час до назначенного прибытия, и это следует оговорить, потому что как правило поезд опаздывал. Они приходили на станцию заблаговременно даже в те дни, когда погода стояла прекрасная и все, чем могли порадовать леса и поля, потоки и скалы, было к услугам нашей детворы.

Но в этот день лил дождь, и к тому же было не по-июльски холодно. Порывистый ветер гнал по небу пурпурно-красные облака, и Филлис это напомнило шествие увешанных коврами слонов из восточной сказки. Дождь не прекращался ни на минуту, и на станцию дети бежали бегом. Тяжелые струи разбивались о витрину книжного магазина и о стеклянную дверь, за которой находился холодный зал ожидания.

– Мы как будто в осажденном замке, – сказала Филлис. – Видите, вражеские стрелы летят между зубцами крепости.

– Нет, это как будто садовник нас поливает из шланга, – возразил Питер.

Они решили ждать наверху, потому что нижняя платформа была вся залита и дождь проникал в ненадежное укрытие, где сгрудились встречающие.

– Может быть, к маминому приезду дождь перестанет, – рассуждала Бобби, – но я все же молодец, что захватила дождевик и зонтик.

Дети вошли в большой безлюдный зал с табличкой «Большой зал ожидания» и с удовольствием провели время в увлекательной игре. Это

была игра в афишки. Вы, конечно, представляете себе, что это такое. Все выходят из комнаты, а кто-то один принимает загадочную позу. И потом все должны угадывать, что означает эта поза.

Бобби села на скамейку, раскрыла над собой мамин зонтик и сделала свирепое лицо. И все сразу же узнали в ней лису, изображенную на афише, которая тоже сидит под зонтиком.

Филлис попыталась устроить ковер-самолет из мамино дождевика. Но ей никого не удалось убедить, что дождевик умеет летать, и ее номер провалился.

Питер справился со своей задачей гораздо лучше. Он вычернил себе лицо угольной пылью и развалился в небрежной позе – совсем как герой рекламы канцелярских чернил.

Когда подошла опять очередь Филлис, она попыталась принять позу сфинкса из рекламы путешествий в Египет, но в это время послышался пронзительный звонок, возвещающий о прибытии поезда. Ребята сразу прервали игру и побежали на станцию. В локомотиве поезда они увидели тех самых машиниста и кочегара, которые стали их лучшими друзьями. Сразу же начался обмен любезностями. Джим расспрашивал, как поживает игрушка, а Бобби предлагала ему угоститься ирисками собственного приготовления, которые от дождя сделались противно липкими.

Очарованный вниманием, машинист согласился выполнить просьбу Филлис и как-нибудь взять Питера покататься.

Но вдруг он неожиданно резко оборвал беседу:

– А ну-ка, помощники, назад! Поезд отправляется.

Поезд и в самом деле тронулся, и дети провожали глазами его хвостовые огни, пока они не скрылись за поворотом, после чего вернулись к пыльной свободе Большого зала ожидания и продолжили игру в афишки-рекламы.

В какой-то момент им вдруг захотелось пойти и посмотреть на то, как последние из сошедших на станции пассажиров бросают в урну свои билеты и выходят из дверей. Но кусок платформы возле выхода представлял собой черное пятно, и таким же черным пятном казалась толпа пассажиров.

– Эй! – в порыве радостного возбуждения воскликнул Питер. – Что-то случилось! Пойдемте!

Дети сбежали вниз, на платформу. Когда они подошли к толпе, им ничего не удалось рассмотреть, кроме мокрых спин и локтей. И все люди разговаривали наперебой. Теперь у ребят уже не возникало сомнения, что что-то случилось.

– По-моему, он выглядит не так уж плохо, – говорил мужчина, по виду напоминающий фермера. Питер, пока мужчина говорил, всматривался в его красное, гладко выбритое лицо.

– Если вас интересует мое мнение, то я считаю, что это дело судебной полиции, – прибавил молодой человек с черным портфелем.

– Похоже, просто слабость...

Затем раздался голос хозяина станции, твердый и уверенный.

– Пойдемте туда, если вам угодно, я буду сопровождать.

Но толпа пребывала в неподвижности, и ничего нельзя было разглядеть. И вдруг из нее раздался голос, пронзивший детей как будто током. Голос принадлежал иностранцу, и удивительнее всего было то, что человек говорил на языке, которого дети никогда не слышали. Они слышали не раз, как говорят по-французски и по-немецки. Тетя Эмма пела им песенку на немецком языке про котика и про часы. И уж точно это не была латынь – Питер учил латынь четвертый год.

Их несколько успокоило то, что в толпе ни один человек не знал языка, на котором говорил незнакомец.

– Чего он там такое мелет? – раздраженно спрашивал фермер.

– Кажется, француз, – сказал хозяин станции, когда-то пару дней гостивший в Булони.

– Это не французский! – закричал Питер.

– Какой же тогда? – спросили хором несколько голосов. Оглядываясь в поисках господина, говорившего не по-английски, толпа несколько подалась назад, между тем как Питер стал протискиваться вперед. Таким образом, когда все вернулись на свои прежние места, Питер оказался в переднем ряду.

– Я не знаю, на каком языке он говорил, но точно, что не по-французски, – уверенно проговорил Питер. Между тем все лица обратились в одну точку, и Питер увидел человека, говорившего на непонятном языке. Это был мужчина с длинными волосами и испуганным выражением глаз, одетый во что-то очень поношенное и незнакомого Питеру покроя. Он снова заговорил, руки и губы у него дрожали, и при этом он неотрывно глядел на Питера.

– Совсем не французский, – повторил Питер.

– А ты попробуй ему сказать по-французски! – предложил Питеру фермер.

– Parlez vous...* – уверенно начал Питер, между тем как толпа снова откатилась назад. Тогда человек с испуганными глазами облокотился на стену, а потом рванулся навстречу Питеру, схватил его за руки и быстро заговорил. По-прежнему Питер не понимал из его речи ни слова, но звуки на этот раз были знакомые.

– Да! – радостно воскликнул Питер, оборачиваясь к толпе и оставляя свои руки в ладонях чужестранца. – Это французский.

Толпа сразу пришла в возбуждение.

– Я не понял, что он сказал, – вынужден был признаться Питер.

– Хорошо, вы все можете идти, – обратился к толпе хозяин станции, – я буду разбираться с этим делом.

Несколько пассажиров, самые несмелые и нелюбопытные, стали выбираться из толпы, благодаря чему Бобби и Филлис оказались рядом с Питером. У всех троих в школе преподавали французский. Как же они теперь сожалели, что не считали иностранный язык главным предметом и не выучили его как следует! Питер посмотрел на чужестранца и помотал головой, а тот постарался улыбнуться ему как можно ласковее и пожал руку.

– Никто ни черта не понял! – сказал мужчина, похожий на фермера, и тоже стал выбираться.

– Отведите его к себе в комнату, – обратилась Бобби к хозяину станции.
– Наша мама хорошо говорит по-французски. Она скоро приедет – поездом из Мейдбриджа.

Хозяин станции взял чужестранца под локоть. Он сделал это решительно, но не грубо. Тем не менее чужестранец вырвался от него и бросился было бежать.

– Не сердитесь на него, – обратилась к хозяину Бобби. – Понимаете, он боится, он думает, что вы хотите его арестовать. Посмотрите, какие у него глаза!

– У него глаза как у лиса, попавшего в капкан, – заметил не успевший еще уйти фермер.

– Подождите, – сказала Бобби. – Я все-таки какие-то французские слова знаю, мне только нужно сосредоточиться.

Бывает, что в самые решительные моменты нашей жизни мы оказываемся способны на такое, что в обычное время нам и во сне не приснится. Прямо скажем, что Бобби «плавала» во французском языке, но глядя в перепуганные глаза странного человека, она поняла что-то такое, для чего и не обязательно было знать французский.

– *Vous attendre. Ma mire parlez franzais...** Господа, подскажите, как будет по-французски «будьте добры»...

Никто не знал.

– Кажется, bong, – сказала Филлис.

– Nous ktre bong pour vous.**

Возможно, странный человек не понял, что говорила Бобби, но он понял доброту намерений девочки, когда она правой рукой пожала его руку, а левой погладила его потрепанный рукав.

Она осторожно тянула незнакомца в направлении «святилища» хозяина станции. Питер и Филлис шли рядом, и едва они переступили порог, как хозяин запер дверь перед носом у толпы, оставшейся стоять в кассовом помещении. Потоптавшись некоторое время у плотно запертой желтой двери, люди понемногу стали расходиться по одному или парами, недовольно ворча.

В комнате у хозяина станции Бобби не отходила от чужестранца, продолжая пожимать ему руку и гладить рукав.

– Что же вы теперь прикажете с ним делать? – развел руками хозяин станции. – Билета у него нет. Он даже не знает, куда ему надо ехать. Придется звать полицию.

– Нет! – в один голос умоляюще обратились к нему сестры и брат. И вдруг Бобби вскочила с места: она увидела, что незнакомец плачет.

По счастью, у нее нашелся в кармане носовой платок. Правда, он был не совсем чистый, но и не чтобы грязный. Бобби постаралась незаметно вложить его в руку незнакомцу.

– Подождите, пока мама приедет, – уговаривала его Филлис. – Она очень красиво говорит по-французски, вам одно удовольствие будет ее слышать.

– Я уверен, что он ничего не сделал такого, чтобы сажать его в тюрьму, – убеждал Питер хозяина станции.

– По внешности трудно судить, – рассуждал хозяин. – Пожалуй, в самом деле надо подождать, пока приедет ваша мама. Мне самому любопытно узнать, какой он национальности.

И тут Питера осенило. Он вытащил из кармана конверт, полный почтовых марок разных государств.

– Смотрите! Вот это нужно показать ему.

Бобби взглянула на незнакомца и заметила, что он вытер глаза платком.

– Ну, хорошо, – сказала она тогда.

Дети подали ему итальянскую марку и вперились в него с вопрошающим видом. Он помотал головой. Тогда они извлекли из конверта норвежскую марку голубого цвета – реакция была та же самая. Дальше настал черед испанской марки, и вдруг незнакомец завладел конвертом и стал дрожащей рукой перебирать его содержимое. И вот он с торжествующим видом, как бы отвечая на заданный вопрос, предъявил русскую марку.

– Он русский! – радостно воскликнул Питер.

В этот момент со станции засигналил поезд, прибывший из Мейдбриджа.

– Вы ведите сюда маму, а я останусь с ним, – предложила Бобби.

– А ты не боишься?

– Нет, – ответила она и посмотрела на незнакомца так, как смотрят на чужого пса, оценивая, насколько он кусачий. – Вы же мне не сделаете плохо?

Бобби улыбнулась ему, и он ответил ей странной кривой усмешкой. Потом он закашлялся. А вслед за этим раздался грохот и свист приближающегося поезда, и хозяин станции вместе с Питером и Филлис пошел встречать его. Когда они вернулись вместе с мамой, Бобби по-прежнему сидела подле незнакомца и держала его руку.

Русский встал навстречу вошедшим и церемонно раскланялся.

Мама заговорила по-французски, и он стал отвечать ей, вначале с запинками, а потом все более и более длинными фразами.

Наблюдая за их лицами, дети пришли к выводу, что сказанное им вызвало у мамы осуждение и одновременно жалость, негодование – и в то же время грусть.

– Ну, мэ, говорите, в чем там дело? – спрашивал хозяин, которому было больше невмочь обуздать свое любопытство.

– Да, дети правы – он русский. Дело в том, что он потерял свой билет. И я боюсь, что он серьезно болен. Если вы не возражаете, я отведу его к себе домой. Ему надо вымыться и переодеться. А утром я к вам прибегу и расскажу о нем подробнее.

– Не будете жаловаться, что вам подсунули замороженную гадюку? – ухмыльнулся хозяин станции.

– Ни в коем случае! Понимаете, у себя на родине он очень известный человек. Он пишет книги – это замечательные книги. Я читала некоторые из них... Завтра я все расскажу вам подробнее.

Она снова обратилась к незнакомцу по-французски, и все прочли в его глазах удивление, признательность и радость. Вежливо раскланявшись с хозяином станции, русский очень церемонно подал руку маме. Она приняла его руку, но было впечатление, что скорее она ведет его, а не он ее.

– Вы, девочки, бегите домой и зажгите свет в гостиной, – распорядилась мама. – А Питер ходит за доктором.

Но к доктору Форресту в конце концов отправилась Бобби.

– Я за вами, – запыхавшись объяснила она, взбежав на его крыльцо и позвонив в дверь приемной. – Мама зовет вас к странному русскому. Он непременно вступит в ваш клуб: у него нет ни пенни. Мы нашли его на станции...

– Нашли его! – фыркнул доктор, натягивая пальто. – Он что, потерялся?

– Да! Он рассказал маме очень грустную историю о том, как жил во Франции. А она сказала, что вы так добры, что придете не мешкая. Если, конечно, я застану вас дома... У него ужасный кашель, а еще... Еще он плачет!

Доктор улыбнулся.

– Пожалуйста, не смейтесь! – запротестовала Бобби. – Если бы вы только видели его... Я в первый раз видела, как мужчина плачет. Вы не представляете себе, что это такое!

После таких слов доктору Форресту расхотелось улыбаться.

Когда Бобби с доктором добрались до «Трех Труб», они застали русского сидящим в том кресле, где обычно любил сидеть папа. Он вытянул ноги в сторону печи, где жарко полыхали дрова, и пил приготовленный мамой чай.

– Этот человек замотан душевно и телесно, – проговорил доктор. – У него нехороший кашель. Но он не безнадежен. Его надо сейчас же уложить в постель. И вам придется всю ночь поддерживать огонь в печи.

– Тогда его надо положить у меня – только там есть камин, – сказала мама.

Она постелила у себя, и доктор помог незнакомцу лечь.

У мамы в комнате стоял большой черный сундук, который дети никогда не видели открытым. И вот теперь она зажгла свет, открыла сундук, достала оттуда одежду – мужскую одежду, и повесила ее возле только что зажженного огня, чтобы она прогрелась.

Бобби, войдя в комнату с охапкой дров, обратила внимание на то, что на ночной рубашке была метка. Тогда она заглянула в сундук. Там, в сундуке, была только мужская одежда, и на некоторых вещах стояла метка с папиным именем. Получалось, что папа уехал и не взял с собой одежды. Ночная рубашка была новая. Бобби вспомнила, что она появилась примерно тогда, когда праздновали день рождения Питера. Почему же папа не взял с собой

одежду? Бобби незаметно выскользнула из комнаты. Уже за дверью она слышала, как мама запирает сундук на замок. Разные ужасные мысли стали приходить ей в голову. Почему папа уехал и не взял с собой вещи? Когда мама вышла из комнаты, Бобби обняла ее за талию и прошептала:

– Мама, скажи, папа не умер?

– Доченька, что ты? Как тебе такое могло прийти в голову?

– Я не знаю, – проговорила Бобби, все еще продолжая сомневаться, что мама говорит ей правду.

– Послушай! – мама поспешно обняла ее. – Я недавно слышала, что у папы дела обстоят очень хорошо, и когда-нибудь он непременно вернется к нам. Я тебя прошу – не забивай себе голову всякими ужасными фантазиями!

Чуть позже, когда русский гость уютно устроился в теплой комнате, мама спустилась к девочкам. Решили, что она будет спать на кровати Филлис, а Филлис придется постелить на полу матрас, чему та была страшно рада: еще одно приключение! Когда мама вошла, две белые фигурки рванулись ей навстречу и два нетерпеливых голоса произнесли хором:

– Мама, расскажи нам про этого русского!

И тут в комнате возникла еще одна белая тень. Питер вбежал, волоча за собой стеганое одеяло, похожее на хвост белого павлина.

– Мне сперва очень хотелось спать, но теперь уже не хочется. Я жду, мама, что ты расскажешь нам длинную историю.

– Сейчас уже слишком поздно, чтобы вам слушать длинные истории. И потом я сама страшно устала.

Бобби почувствовала, что мама вот-вот заплачет. Филлис и Питер однако ничего не заметили.

– Ну, расскажи, сколько можешь! – просила Филлис, а Бобби обняла маму и крепко прижалась к ней.

– Детки, это длинная история, если ее записать, она составит целую книгу. Он писатель, автор замечательных книг. Понимаете, в царской России не разрешают, чтобы люди писали про богатых людей, которые поступают плохо. И про то, что можно сделать для бедных людей, чтобы они жили счастливее и лучше, – про это тоже нельзя писать. А если кто напишет, то этого человека посадят в тюрьму.

– Но как же можно за хорошее дело посадить в тюрьму? – недоумевал Питер. – В тюрьму сажают, если кто-то кому-то сделал зло.

– Или если судьям кажется, что человек сделал зло... Но это так в Англии. А в России не так. Вот он написал прекрасную книгу про бедных детей и про то, как можно им помочь. Я читала эту его книгу. Там все только про хороших людей и добрые дела. Но его за эту книгу посадили в тюрьму. И вот он три года провел в ужасной темнице, на жесткой койке, без света, в сырости. В одиночном каземате целых три года! Голос ее задрожал, и она замолчала.

– Мама, но теперь же такого не бывает, – сказал Питер. – Это как будто из книги по истории – о временах инквизиции или что-то в таком роде.

– Это правда, то, что я вам говорю. Ужасающая правда. Потом его взяли из тюрьмы и сослали в Сибирь. Там осужденных приковывают друг к другу цепями. Там были те, кто сделал зло, а были и такие, как он. И вот они шли, шли много дней, и ему казалось, что они никогда не дойдут. А за ними шли надсмотрщики с плетьюми. Да! Кто уставал, того били плетьюми. После этого некоторые становились калеками, а другие падали в изнеможении, и им не помогали подняться, а оставляли умирать. Там столько было ужасного, что я даже не могу про это рассказывать. И вот он попал в рудники. Его осудили на пожизненные работы там, и он написал об этом еще одну прекрасную книгу.

– Мама, а как же ему удалось оттуда бежать?

– Когда началась война, каторжанам разрешили записываться добровольцами в солдаты. И он тоже записался, а когда представился случай, то он бежал.

– Но ведь это же трусость – дезертировать из армии, особенно когда идет война.

– Я думаю, он был вправе отказаться служить стране, которая с ним так поступила. Для него важнее было исполнить свой долг перед женой и детьми. Он ведь даже не знал, что с ними.

– Они, наверное, жили в ужасной бедности после того, как его посадили в тюрьму! – жалостно проговорила Филлис.

– Да, он, сидя в тюрьме, представлял себе всякие ужасные вещи. Что они просят подаяния, как нищие... Или что их тоже посадили в тюрьму. В России делали и так. Но когда он уже попал на рудники, друзья передали ему известия, что его жена с детьми бежали в Англию. И когда он дезертировал, он приехал сюда, чтобы их разыскать.

– И у него нет их адреса?

– Нет. Он знает только, что они в Англии. Он первым делом решил отправиться в Лондон, и на нашей станции ему надо было сделать пересадку, и тут он обнаружил, что у него украли билет и бумажник.

– А ты думаешь, он их найдет? Я имею в виду, не билет и бумажник, а жену и детей?

– Да, мне верится, что найдет. И я молюсь о том, чтобы он их нашел – и жену, и детей.

Но в мамином голосе не было уверенности. Это почувствовала даже Филлис.

– Тебе его очень жалко, да? – спросила она.

Мама некоторое время молчала, потом утвердительно кивнула. Дети старались сохранить спокойствие. Наконец она проговорила:

– Давайте будем постоянно просить у Господа, чтобы он смиловался над всеми, кто пребывает в заточении или в плену.

– Господи, будь милостив ко всем, кто пребывает в заточении и в плену,
– повторила Бобби. – Я правильно сказала, да, мама?

– Правильно, дочка. О невольниках и плененных. О тех, кто пребывает в заточении и в плену...

Глава VI

СПАСИТЕЛИ ПОЕЗДА

На следующий день русский господин почувствовал себя заметно лучше, еще через день он показался всем почти здоровым, а еще через два дня он настолько окреп, что смог сам выйти и прогуляться по саду. Для него вынесли из дому плетеное кресло, и он сидел в нем, одетый в папин костюм, который ему был явно велик. Но когда мама укоротила рукава и брюки, уже не было так заметно, что одежда на нем с чужого плеча. Русский не выглядел больше утомленным и запуганным, лицо его приняло доброе выражение, и всякий раз, встречаясь с детьми, он улыбался. Дети сожалели лишь об одном – что он не говорит по-английски.

Мама написала несколько писем людям, которые, по ее предположениям, могли что-то знать о местонахождении русской семьи. Это были не те люди, с которыми мама дружила до тех пор, пока они не перебрались в «Три Трубы». Со своими старыми знакомыми мама напрочь порвала отношения. Она обращалась по большей части к официальным лицам – членам парламента, редакторам газет, секретарям разных сообществ.

Мама больше не писала своих рассказов, только читала корректуры, сидя на солнце рядом с гостем и время от времени перебрасываясь с ним словами.

Детям очень хотелось выразить свои симпатии человеку, который побывал в тюрьме и на каторге за то, что написал книгу о бедных детях. Можно было, конечно, улыбаться ему, и они улыбались. Но если улыбаться постоянно, то это начинает выглядеть неестественно и противно – как улыбка гиены. Дети боялись, что русский решит, что над ним насмеются. И они

стали пытаться найти другие подходы. Они приносили к его креслу цветы – клевер, колокольчики и начавшие уже увядать розы с кустов, окаймлявших сад.

И вот однажды у Филлис появилась одна идея. Она кивком подозвала к себе сестру и брата, повела их на задний двор, в укромное место, где были водокачка и шланги, и сказала:

– Помните, Перкс хотел нас угостить зеленой клубникой со своей грядки (напомню, что Перксом звали носильщика). – Так вот, теперь клубника у него давно созрела. Давайте сбегаете вниз, поглядим.

Мама уже была «внизу», поскольку она дала обещание хозяину станции, что расскажет ему о русском эмигранте. Что же касается детей, то все манящие и чарующие тайны железной дороги были теперь бессильны оторвать их от гостя. Уже целых три дня они не наведывались на станцию!

Но теперь им надо было туда пойти.

К их величайшему недоумению и разочарованию, Перкс принял их крайне холодно.

– Пришли, так проходите. Что же стоять! – пробормотал он, впуская их в комнату. И с этими словами носильщик снова уткнулся в свою газету.

Воцарилось долгое молчание.

– Мы вас, наверное, чем-нибудь рассердили? – спросила Филлис.

– Меня? При чем же тут я? Не меня, а... – лицо носильщика приняло странное надменное выражение.

– А у вас ничего не случилось? – спросил Питер, крайне встревоженный поведением своего друга.

– Нет. Ничего не случилось – ни у меня, ни у кого другого... Если вам нравится иметь свои секреты, то на здоровье. Никто вам не запрещает.

Каждый стал мучительно припоминать, что же за секреты могли у него или у нее быть от мистера Перкса. Наконец все помотали головами.

– У нас не может быть от вас никаких секретов! – воскликнула Бобби.

– Не может, и отлично. Желаю вам хорошего дня, – ответил носильщик, отгораживаясь от ребят газетой.

– Как это все ужасно! – недоумевала Филлис. – Наверное, что-то произошло. Пожалуйста, расскажите нам.

– Если мы что-то сделали не так, то это не умышленно, – прибавил Питер.

Носильщик как будто и не слышал их слов. Он перевернул газету и погрузился в чтение очередного столбца.

– Послушайте! – не выдержал Питер. – Это просто некрасиво. Даже преступников выслушивают перед тем, как осудить. Даже в России есть суды.

– Я ничего не знаю ни о какой России!

– Так вот сейчас наша мама пришла, чтобы рассказать вам и мистеру Джиллсу все про нашего русского гостя.

– Что вы мне голову морочите? – с негодованием спросил Перкс. – Вы что, не видели, как он просил меня зайти к нему в комнату, взять стул и выслушать все, что будет говорить госпожа.

– Вы хотите сказать, что не слышали?

– Ровным счетом ничего. Стоило мне попытаться задать вопрос, как меня выставили за дверь... А я подумал, что вы сюда явились затем, чтобы от меня что-то выведать. – Филлис при этих его словах густо покраснела. – Я имею в виду разные сведения – о локомотивах, семафорах и тому подобное...

– Мы же не знали, что вы не знаете...

– Мы думали, что мама вам все рассказала...

– Мы-ду-что-ма-ска-ла-русский-который-пишет! – в один голос зашумели все трое.

Перкс, похоже, был удовлетворен объяснением и свернул свою газету. Филлис подскочила к нему и обняла за шею.

– Давайте поцелуемся и будем снова дружить! Я бы вам сказала «простите», но мы же не знали, что вы ничего не знаете.

– Все равно – простите нас! – воскликнула Бобби.

И Перкс наконец согласился принять их извинения.

Тогда они уговорили его выйти из дома на солнышко и посидеть с ними на зеленой станционной скамейке, в окружении нагретой солнцем травы, и вот они, то по очереди, то наперебой, то хором стали рассказывать ему историю русского пленника.

– Мне нужно сказать... – начал носильщик, но недоговорил фразу.

– Правда ведь, все это ужасно? Вам, наверное, любопытно побольше про него узнать? – спросил Питер.

– Не то что любопытно, но интересно, – отозвался Перкс.

– Да, мы, честное слово, не знали, что он вам не сказал. Это нам неприятно, что он от вас утаил, – повторяла Бобби.

– Я, маленькая мисс, не держу на него зла. У него есть основания. Ему приятно быть первым, кто расскажет людям такую историю. Человек есть человек. А что он хотел его арестовать... Наверное, будь, скажем, на месте этого длинноволосого парня какой-нибудь японец...

– Ну а если этот японец не сделал ничего плохого?

– Все они друг друга стоят, эти иностранцы.

– Но вот если бы перед вами были японец и русский, то кого бы вы предпочли?

– Трудно сказать... Но кого-то всегда надо предпочесть. Это как с либералами и консерваторами. Надо выбрать одну партию из двух и уже потом всю жизнь держаться той, которую выбрал... Что бы ни случилось, нельзя изменять своему выбору.

В это мгновение прозвучал гудок.

– Поезд «три четырнадцать» прибывает, – пояснил Перкс. – Сидите пока тут, а как он тронется, так мы сходим на огород, там должна уже поспеть клубника. Помните, я вам обещал?

– А если она поспела и вы нас угостите, – обратилась к нему Филлис, – вы не будете возражать, если мы поделимся ею с бедным русским?

Перкс нахмурился, и брови его взметнулись.

– Так, значит, это вы за клубникой сюда пришли?

Филлис при этих словах почувствовала неловкость. Сказать «да» – значит изобличить себя в жадности. А если она скажет «нет», то потом ей будет неприятно и стыдно. Филлис сказала «да».

– Ты умница! Всегда надо говорить только правду, и никогда...

– Но мы пришли бы в другой день, – поспешила прибавить Филлис, – если бы мы знали, что вы не слышали историю.

– Я тебе верю, малышка! – усмехнулся Перкс, и в следующую секунду он перемахнул через рельсы в шести футах* от прибывающего поезда.

Девочек ужаснул его поступок, но Питеру оказалась очень даже по душе такая храбрость.

Русский господин очень был доволен принесенной ему клубникой, а наша тройка уже ломала себе головы над тем, чем бы еще порадовать гостя. Однако они не смогли придумать ничего другого, как на следующий день доставить ему ягоды дикой вишни. Весной дети заметили, где цвела вишня. У гладкой стены утеса, в которой был прорублен туннель, рос целый лес из разных деревьев: кленов, берез, карликовых дубов, орешника. И среди этих зарослей выделялись серебристо-белые цветы вишни. Теперь надо было найти эти деревья и нарвать ягод.

Жерло туннеля находилось в некотором отдалении от «Трех Труб», и мама дала детям с собой корзину с едой. Они решили, что съедят по пути

свой обед, а корзину наполняют вишнями. Еще мама дала им с собой часы, чтобы они не опоздали к чаю. (У Питера, правда, были и свои часы фирмы «Уотербери», но они не ходили с тех пор, как попали в воду.)

Ребята двинулись в путь. Поднявшись в гору, они влезли на забор и стали смотреть оттуда вниз, где, словно на дне горного ущелья, скрещивались железнодорожные колеи.

– Если бы не рельсы, – сказала Филлис, – можно было бы подумать, что там никогда не ступала нога человека.

Края тропы, по которой двигались любители дикой вишни, были словно высечены из грубого серого камня. Они шли речной долиной, приближаясь постепенно к отверстию туннеля. Среди скал росли травы и цветы. Семена, оброненные птицами в трещины камней, прорастали, пускали корни и превращались со временем в кусты и деревья, затенившие собою склон. От туннеля к линии вел переход – несколько грубо вколоченных в землю брусков. Этот крутой и узкий путь скорее был похож на навесную лестницу, чем на череду пологих ступенек.

– Давайте спустимся, – посоветовал Питер, – с этих ступенек удобнее всего будет рвать вишни. Помните, как мы тут рвали вишневые ветки на могилку кролика?

Дети прошли вдоль изгороди к старой, разболтанной калитке, находившейся над ступеньками. Они хотели уже открыть калитку, как вдруг Бобби прошептала:

– Тсс! Послушайте! Что это?

До них доносился необычный шум – мягкий шум, едва слышный сквозь шелест ветвей и треск проводов над линией. Он напоминал не то шелест, не то шепот. На какое-то время он прекратился, но вскоре стал доноситься снова.

Он уже больше не прерывался, становясь все громче. Это мог быть либо шум чьей-то возни, либо урчание.

– Видите! – воскликнул вдруг Питер. – Тут над нами дерево.

Дерево было одним из тех, которые имели грубые листья и белые цветы. На дереве были ягоды, но ребята решили их не рвать. Они были ярко-красными, но когда их срывали, почти тут же чернели. Девочки посмотрели в сторону, куда показывал Питер, и заметили, что дерево зашевелилось, но зашевелилось не так, как если бы ветер прошел сквозь листву, а совсем иначе – так, как если бы оно было великаном, спускающимся вниз по склону.

– Деревья идут! Это как в «Макбете»* ! – прошептала Бобби.

– Это не просто так – это колдовство, – бормотала Филлис. – Я всегда знала, что железная дорога – заколдованное место.

Зрелище было и в самом деле сказочное. Казалось, что цепь деревьев протяженностью в двадцать ярдов** медленно спускается вниз, к железнодорожной линии, и дерево с грубой серой листвой замыкало процессию, как будто старый пастух гнал стадо зеленых овец.

– Что же это? Что? – восклицала Филлис. – Это уже какое-то очень злое колдовство. Пойдемте скорее домой.

Но Питер и Бобби, пробравшись ближе к дороге, стояли, затаив дыхание и вслушиваясь. Филлис не решила вернуться домой одна и тоже стала слушать и наблюдать.

Деревья продолжали спуск. Камни и комья земли вырывались из-под корней и разбивались о рельсы и шпалы.

– Они сейчас все попадают на дорогу, – проговорил Питер и замолчал, понимая, что голос его все равно утонет в шуме. И в это мгновение вершина огромной скалы, с которой спускались деревья, стала медленно наклоняться. Деревья сразу прекратили шествие и, вздрогнув, застыли в неподвижности. Какое-то время они стояли точно в ожидании, а потом скала вместе с

деревьями, кустами, травами и цветами опрокинулась прямо на железную дорогу. В воздухе стоял страшный грохот, слышный, наверное, за несколько миль от склона. А потом ничего не стало видно от поднявшейся пыли.

– Как будто уголь в глазах! – с ужасом пробормотал Питер.

– Целую гору насыпало! – воскликнула Филлис.

– Да, – медленно говорил Питер, перегибаясь через забор, – вот это да!

Вдруг он отпрянул от забора и застыл в неподвижности.

– Слушайте! Ведь «одиннадцать двадцать девять» еще не отправлялся.

Нам надо скорее бежать и предупредить, а то будет очень большая авария.

– Так побежали скорее! – сказала Бобби, срываясь с места.

– Нет! Назад! – закричал Питер, доставая из кармана мамины часы. Он был страшно взволнован, и никогда сестры не видели его таким бледным.

– У нас нет времени. До станции две мили, а времени уже половина двенадцатого.

– А нельзя, – проговорила срывающимся голосом Филлис, – чтобы ты забрался на телеграфный столб и что-то сделал с проводами?

– Если бы я знал, как...

– А во время войны как-то останавливали поезда... Я слышала.

– Можно только перерезать провода. А мы не сможем это сделать, даже если мы до них дотянемся. Но как нам дотянуться? Хоть бы нашлось что-нибудь красное – тогда можно было бы выбежать на линию и помахать.

– Но пока поезд не повернет, машинист нас не увидит, – возразила Филлис. – А за поворотом он скорее увидит всю эту кучу, чем нас. Она ведь гораздо больше, чем мы.

– Если бы было что-то красное, – повторил Питер, – мы бы тогда успели добежать до поворота и помахать.

– Мы и без красного обойдемся – просто помашем. Они уже знают нас – мы ведь столько раз им махали. Пойдемте вниз, – убеждала Бобби.

Дети стали спускаться вниз по ступенькам. Бобби была бледной и вся дрожала. Лицо Питера казалось страшно осунувшимся. А Филлис вся покраснела, и капельки пота выступили у нее на лбу.

– Фу, как я запарилась, – говорила она. – Мама думала, что похолодает, и заставила нас надеть фланелевые нижние юбки.

И тут она круто развернулась на ступеньках:

– Слушайте! Они же красные!

Филлис и Бобби сняли нижние юбки и, зажав их под мышками, побежали вдоль линии.

Питер взял юбку Бобби, которая была больше, и надорвал.

– Нет, не надо! – воскликнула Филлис.

– А люди? – гневно спросил Питер.

– В самом деле... Можешь порвать хоть на мелкие кусочки – только бы спасти людей.

Бобби отобрала юбку у Питера и оторвала от нее поясок. Точно так же она поступила и с другой юбкой.

– Нет, это не дело, – сказал Питер, в свою очередь отнимая юбки у сестры и разрывая каждую из них на три части. – Итак, у нас есть шесть флажков. – Он посмотрел на часы: – И семь минут в запасе.

У перочинных ножинок, которые дарят мальчишкам, редко бывают острые лезвия. Для скорости Питер стал руками ломать молодые деревца и обдирать с них листву.

– Теперь нам надо сделать прорези в лоскутках и надеть их на палки.

Поезд уже приближался – с грохотом и на большой скорости.

– Они нас не видят! Не видят! Что делать? – восклицала Филлис.

Два флажка на линии покачнулись, когда поезд зацепил кучу рассыпанных камней. Один флажок упал на шпалы. И Бобби вдруг поняла,

что надо делать. Она прыгнула на рельсы, схватила упавший флажок и принялась им махать. И боязнь мгновенно прошла.

Ей казалось, что они целую вечность стояли на пути, держа в руках эти маленькие смешные фланелевые флажочки.

А поезд по-прежнему двигался на огромной скорости.

– Глупая! Уходи прочь с линии! – кричал Питер.

– Стоять! Стоять! – кричала Бобби, но даже брат и сестра не могли слышать ее голоса из-за шума надвигающегося поезда. Но вдруг она с удивлением подумала, что машинист, наверное, все-таки ее услышал. Локомотив быстро стал сбавлять скорость и, наконец, остановился, не доезжая двадцати ярдов до того места, где стояла Бобби и размахивала флажками.

Девочка увидела, что поезд застыл как вкопанный, но продолжала махать. Потом машинист и кочегар выскочили из локомотива, и Питер и Филлис ринулись им навстречу, рассказывая взхлеб, какой ужасный завал образовался за поворотом. А Бобби все еще продолжала махать флажками, но уже вяло и по инерции.

Когда Питер оглянулся в поисках Бобби, она неподвижно лежала на шпалах, прижимая к груди два красных флажка.

Машинист поднял девочку, подхватил на руки и понес к поезду. В вагоне первого класса нашлось пустое купе, там и устроили Бобби.

– Бедняжка. Она в обмороке. Неудивительно, еще бы... Сейчас я пойду гляну, что за куча, а потом мы отвезем вас на станцию, и девочку там осмотрят.

На Бобби было страшно смотреть – она лежала неподвижная, бледная, с посиневшими губами.

– Как все ужасно, – говорила Филлис, – она как будто мертвая.

– Перестань! – оборвал ее Питер.

Брат и сестра сидели напротив Бобби на голубых полках, и поезд вез их в обратном направлении. Они еще не доехали до станции, как вдруг Бобби открыла глаза, повернулась и начала плакать. Питер и Филлис облегченно вздохнули. Они и раньше видели, как Бобби плачет, а вот наблюдать ее в обмороке – этого им никогда прежде не приходилось. Пока она была без сознания, брат и сестра не знали, что делать, а теперь, когда Бобби плакала, они понимали, что надо ее просто успокоить. И вот Бобби успокоилась, и теперь Питер и Филлис стали над ней смеяться, что она такая трусиха и упала в обморок.

На станции уже собралась толпа в ожидании троих героев. Все наперебой хвалили их мужество, смекалку и здравый смысл.

Филлис впервые довелось побывать в роли героини, и ей это было приятно. Питер покраснел до ушей, но тоже с удовольствием выслушивал похвалы. Одной Бобби было не по себе. «Скорее бы все разошлись и все кончилось», – думала она.

– Вас еще будут благодарить от имени компании, – сказал хозяин станции.

Бобби не хотелось слышать больше никаких слов благодарности. Она стала тянуть Питера за куртку:

– Нам пора. Я хочу домой...

Дети отправились домой, а хозяин станции, носильщик, охранники, машинист, кочегар и пассажиры – все говорили им вслед разные приветственные слова.

– Слышите? Это про нас, – сказала Филлис.

– А все же хорошо, что мне это пришло в голову – найти что-нибудь красное и размахивать им, – заметил Питер.

– Да, и какое счастье, что мы надели эти фланелевые нижние юбки! – прибавила Филлис.

Только Бобби молчала. Она думала про ужасную кучу на железнодорожном полотне и вспоминала, как этот доверчивый поезд мчался, чтобы разбиться об нее.

– Ведь это мы их спасли! – воскликнул Питер.

– А как было бы ужасно, если бы они все погибли! – проговорила Филлис. – Правда, Бобби?

– И мы возвращаемся домой без вишен, – с грустной улыбкой ответила старшая сестра.

Младшей сестре и брату показались довольно бессердечными эти ее слова.

Глава VII

ЗА ДОБЛЕСТЬ

Вы, надеюсь, не возражаете, что я так много рассказываю вам о Роберте? Я с каждой главой все больше люблю ее. Чем пристальнее я за нею наблюдаю, тем больше она мне нравится. Самые разнообразные вещи, которые я ценю в людях, я нахожу у Роберты.

Например, она всегда думала о том, чтобы помочь своим близким. Она умела хранить чужие секреты, а для такого не у всех хватает терпения. Кроме того, ей был присущ дар молчаливого сострадания. Я знаю, что это звучит заумно, но на самом деле это вещь вовсе не такая уж скучная. Это значит, что если у вас неприятности или горе, человек старается дать вам как можно больше любви, при этом не повторяя на каждом шагу, как ему вас жаль. И так вела себя Бобби. Она знала, что мама переживает несчастливые дни и не говорит детям, почему она несчастлива. И Бобби теперь любила маму еще больше, чем прежде, и ни единым словом она не выдала, что ей хотелось бы знать, почему мама так страдает. Чтобы вести себя так, как Бобби, нужен известный жизненный опыт. Это далеко не так просто, как вам может показаться.

Происходило много всяких обыкновенных и приятных вещей: пикники, игры, чаепития с булочками, но у Бобби не выходила из головы одна мысль: «У мамы какие-то неприятности. В чем дело? Она мне не говорит. Допытываться я не хочу. Но что-то не так». Это повторялось в ее уме, как привязывается какой-нибудь музыкальный мотив, – и попробуй его отгони!

Русский джентльмен по-прежнему оставался предметом семейных забот. Чиновники, их секретари и члены парламента по-прежнему отвечали на мамины письма настолько вежливо, насколько им это удавалось, но никто

не мог даже приблизительно подсказать ей что-либо относительно местонахождения жены и детей господина Шеранского (да, такая несколько необычная фамилия была у писателя).

У Бобби было еще одно качество – разные люди называют его по-разному и, соответственно, по-разному к нему относятся. Одни называют это «путаться в чужие дела», другие «совать во все свой нос», третьи «иметь любвеобильное сердце». Словом, она всегда стремилась помочь людям.

Девочка изо всех сил старалась изобрести что-то, чтобы помочь русскому господину найти жену и детей. Он стал немного говорить по-английски: уже мог сказать «доброе утро», «спокойной ночи», «спасибо», «пожалуйста». Когда девочки приносили ему цветы, он говорил: «Очень красиво!». А когда дети спрашивали, как он спал, то слышали в ответ: «Карашо».

«Я уже лучше скажу английский?» – как-то спросил он у Бобби. Она кивнула ему. Говоря с ним, девочка все время думала о том, нет ли чего-то такого в его внешности, манере общения, что поможет отыскать его родных. Но пока ничего не приходило ей в голову. Вместе с тем ей не хотелось, чтобы писатель уехал, потому что его присутствие в доме поднимало мамино настроение.

Бобби чувствовала: маме нужно, чтобы кроме детей в доме находился еще кто-нибудь. Маме причиняло страдание то, что она отдает русскому папину одежду, но она изо всех сил старалась не показать виду.

С того дня, как Бобби, Питер и Филлис, выйдя на путь с красными фланелевыми флажками, спасли от крушения поезд, прошло уже много дней. Но Бобби часто просыпалась по ночам с криком и дрожью в теле, потому что представляла себе эту ужасную кучу и как бедный, милый, доверчивый поезд летит навстречу своей гибели. Страшно было подумать о том, сколько могло погибнуть людей. Но когда Бобби думала, сколько людей

спаслось и продолжает жить, она уже радовалась тому, что они пошли в тот день за вишнями и что на ней и Филлис были фланелевые нижние юбки.

Однажды дети получили письмо. Они обрадовались тому, что им кто-то написал, и стали рвать друг у друга из рук конверт – ведь письма приходили так редко. На конверте стояли их имена – Роберта, Питер и Филлис. А текст письма был следующий:

«Дорогие господин и леди!

Предполагается вручить вам небольшие вознаграждения в знак уважения к вашему достойному и мужественному поведению. Вы предупредили машиниста поезда, и, не сделай вы этого, произошла бы ужасная трагедия. Церемония награждения состоится на станции такого-то числа в три часа дня, если это время устраивает вас.

Джейвез Инглвуд,

секретарь Главной железнодорожной компании Севера и Юга».

Это был высший момент гордости в жизни троих ребят. Они побежали со всех ног к маме показывать письмо. Еще никогда они не чувствовали себя такими счастливыми.

– Но только, – сказала мама, – если вознаграждение окажется денежное, вы должны будете поблагодарить и категорически отказаться его принять. А мне, девочки, надо будет выстирать ваши муслиновые платья, потому что вы должны по такому поводу выглядеть очень аккуратно.

– Нет, мама, – перебила ее Роберта, – постирать мы с Фил и сами можем, а вот если бы ты их отутюжила...

Стирать – это ведь для девочек просто развлечение. Скажите мне, юные читательницы, когда вы в последний раз занимались стиркой?

В «Трех Трубах» стирали обычно в кухне, где был каменный пол и под окном стояла большая каменная раковина.

– Давайте сюда, в раковину, поставим ванну, – предложила Филлис, – и представим себе, что мы приходящие прачки. Помнишь, мама, ты видела таких прачек, когда жила во Франции?

– Нет, – проговорил Питер, закладывая руки в карманы, – там прачки стирали в холодной реке, а не в горячей воде.

– Считай, что это горячая река, – засмеялась Бобби. – Окунь руку в ванну.

– Вот еще! – фыркнул Питер, но руку все же окунул.

– Будем стирать, оттирать, отдирать! – восклицала Филлис, вертясь вокруг Бобби, которая несла от огня к столу тяжелый чайник.

– Ты с ума сошла! – ужаснулась Бобби. – Это же тебе не рогожа, а муслин! Надо растворить мыло в теплой воде, а потом осторожно расправлять платя – и сжимать, расправлять и сжимать. И они превосходно отстираются. Вся грязь быстро сойдет. Это только большие вещи положено тереть – скатерти, простыни.

А в это время за окном ветерок раскачивал сирень и гордость сада – розы «Слава Дижона».

– А какие дни стоят... Какие дни! – со взрослой интонацией повторила Бобби. – До чего же хорошо будет идти на станцию в муслиновом платье.

– Да, замечательно! – поддержала ее Филлис, встряхивая и отжимая муслин уже вполне профессиональными движениями.

– Так, теперь надо слить воду, – наставляла Бобби, – только ни в коем случае не выжимай. Будем отполаскивать. Я буду держать платя, а вы с Питером выливайте мыльную воду и наливайте чистую.

– Небольшое вознаграждение, – вслух рассуждал Питер, пока сестры деловито подтирали пол и расправляли на веревке платья. – Я все же думаю, что это будут подарки.

– Что-то там точно будет, – вздохнула Филлис. – Мне больше всего хочется слоника, но ведь они же не прочитают мои мысли.

– А мне кажется, что Питеру подарят золотую модель локомотива, – вставила Бобби.

– Или большую модель места происшествия, – увлеченно стал фантазировать Питер. – Где и обвал, и паровоз, и люди, похожие на нас, машиниста, кочегара и пассажиров.

– А тебе приятно, – спросила Бобби, вытирая руки о грубое полотенце, висевшее на вешалке возле того места, где мыли посуду, – что нас будут награждать за спасение поезда?

– Да, разумеется, – без тени смущения отозвался Питер, – и не пытайся нас убедить, что тебе это неприятно. Тебе это так же приятно, как и нам с Филлис.

– Что ж, пожалуй, ты прав. Я тоже рада. Но, понимаешь, я немного боюсь: а вдруг мы решим, что мы такие молодцы, и уже не будем делать других хороших дел?

– Солдаты ведь радуются, когда им дают награды. Но после этого они снова идут в бой, – ответил Питер. – А что если нас тоже наградят медалями? Когда я буду старым, то покажу их своим внукам и скажу: «Вот, мы выполнили свой долг». И они будут нами гордиться.

– Ты женись сначала, – проговорила с усмешкой Филлис, – а то не будет у тебя никаких внуков.

– Хорошо бы мне жениться, – вздохнул Питер, – только боюсь, что жена будет мне постоянно мешать. Мне надо жениться на спящей красавице. Чтобы она просыпалась два раза в год, а потом опять засыпала.

– Поллюбовалась денек на милого мужа – и полно, бай-бай! Хитро придумал, – иронизировала Бобби.

– А я бы хотела выйти замуж за такого человека, который бы меня постоянно будил и говорил, какая я хорошая, – поделилась мечтами Филлис.

– А мне кажется, – высказала свои мысли Бобби, – что лучше быть женой бедного человека, чтобы самой делать всю работу по дому. Так приятно себе представить: он после трудного дня идет домой и видит голубой дымок из трубы – это я топлю ему печку... Между прочим, нам надо написать ответ на письмо, что нас устраивает и день, и час, и место. Питер, возьми мыло и вымой руки – мы уже и так чистые. А ты, Фил, принеси розовый ящичек с писчей бумагой, который тебе подарили на день рождения.

Прошло немало времени, прежде чем они смогли осуществить задуманное. Мама удалилась к себе, чтобы писать, и дети испортили несколько розовых листов с зубчатыми золотыми краями и четырехлепестковыми цветками на углах, прежде чем сочинили такой ответ, который всех устроил. Потом каждый снял для себя копию и поставил в нижней части листа свою подпись.

Во всех трех копиях повторялось следующее:

«Дорогой господин Джейвез Инглвуд,

большое вам спасибо. Мы не думали о вознаграждении, мы просто хотели спасти поезд. Но мы рады, что Вы придумали это. Время и место меня вполне устраивает, и большое Вам спасибо.

Ваш преданный друг».

Дальше стояла подпись, а под ней:

«P.S. И еще раз большое Вам спасибо!»

– Стирать ведь нетрудно. Гладить трудно, а стирать нет, – сказала Бобби, унося в дом высохшие платья. – Так приятно делать вещи чистыми! Хоть бы у нас хватило терпения дождаться этого дня, чтобы узнать, что нам за награды приготовили.

Время тянулось для детей мучительно долго, и вот настал желанный день, когда они пришли на станцию. Все, что там произошло, оказалось до того необычно, что походило скорее на сон.

Хозяин станции сам вышел им навстречу. Он был одет, как заметил Питер, в свой самый лучший костюм. И он отвел детей в тот самый зал ожидания, где они когда-то играли в афиши. Но теперь все здесь выглядело по-другому. Пол был устлан половиками, и горшочки с розами красовались на каминной доске и подоконниках, подобно зелени, которую выставляли под Новый год рядом с рекламой конторы Кука и рейсов «Париж – Лион». За дверью, где сидел носильщик, собралась небольшая группа людей – аккуратно одетые женщины и мужчины в цилиндрах и фраках. Видимо, это были работники станции и их жены. Потом ребята узнали нескольких пассажиров поезда, которых видели тогда, в день красных фланелевых нижних юбок.

Но больше всего они обрадовались, когда увидели старого джентльмена. На нем были шляпа и пальто, не похожие на те, что носили другие мужчины. Старый джентльмен пожал каждому из них руку, а потом они сели на стулья, и человек в пенсне (как потом выяснилось, это был суперинтендант округа*) произнес речь.

Говорил он несколько длинно, но очень умно. Я не собираюсь приводить здесь полный текст его речи. Во-первых, потому что она покажется вам скучной; во-вторых, потому что дети, слушая ее, испытывали

неловкость и мне не хочется, чтобы и читателю передались их чувства; а в-третьих, потому что суперинтендант так сыпал словами, что я многого просто не успела запомнить. Снова повторялись слова об отваге и присутствии духа, и когда, наконец, он сел на место, все захлопали. А потом вышел старый джентльмен и тоже стал говорить. И все дальнейшее походило на церемонию присуждения премий. Детей вызывали по именам, одного за другим, и каждому были подарены великолепные золотые часы на цепочке. У каждых часов с внутренней стороны было выгравировано имя владельца, а под именем – следующие слова:

«От директоров Северной и Южной железных дорог
с благодарной признательностью за своевременные
и мужественные действия, предотвратившие
крушение поезда.
... 1905 г.»

Часы были так хороши, что ничего лучше просто невозможно себе представить. И у каждых часов было свое «место жительства» – кожаный голубой футляр.

– Ты должен теперь произнести ответную речь, – шепнул хозяин станции на ухо Питеру и подтолкнул мальчика вперед. – Не забудь обращение: «Леди и джентльмены», – добавил он.

Но ведь они уже всех поблагодарили и письменно, и устно, – может быть, уже достаточно?

– Так обязательно надо? – спросил было Питер, но хозяин посмотрел на него уже строго, и мальчик не мог послушаться.

– Леди и джентльмены, – проговорил Питер хриловатым голосом, после чего наступила пауза, в продолжение которой он слышал биение

своего сердца. – Это совершение замечательно с вашей стороны, леди и джентльмены, и эти часы – мы будем беречь как сокровище... Но, честное слово, мы их не заслужили, потому что мы же не сделали ничего такого особенного... Это было как вдохновение... Ну, словом, большое, большое вам всем спасибо!

Люди хлопали Питеру больше, чем суперинтенданту, потом все подходили и пожимали ребятам руки. И вот, вежливо простившись со всеми, они побежали в гору, держа в руках подаренные часы.

Это был чудесный день. Мало у кого из людей, в том числе и у нас с вами, были в жизни подобные дни.

– Мне хотелось еще кое о чем поговорить со старым джентльменом, – сказала Бобби, – но было так многолюдно – как в церкви.

– А что ты хотела ему сказать? – спросил Питер.

– Мне надо еще немного об этом поразмыслить, тогда я тебе скажу.

Поразмыслив, она решила написать письмо.

«Мой дорогой старый джентльмен, – так начиналось ее письмо, – мне очень нужно кое о чем Вас спросить. Может быть, когда Вы в следующий раз приедете тем же самым поездом, нам удастся с Вами поговорить. Я не буду обращаться к Вам с просьбами. Во-первых, мама нам это запретила. А потом, нам ничего и не нужно сейчас. Речь идет об одном человеке, который находился в заключении и в плену.

Ваш младший друг Бобби».

Она попросила хозяина станции передать старому джентльмену ее письмо, а на следующий день уговорила Питера и Филлис пойти вместе с ней на станцию к тому времени, когда старый джентльмен приезжал

проходящим поездом. Бобби разъяснила им, какая у нее возникла мысль, и брат и сестра всецело это приняли.

Они умылись, причесались – одним словом, выглядели как подобает. Но, к несчастью, за завтраком Филлис пролила на платье целую чашку лимонада. Переодеваться ей было уже некогда, и когда подул ветер, угольная пыль налипла на подол ее платья. «Как из сточной канавы вылезла!» – сокрушался Питер. Решили, что Бобби и Питер будут говорить, а Филлис будет стоять у них за спиной и молчать.

– А вообще-то, – сказала Филлис, – он, скорее всего, ничего и не заметит. У стариков обычно бывает слабое зрение.

Старый джентльмен уже стоял на платформе и оглядывался по сторонам. Как-то не чувствовалось, что у него может быть слабое зрение или слабость в чем-то другом. При виде его дети почувствовали приступ застенчивости, им казалось, что уши у них стали красные, как маки, руки мокрые и горячие, а кончики носов – розовые и блестят.

– У меня как будто паровоз пытит под пояском, – пробормотала Филлис.

– Чепуха! Сердце не может быть под пояском, – ухмыльнулся Питер.

– А у меня оно там!

– Ну, тогда у меня сердце во рту, – сказал Питер.

– А у меня – в ногах, – тут же отозвалась Роберта. – Ну, пойдете же, а то он решит, что мы идиоты какие-то.

– И правильно решит! – съязвил Питер. – И будет, между прочим, не далек от истины.

Они ринулись навстречу старому джентльмену.

– Добрый день! – говорил старик, пожимая руки всем по очереди. – Очень рад вас видеть.

– Как замечательно, что вы отозвались и сошли с поезда! – срывающимся от возбуждения голосом говорила Бобби.

Джентльмен взял ее за руку и повел в зал ожидания – туда, где они играли в афиши как раз в тот самый день, когда появился русский писатель. Питер и Филлис шли следом.

– Ну? – спросил старый джентльмен, сжимая руку Бобби перед тем, как ее выпустить. – Что-нибудь случилось?

– Пожалуйста...

– Да, я весь внимание...

– То, о чем я хочу спросить...

– Да, спрашивай.

– Не думайте, это все хорошее, доброе...

– И все же...

– Мне прежде надо вам кое-что рассказать.

– Да, расскажи.

И Бобби в очередной раз стала рассказывать о замечательном человеке из России, который написал удивительную книгу о жизни бедных детей, и как за это его посадили в тюрьму, а потом отправили в ссылку, в Сибирь.

– Нам сейчас больше всего на свете хочется одного – отыскать его жену и детей. Но мы не знаем, как это сделать. И мы подумали: раз вы один из директоров железной дороги, то вы должны быть очень умным человеком. Что для этого нужно? Мы готовы даже пожертвовать нашими часами, если потребуются большие деньги для поисков жены и детей нашего друга.

Питер и Филлис тоже что-то стали говорить, хотя не с таким энтузиазмом, как Бобби.

– Однако! – воскликнул старый джентльмен, снимая белый жилет, на котором были пришиты большие золотые пуговицы. – Как, вы говорите, его фамилия? Труспанский?

– Нет, не совсем так! – ответила Бобби. – Это все равно не запомнить, это надо записать. У вас, может быть, найдется огрызок карандаша и какой-нибудь ненужный конверт, чтобы я написала?

Старик достал золотой пенал и приятно пахнущую кожаную записную книжку – такие поставляли в Англию из России – и открыл на пустой странице.

«ШЕРАНСКИЙ!» – крупными буквами написала Филлис.

– Это так пишется. А говорить можно – Сперанский.

Старый джентльмен насадил на нос пенсне в золотой оправе, посмотрел на то, что написала Филлис.

– Господи! Да ведь это очень известный человек. Я читал его книгу. Она переведена на все европейские языки. Так значит, ваша мама приютила его, как добрая самаритянка? Я вот что вам скажу: ваша мама очень хорошая женщина.

– Ну а как же! – воскликнула Филлис, удивленно вскидывая брови.

– Вы тоже очень хороший человек, – сказала Бобби, изо всех сил стараясь быть вежливой.

– А хотите, я скажу, что думаю про каждого из вас? – спросил старик, снимая шляпу.

– Ой, нет, пожалуйста, не надо! – поспешила оборвать его Филлис.

– Это почему? – старый джентльмен недоуменно поднял брови.

– А потому что, – сказала за сестру Бобби, – если это что-то плохое, то я не хочу слушать, а если хорошее, тогда... Тогда лучше не надо.

Старик засмеялся.

– Хорошо, я ничего не скажу. Вернее, скажу одно: я очень рад, что вы догадались по этому делу обратиться именно ко мне. Не исключено, что мне удастся вам помочь. Дело в том, что у меня много знакомых русских в

Лондоне. А какой русский не знает, кто такой Сперанский? Ну, а теперь расскажите о себе.

Старый джентльмен развернулся, чтобы видеть всех троих, но перед ним были лишь двое – Бобби и Питер. Филлис куда-то делась.

– Ну, Питер, начнем с тебя!

Но мальчик так смутился, что не мог выдавить из себя ни слова.

– Представьте себе, что я вас экзаменую. Я сижу за столом, а вы за партами.

Расспросив их таким образом, он теперь узнал их полные имена, имена родителей и как долго они живут в «Трех Трубах».

Потом разговор сбился на покупки. Питер рассказывал, что нашел такое место, где можно за полтора пенса купить две селедки, карандаш и перышко. Тут раздался стук, и все увидели, что кто-то ботинком открыл дверь зала ожидания. И что у этого ботинка развязан шнурок. Потом в зал ожидания медленно и осторожно протиснулась Филлис. В одной руке она несла огромный чайник, а в другой ломоть хлеба, густо намазанный маслом.

– Вечернее чаепитие! -- торжественно объявила девочка и с гордым видом подала чайник и хлеб старому джентльмену, который как ни в чем не бывало принял подношение из ее рук.

– С Божьей помощью!

– Да.

– Юная леди весьма предусмотрительна, – похвалил старый джентльмен. – Весьма.

– Да, но не мешало бы еще чашки с блюдцами прихватить, – с укоризной заметила Бобби.

– А Перкс – он прямо так пьет, из чайника! – растерянно пробормотала Филлис. – Хотите, я еще раз к нему сбегаяю? Но только у него не сервиз – все разрозненное...

– Никуда не надо бегать – я охотно последую примеру мистера Перкса, – и старый джентльмен пододвинул к себе поближе чайник и хлеб.

Уже оставались считанные минуты до прибытия следующего поезда, и они простились, наговорив друг другу много добрых слов.

– Ну вот, – сказал Питер, когда они остались одни на платформе и хвостовые огни поезда скрылись за поворотом, – теперь мы скоро будем зажигать прощальные свечи, потому что Шеранский, или, как его, Сперанский, уедет к жене и детям.

Так все и случилось.

Однажды днем они все трое сидели на вершине высокого холма посреди равнины и прислушивались, когда раздастся снизу гудок скорого поезда, прибывающего в пять пятнадцать. В то же время они посматривали на дорогу, по которой поодиночке или группами проходили люди. Они шли в сторону деревни, и один мужчина открыл калитку и направился по тропинке, которая вела к «Трем Трубам» и никуда больше.

– Кто бы это мог быть? – спросил Питер, готовый сорваться с места.

– Бежим домой и все узнаем! – сказала Филлис.

Они побежали по той же самой тропинке и, оказавшись дома, поняли, что к ним пожаловал старый джентльмен – собственной персоной. Его пуговицы ослепительно сияли при ярком дневном свете, а белый жилет на фоне садовой зелени казался еще белее.

– Здравствуйте! – в один голос закричали дети.

– Здравствуйте! – ответил старый джентльмен, снимая шляпу и низко кланяясь.

Дети тут же кинулись к нему и, с трудом переводя дыхание, спросили:

– Как дела? Какие новости?

– Новости хорошие! Я нашел жену русского писателя и ребенка. Но мне трудно победить искушение пойти и рассказать это ему лично...

Но посмотрев на Бобби, он понял, что придется победить искушение.

– Ну, что ж! Ты, Роберта, пойди и скажи ему. А вы двое ведите меня к вашему гостю.

И Бобби побежала. Но, когда она срывающимся голосом доложила новости русскому и сидящей с ним в саду маме, когда мамино лицо озарилось светом чудесной красоты, когда потом она сказала то же самое по-французски, с трудом подобрав десяток слов, – она подумала, что, пожалуй, ей не стоило становиться добрым вестником. Потому что русский вскочил с места и вскрикнул так, что сердце у Бобби подпрыгнуло и затрепетало: вся мыслимая любовь и тоска соединились в этом крике. Он взял руку мамы, нежно и доверительно поцеловал ее, а потом упал в кресло, закрыл лицо руками и зарыдал. Бобби поспешила уйти – ей даже не хотелось дожидаться прихода старого джентльмена.

Но вскоре она пришла в себя и развеселилась. Начался бесконечный разговор по-французски, потом Питера послали в деревню за пирожками и булочками, а девочки в саду стали накрывать стол для чаепития.

Старый джентльмен был чрезвычайно весел и мил. Казалось, что он умеет говорить в одно и то же время по-английски и по-французски, и мама почти не уступала ему. Они прекрасно провели время. Мама уже не смущалась в присутствии старого джентльмена, и когда он спросил разрешения «пожаловать сувениры» своим юным друзьям, она ответила «да».

Выражение было непривычно, но дети догадались, что речь идет о сладостях. Он вынул из своей сумки три обвязанные лентами коробочки – две розовые и зеленую. Завязки никак не поддавались, но, наконец, дети извлекли вкусные плитки шоколада.

Мама и дети помогли русскому упаковать его вещи, и все пошли на станцию его проводить.

Затем мама вернулась к старому джентльмену и сказала ему:

– Я не знаю, как благодарить вас за все, что вы для нас сделали. Но, видите ли... Мы живем очень уединенно. Я надеюсь, вы простите меня, если я не буду приглашать вас к нам в гости.

Детям эти мамины слова показались жестокими. Они нашли друга – и такого друга! Какое было бы счастье, если бы он чаще приходил к ним в гости.

Ребята не могли прочесть его мысли, но вот что сказал в ответ старый джентльмен:

– В таком случае, мне очень повезло, мадам, что хотя бы однажды я побывал у вас в гостях.

– Ах, – смутилась мама, – я, конечно, кажусь вам черствой и неблагодарной, но...

– Нет, вы по-прежнему кажетесь мне очаровательной и прелестной молодой женщиной, – с грустью произнес старый джентльмен и низко ей поклонился.

И когда они стали собираться, чтобы до заката еще посидеть на холме, Бобби вдруг увидела, какое у мамы лицо.

– Мама, ты выглядишь очень усталой, – сказала она. – Обопрись на меня.

– Это я должен предложить маме руку, – возразил Питер. – Пока папа не вернулся, я тут мужчина и глава семьи.

Мама улыбнулась и взяла за руки их обоих.

– Как же хорошо все это себе представить, – мечтательно сказала Филлис. – Вот он сейчас приедет к жене, которую так долго не видел. А ребеночка он и не узнает – так он подросток.

– Да, – улыбнулась мама.

– Боюсь, что папа меня тоже не узнает, – оживленно щебетала Филлис, – правда ведь я очень выросла и изменилась за то время, что мы тут?

– Да! Ой! Да... – старшие дети почувствовали, как мама крепко ухватилась за их руки.

– Бедная мамочка, ты устала! – вздохнула Бобби. – Филлис, вот что. Быстро беги к калитке, а я буду тебя догонять.

И она бросилась догонять сестру, хотя эти гонки были ей совсем не по душе. Знаете, почему Бобби устроила это бег наперегонки? Потому что ей показалось, что мама жалеет Филлис. А для нее самая большая радость заключалась в том, чтобы быть опорой для мамы. Даже самые любящие мамы на свете иногда не понимают своих детей.

Глава VIII

ПОЖАРНИК ПОНЕВОЛЕ

– Какую вы чудесную брошечку надели сегодня, мисс, – сказал носильщик Перкс. – Право слово, я было решил, что это живой лютик, и только сейчас понял, что это всего-навсего брошка!

– Да, – у Бобби зарделись щеки, так она обрадовалась его приходу, – мне тоже всегда казалось, что ее почти не отличишь от настоящего лютика, и мне до сих пор не верится, что теперь это моя брошка. А моя она потому, что мама подарила ее мне на день рождения.

– Вот как? Значит, у вас был день рождения? – в голосе носильщика слышалось такое удивление, как будто дни рождения бывают только у привилегированных особ.

– Да, был недавно, – кивнула Бобби. – А у вас когда день рождения, мистер Перкс?

Дети пили чай с мистером Перксом в комнате, предназначенной специально для носильщиков, в окружении ламп и дорожных альманахов. Ребята принесли из дому чашки и варенье. Мистер Перкс кипятил чай в банке из-под пива. Все были счастливы, и всем было уютно.

– Мой день рождения? – переспросил Перкс, наливая чай из пивной банки в кружку Питера. – Ах, вас еще не было на свете, когда я уже бросил праздновать мой день рождения.

– Но вы же ведь когда-то родились, – принялась глубокомысленно рассуждать Филлис, – может быть, двадцать лет назад, или тридцать, или шестьдесят, или семьдесят.

– Ну нет, малышка, я не такой старый! – улыбаясь, воскликнул Перкс. – Если уж тебе хочется знать, то мне будет тридцать два года – очень скоро, в этом месяце, пятнадцатого числа.

– А почему же вы не отмечаете?

– Так... У меня и без дней рождения забот хватает.

– Каких? Или это секрет? – допытывалась Филлис.

– Почему же секрет? У меня дети, жена.

Этот короткий диалог дал почву для долгих размышлений и бесед. В сущности, Перкс был для них самым близким и дорогим другом. Он не был таким мудрым, как хозяин станции, но с ним было проще. И, конечно, он не умел всего на свете, как старый джентльмен, но старый джентльмен появлялся редко, а носильщика можно было увидеть в любой день.

– Как жалко, кто никто не поздравляет его с днем рождения, – сказала Бобби. – Нельзя ли нам что-нибудь придумать?

– Вот что, – предложил Питер, – пойдете на наш мост, постоим там и все обсудим. – И внезапно добавил: – Я тут получил в подарок удочку. От почтальона. У него заболела невеста, я принес для нее цветы, а он подарил мне удочку.

– За такие чудесные розы – какую-то удочку. Это же ничто! – презрительно фыркнула Бобби.

– И вовсе это не ничто, – стал возражать Питер, становясь в позу обиженного.

– Ты не права, Бобби, – вступилась за брата Филлис. – Послушай, как это было. Когда мы узнали, что невеста почтальона больна, мы пришли к нему с розами и ждали у калитки. Вы с мамой в это время жарили тосты. Он вышел и так нас благодарил, что никакие розы того не стоили. А потом вынес нам эту удочку. Это ведь не обмен, это от чистого сердца!

– Да, я не права. Питер, пожалуйста, прости меня! – проговорила Бобби.

– Ладно, – великодушно ответил Питер. – Прощаю, и забудь, а то ты теперь будешь сокрушаться всю жизнь, я тебя знаю.

На мосту, соединяющем берега канала, Питер намеревался опробовать удочку, но она оказалась слишком коротка.

– Что делать! – пожала плечами Бобби. – Давайте просто постоим и полюбуемся. Здесь так красиво.

Вечер был и в самом деле сказочно красив. Закатное солнце светило во всем своем великолепии на фоне серых и малиновых холмов. Ни единое облачко не омрачало чудесного зрелища. Ветра не было, вода канала была гладкой и сверкающей, как паркет. Он походил на серую атласную ленту, протянутую среди зелени лугов, простиравшихся на этом и на том берегу.

– Красиво, конечно, – сказал Питер, – но мне хорошие вещи кажутся еще лучше тогда, когда я что-то делаю. Вон, видите, тропинка – где буксирный канат. Давайте попробуем удить оттуда.

Филлис и Бобби побоялись сперва идти на тропинку, вспомнив, как мальчишки-лодочники бросали в них угли.

– Там нет сейчас никаких лодочников! – успокоил их Питер. – А если и появятся, то у вас есть брат, который их проучит.

Сестры проявили великодушие и не стали напоминать ему, как он спасовал перед лодочниками в тот день, когда те кидались углями.

– Ну, тогда пошли, – в один голос сказали девочки и стали осторожно пробираться по крутому берегу к тропинке.

Дети аккуратно насаживали червяков и в течение получаса терпеливо забрасывали удочку. Но все безрезультатно. Хоть бы малая рыбешка клюнула, поселив надежду у них в сердцах!

Они вглядывались в медленное течение канала, который, как видно, не приютил в своих глубинах ни единого пескарика, и вдруг до них донесся весьма неприятный голос:

– Эй! А не пора ли вам убираться отсюда?

Дети увидели пасущуюся в десяти ярдах от них белую лошадь. Вскочив с места, они стали подниматься к мосту и заметили на воде баржу.

– Как только она проедет, мы опять спустимся, – сказала Бобби.

Но баржа остановилась под мостом.

– Смотрите, они сейчас встанут на якорь, – закричал Питер.

Он ошибся в том отношении, что лодки, курсировавшие вдоль канала, не были оснащены якорями – они были опутаны толстыми канатами, с помощью которых и пришвартовывались возле вбитых в землю столбов и опор моста.

– Что это вы там высматриваете? – раздался голос лодочника.

– Мы ничего не высматриваем, – ответила Бобби, – и не заслуживаем такого грубого обращения!

– Вот что, убирайтесь-ка вы отсюда сами! – закричал Питер, вспоминая рассказы о том, как ведут себя задиристые мальчуганы, и чувствуя себя наверху в полной безопасности.

– Вот как? Ну, погоди, мы еще посмотрим... – лодочник встал, прошелся по палубе и стал перелезть через борт своей баржи.

– Уходи, Питер, уходи! – в один голос испуганно закричали сестры.

– Вы можете идти домой, а я никуда не пойду! – храбрился Питер.

Девочки забрались на самый высокий холм на берегу и стояли там, готовые сломя голову бежать домой, как только брат окажется вне опасности. Им довольно было сбежать под гору – и они дома. Все трое детей были быстроногими. А вот лодочник, судя по его виду, не был похож на проворного бегуна. Это был краснолицый, тяжелый, раскормленный малый.

Но как только лодочник оказался на тропинке, детям стало ясно, что они неверно о нем судили.

Вспрыгнув на холм, он схватил Питера за ногу, повалил его, потом, встряхнув, поставил на ноги и принялся драть ему уши.

– Ну, что теперь скажешь? Тебе что, не говорили, что тут запрещено ловить рыбу? Да еще огрызаешься, когда не прав...

Впоследствии Питер всегда вспоминал не без гордости, как огромный детина вцепился ему в ухо, как его красная физиономия склонялась над ним и дыхание обжигало лицо и как при этом Питер мужественно сказал правду:

– Я не поймал тут ни одной рыбы.

– Что не поймал – не твоя вина, – проворчал лодочник, выкручивая мальчугану ухо, не очень сильно и не очень больно, но все же выкручивая.

Видно, все дело было в том, что рыба в этом канале не водилась. Взволнованные Бобби и Филлис стояли наверху, переминались с ноги на ногу и не знали, что им делать. Вдруг Бобби стремительно сбежала вниз, вихрем промчалась по берегу и подскочила к брату. Она сделала все так порывисто, что Филлис, более умеренная во всем, испугалась, как бы этот спуск не окончился для сестры в водах канала. В самом деле, так едва не случилось, потому что лодочник, перестав держать за ухо Питера, своей большой рукой подхватил Бобби.

– Ты чего меня толкаешь? – пробормотал он, помогая Бобби встать на ноги.

– О, – переводя дыхание, ответила Бобби, – я не собиралась вас толкать. Если толкнула, то не нарочно. Я прошу, не сердитесь так на Питера. Если это ваш канал, тогда вы нас простите, и мы обещаем, что больше сюда не придем. Но только мы не знали, что он ваш...

– Ну, вот и убирайтесь! – процедил лодочник.

– Сейчас уйдем, – простодушно пообещала Бобби, – но только мы хотим, чтобы вы сначала нас простили. И мы в самом деле не поймали ни одной рыбки. Вот, видите, у нас ничего с собой нет.

Бобби развела руки в стороны, а подоспевшая Филлис принялась выворачивать все свои кармашки, показывая тем самым, что они ничего не поймали.

– Ну, все. Ступайте. Разговор окончен. И чтобы это не повторялось никогда, – лодочник говорил уже более миролюбивым тоном.

Дети побежали вдоль берега.

– Кинь мне сюда пальто, Мария! – донесся до них крик лодочника.

Женщина с огненно-рыжими волосами в зеленой клетчатой шали, похожей на плед, вышла из кабины с младенцем на руках и бросила ему пальто. Следом за ней выскочила маленькая собачонка. Дети видели, как лодочник влез в это пальто, поднялся на берег и пошел, сутулясь, через мост по направлению к деревне.

– Эй, Мария! Как уложишь мальчишку, приходи ко мне. Я буду в «Розе и Короне»!

Едва он пропал из виду, ребята решили вернуться на прежнее место. На этом настоял Питер.

– Пусть даже канал принадлежит ему, в чем я сильно сомневаюсь, но мост – общественное достояние. Не смейтесь! Я повторяю то, что сказал мне доктор Форрест. И не собираюсь в угоду этому типу, и вообще кому бы то ни было, уходить с моста!

Уши у него горели и ныли, и эта боль передавалась всем его чувствам.

Сестры пошли за ним, как послушные солдаты следуют за командиром, даже если не питают никаких надежд на победу.

– Может быть, не надо бы... – сказали они в один голос.

– Если боитесь, то ступайте домой. А я не боюсь.

Какое-то время шаги мужчины еще были слышны вдоль тихой дороги, потом они смолкли. Ничто не нарушало вечернего покоя: ни треньканье пичуги в осоке, ни песня, которой женщина с баржи начала убаюкивать

младенца. У баллады, которую она пела, были грустные слова: в ней девушка обращалась к человеку по имени Билл, умоляя его вернуться.

Дети стояли на мосту втроем, облокотившись на перила. Им приятно было успокоиться, хотя сердца их по-прежнему бились сильно.

– Не собираюсь я идти на поводу у какого-то старикана с баржи! – обиженно пробубнил Питер.

– На поводу не надо, а домой стоило бы пойти, – попыталась уговорить его Бобби.

– Я сказал «нет» – значит, нет! – твердо ответил Питер.

Больше никто не проронил ни слова, пока женщина с баржи не сошла по мосткам, не поднялась на берег и не вступила на мост.

Увидев, что дети отвернулись, она приблизилась к ним и окликнула:

– Мальчик, девочки...

Питер не захотел отзываться на ее обращение, а девочки повернулись.

– Вы его не бойтесь, моего Билла. Знаете, есть поговорка: бойся не той собаки, которая лает, а той, которая кусает. У нас тут есть озорники. Я недавно испекла пирог к празднику, а они залезли на баржу и все съели. Еще доедали там, под мостом.

– А что за дети, из какого дома?

– Кто теперь узнает? Что было, то прошло. Я вот вам что скажу: его часа два еще не будет, вы успеете за это время наловить много рыбы. Скорее, а то стемнеет, ничего не будет видно.

– Спасибо, – сказала Бобби. – Вы очень добры! А где ваш ребеночек?

– Спит там, в каюте. Я не боюсь его оставлять. До полуночи спит как убитый. А в полночь просыпается. По нему время можно узнавать.

– Простите, но можно мне на него поближе посмотреть. Я так люблю малышей! – попросила Бобби.

– Он у меня хорошенький! – в голосе женщины прозвучала гордость.

– А все-таки вам не страшно оставлять его одного?

– У них Бог заступник. Кто его обидит, крошку? Да я уж скоро и вернусь.

Женщина удалилась.

– Пора и нам домой, – сказала Филлис.

– Идите, вам в самом деле пора, – кивнул Питер. – А я останусь.

– Мы ведь сюда пришли, чтобы поговорить про день рождения Перкса,
– напомнила Филлис.

– Мы будем его праздновать! – уверенно сказал Питер.

Девочки снова отошли на тропу, а Питер принялся удить. Но рыба не клевала.

Быстро стало темнеть, девочки очень устали, да и, как говорила Филлис, время было уже «кроватное». Вдруг Филлис закричала:

– Что это там? Что?

Она показывала в сторону лодок. Из трубы баржи над самой каютой валом валил дым, который, постепенно растворялся в вечернем воздухе. Но теперь пряди дыма становились густыми и черными – дым повалил из дверей каюты.

– Я пойду, там горит, – спокойно произнес Питер.

– Собачка, бедная! – воскликнула Филлис.

– Собачка... Там ребенок! Все трое побежали к барже.

Швартовы* у баржи были ослаблены, и бриз, неощутимый поначалу, все же оказался достаточно сильным, чтобы отогнать баржу от берега. Филлис бежала впереди всех, за ней Питер. Но Питер вдруг поскользнулся и упал в воду. Вода была ему сначала по шею, потом он почувствовал, что ноги теряют опору, но в это время он ухватился рукой за палубу. Филлис тут же ухватила его за волосы. Ему было больно – но он был спасен. В следующее мгновение он вспрыгнул на баржу, за ним последовала Филлис.

– Тебе там нечего делать! – закричал Питер Бобби. – Я мокрый, мне не страшно.

У порога кабины между братом и сестрой завязалась борьба. Мальчик оттолкнул Бобби подальше от кабины. Случись такое в игре или прояви Питер в других обстоятельствах подобную грубость, – старшая сестра расплакалась бы от ярости и от боли. Но теперь, хотя у нее был выдеран клочок волос, а колени и локти покрылись синяками и ссадинами, она лишь закричала:

– Не ты – я пойду!

Она снова хотела вступить в борьбу с Питером, но опоздала. Питер уже успел войти в кабину.

Густое облако дыма окутало его. Мальчик остановился, припоминая все, что знал о пожарах, потом выдернул из нагрудного кармана намокший носовой платок и завязал себе лицо. В какое-то мгновение ему подумалось, что настоящего пожара и нет: так, что-то вспыхнуло и погасло.

Но, пожар все-таки был. И какое счастье, что Питеру удалось справиться с сестрой, не дав ей ринуться в кабину следом за ним.

Вся кабина полыхала багровым пламенем. Вокруг парафиновой лампы образовалось дымное рыжее облако.

– Эй! – крикнул Питер, отодвинув на секунду от лица носовой платок. – Эй, малыш, ты где?

Мальчик чувствовал, что ему нечем дышать.

– Дай, дай мне войти! – умоляла уже наступавшая ему на пятки Бобби. Он толкнул ее еще грубее, чем в первый раз, и сделал шаг вперед.

И если бы ребенок не ответил на зов, неизвестно, чем кончился бы этот день для всех, но малыш закричал. Дым все сгущался, однако Питер теперь знал, в каком направлении ему надо идти. Нащупав маленькое, мягкое,

теплое живое тельце, он подхватил его и, разворачиваясь, чуть было не упал, натолкнувшись на Бобби.

Потом собака ухватила его за ногу и хрипло залаяла. Она потеряла голос от дыма.

– Он у меня! – воскликнул Питер, срывая с себя носовой платок, и, шатаясь вышел на палубу.

Бобби, еще с трудом различая предметы, пошла на лай и вдруг ощутила под рукой спину гладкошерстной собаки. Собака вывернулась и схватила зубами руку девочки, но не больно, словно говоря: «Мне положено лаять и кусаться, если чужие люди входят в хозяйскую кабину. Но я знаю, что вы пришли с добрыми намерениями, и я укушу только для вида».

Бобби принялась уговаривать собаку:

– Ну все, душка! Успокойся. Ты славная псина... Питер, давай мне малыша, ты такой мокрый, что можешь его простудить.

Питеру не хотелось расставаться с младенцем. Ему так приятно было держать этот странный сверточек, который корчился и похныкивал в его руках.

– Питер, – скороговоркой наставляла Бобби, – беги скорее туда, в «Розу и Корону», скажи им. А наш драгоценный побудет со мной и с Фил. Ну, мой сладкий, мой утенок, мой голубчик! Успокойся... Вот молодец... А ты беги, Питер, беги!

– Бежать у меня не получится. На мне все мокрое. Я как в доспехах. Ну, хорошо, я пойду.

– Значит, мне надо туда бежать, – сказала Бобби. – Поднимайся на берег, Фил, я передам тебе крошку.

Малыша осторожно передали из рук в руки. Филлис присела на берегу и всеми силами старалась успокоить младенца. Питер выжимал воду из рукавов и сушил башмаки, а тем временем Бобби мчалась быстрее ветра

через мост. Потом она стала подниматься по белой, тихой, едва освещенной дороге к «Розе и Короне».

Там, в кабачке, была уютная, старомодно обставленная комната, где лодочники со своими женами сидели вечерами, потягивая пиво или поджаривая бутерброды с сыром на углях жаровни. От этой жаровни, прикрепленной к большой каминной трубе, в комнату шло тепло, и, пожалуй, Бобби не видела в здешних окрестностях другой такой красивой и уютной каминной, как эта.

У огня собралась приятная компания владельцев барж. Вам они, может быть, не показались бы особенно приятными, но они были таковыми, потому что дружили между собой или, по крайней мере, притязывали, имели общие привязанности и любимые темы для разговоров. А ведь как раз в этом и состоит тайна приятного общества. Билл с баржи, казавшийся детям таким грубым и недобрым, для его товарищей был самым замечательным компаньоном. Обычно он рассказывал истории о своих неприятностях, а это всегда возбуждает. В этот раз он говорил про свою баржу.

– Все красят в пять цветов, а краска потом остается... Я же свою всю выкрасил зеленым от носа до кормы – и дело с концом.

Шепоток сочувствия пробежал по комнате. И вдруг дверь в комнату широко распахнулась. На пороге стояла Бобби.

– Мне Билла! Лодочника Билла!

Все мигом оцепенели. Пивные кружки застыли в воздухе, не коснувшись губ.

– Ах, – проговорила Бобби, узнав жену лодочника и беря ее за руку, – у вас там загорелось, в кабине баржи. Бежим скорее!

Женщина вскочила с места и схватилась за сердце. Это обычное движение, которое мы делаем, когда нам страшно или мы узнаем о непоправимой беде.

– Реджинальд Гораций! – срывающимся голосом воскликнула бедная женщина. – Мой Реджинальд Гораций!

– Все в порядке, – постаралась успокоить ее Бобби. – Если вы о малыше, то его спасли. И собака жива, – она чувствовала, что больше не может говорить. – Пойдемте скорее, там все увидите.

Женщина опустилась на скамейку и попыталась, что называется, обрести второе дыхание. Но ей казалось, что она не может сделать вдох.

Лодочник Билл поднялся нехотя и тяжело. Его жена уже прошла ярдов сто по дороге, когда он только еще начал соображать, что произошло.

Филлис, дрожа, сидела на берегу канала и едва ли слышала шум приближающихся шагов. Женщина, перевалившись через ограду, скатилась с берега и схватила сына.

– Тише, – умоляюще проговорила Филлис. – Он только сейчас уснул.

Появившийся позже Билл стал что-то говорить так путанно, что дети почти ничего не могли понять. Он прыгнул на баржу и вынес из будки ведра. Вдвоем с Питером они вскоре потушили пожар. А Филлис, женщина с малышом на руках и подсевшая к ним Бобби обнялись и сбились в кучку на берегу.

– Бог спас! Наверное, это я что-нибудь оставила там зажженное, – повторяла женщина.

Но она ни в чем не была виновата. Это Билл оставил непогашенной свою трубку, из нее красный пепел перекинулся на матерчатый абажур лампы, что привело к пожару. Как бы то ни было, он повел себя по-мужски и не стал валить свою вину на жену, что присуще многим лодочникам, и не только лодочникам.

* * *

Мама извелась от беспокойства в ожидании детей. Поздно вечером они, наконец, явились, мокрые, а Питер, что называется, вымок насквозь. Но когда она из их сбивчивого и непоследовательного рассказа уяснила всю правду о случившемся, она признала, что дети поступили правильно, и было бы плохо, если бы они повели себя иначе. И не стала чинить препятствий, когда ребята приняли идущее от сердца приглашение лодочника.

– В семь утра чтобы все были здесь, – сказал Билл. – Прокачу вас до Фэрли и обратно. Не возьму с вас ни гроша. Девятнадцать шлюзов!

Дети не знали, что такое шлюзы. Но ровно в семь они пришли на мост с корзиной, в которой лежали хлеб, сыр, половина содовой лепешки и баранья ножка.

День выдался замечательный. Старая белая лошадь мирно паслась на берегу. Баржа бесшумно скользила по гладкой воде. Над головами синело безоблачное небо. Билл был невероятно обходителен. Никто бы не поверил, что этот самый человек не так давно трепал Питера за ухо. Ну, а его жена всегда была хорошая, как выразилась Филлис, не говоря уже о собаке, которая могла их покусать, но не сделала этого.

– Мама, это было как будто река разрывается, – рассказывал Питер, когда они, счастливые, усталые, грязные, вернулись, наконец, домой, – мы теперь знаем, что такое шлюз. Ты погружаешься под землю, и кажется, что уже никогда не выйдешь из подземелья, вдруг большие черные ворота открываются медленно-медленно, ты в них заходишь, и ты опять на канале, как раньше.

– Я знаю, – отозвалась мама, – на Темзе тоже есть шлюзы. Мы с папой часто плавали по Темзе до Марлоу – перед тем как поженились.

– И наш утенок с нами плавал – малыш. Он такой славный, и все время просил, чтобы я его нянчила, – вставила Бобби. – Я бы целую вечность

с ним возилась! Как жалко, мама, что у нас нет малыша, чтобы мы с ним играли.

– И все были к нам так добры, – продолжала Филлис, – все, кого мы встречали. Теперь мы можем удить везде, где нам захочется! Билл обещал нам показать, как надо удить, чтобы наловить много рыбы. Есть какой-то прием, который знают местные рыболовы. А мы, он говорит, не знаем, как правильно удить.

– Это он тебе сказал, что ты не умеешь удить, – снисходительно заметил Питер. – Знаешь, мама, он обещал всем лодочникам в верховьях и в низовьях канала сказать, что мы свои люди, и чтобы они на нас смотрели как на друзей, потому что мы и есть их друзья.

– А я предложила, – перебила Филлис, – повязывать на удочку красную ленту, когда мы пойдем на канал ловить рыбу. Чтобы они знали, что мы свои, друзья, и чтобы позволяли нам ловить, где захочется.

– Сколько уже вы завели себе друзей, – улыбнулась мама, – сперва на железной дороге, а теперь на канале.

– А как же? – удивленно вскинула брови Бобби. – Любой человек станет твоим другом, если ты ему делом докажешь, что ты не враг.

– Ты, пожалуй, права, – вздохнула мама, – но, к сожалению, уже поздно и пора спать.

– Да, – согласилась Филлис. – Знаешь, мама, зачем мы пошли на канал? У Перкса ведь день рождения. Мы хотели его чем-нибудь порадовать, но ничего не вышло.

– Рыбы мы не наловили, это правда, – сказала Бобби. – Но зато Питер спас жизнь Реджинальду Горацию. Для одного вечера этого достаточно.

– Его могла и Бобби спасти, если бы я ее не толкнул. Я ее два раза отталкивал, – дипломатично заметил Питер.

– Наверное, это правильно, что ты отталкивал. Я бы не сообразила, что делать.

– Да, – сказала мама, – вы все вместе спасли жизнь маленького ребенка. Этого вполне достаточно для одного вечера. И слава Богу, что вы целы и невредимы.

Глава IX

ГОРДОСТЬ ПЕРКСА

Было время завтрака. Мамино лицо светилось радостью, когда она разливала молоко и раскладывала ковшиком овсяную кашу.

– А я, ребятки, пристроила еще один рассказ, – сообщила она, – про Короля Мидий. Поэтому сегодня будут булочки к чаю. Скоро можно будет пойти к булочнику – к одиннадцати он их вынимает из печи.

Питер, Бобби и Филлис переглянулись между собой – было впечатление, что шесть глаз слились в сияющее пятно. Потом Бобби спросила:

– Мама, а можно мы попьем чай с булочками в другой раз? Сегодня же четверг.

– Мне все равно, когда. Но почему?

– Потому что скоро у Перкса день рождения. Нам надо подготовиться... Ему исполняется тридцать два года. Он с некоторых пор перестал отмечать свой день рождения, потому что ему некогда. Тут не что-то секретное – просто «миссис и крошки».

– То есть вы имеете в виду его жену и детей? – улыбнулась мама.

– Да, – сказала Филлис, – это он так выразился, а Бобби повторила.

– Мама, мы решили, – вступил Питер, – сами устроить ему день рождения. Ты ведь знаешь, как он к нам добр. Поэтому отдай нам этот день с булочками!

– Ведь последний раз булочки были на пятнадцатилетие Бобби! – вздохнула мама.

– Мы хотим один раз отказаться от булочек.

– Я понимаю. Надо купить одну большую булку и на ней сахарной пудрой написать поздравление Перксу, – сказала мама.

– Перкс – это его фамилия, – уточнил Питер, – а как его зовут, я даже не знаю.

– Я знаю! – выкрикнула Филлис. – Альберт. Я у него спрашивала.

– Мы напишем: А. П., – предложила мама. – Вы мне напомните, когда день наступит, и я вам помогу.

Хорошо, что они придут к Перксу не с пустыми руками. Но даже если они принесут четырнадцать булочек с розовыми инициалами «А. П.», этого недостаточно для настоящего торжества.

– Конечно, всегда положено дарить цветы, – напомнила Бобби, когда состоялся уже серьезный, решающий совет. Он происходил на сеновале, где валялась сломанная косилка, и в полу проделан был ряд отверстий. Через них сено сваливалось вниз на полки, а оттуда его перекидывали в кормушки для скотины.

– Зачем, – недоуменно пожал плечами Питер, – у него своих цветов вон сколько!

– Это неважно, – возразила Бобби, – все равно на день рождения принято дарить букет. Правда, учитывая, что у него в самом деле много своих цветов, мы просто используем цветы для отделки. Вот только нам пока нечего отделять, кроме булочек.

– Давайте помолчим и подумаем, – внесла предложение Филлис. – Никто не будем говорить ни слова, пока у него не возникнет какая-нибудь мысль.

Они послушались совета Филлис и сидели молча до тех пор, пока бурая крыса, вероятно, думавшая, что на чердаке никого нет, не прошмыгнула отважно между сидящими. Но, как только Бобби чихнула, крыса смутилась и поспешила назад, решив про себя, что чердак, на котором происходят такие

вещи, не предназначен для обитания крыс почтенного возраста, любящих спокойную жизнь.

– Ура! Я придумал, – закричал Питер, подпрыгивая и подбрасывая ногой кверху охапку сена, выпавшую из копны.

– Что? Что придумал? – в нетерпении допытывались сестры.

– Перкс добрый человек, он многим помогал в деревне. И надо, чтобы деревенские жители сообща устроили ему день рождения. Давайте обойдем дома и всем напомним про это. Соберем ему подарки.

– Мама ведь нам запретила просить у людей, – с опаской проговорила Филлис.

– Это она имела в виду, что для себя ни о чем не надо просить... Кстати, старому джентльмену тоже надо сказать!

– Да, но первым делом надо сказать маме, – заявила Бобби.

– Думаю, не стоит беспокоить ее по пустякам, особенно теперь, когда она так занята. Я предлагаю прямо сейчас спуститься в деревню и начать.

И они стали ходить по домам.

Миссис Рэнсом, старая дама на почте, спросила, что за особенный такой человек Перкс, что все должны отмечать день его рождения.

– Пусть все отмечают свои дни рождения, – ответила Бобби, – но у других это еще не скоро, а у Перкса мы знаем, когда.

– А у меня вот завтра день рождения, и почему-то никому до этого нет дела! Ступайте отсюда, – сказала женщина.

В одних домах детей принимали радушно, в других холодно. Кто-то отзывался на просьбы, а кто-то оставался глух. Очень трудное дело – просить, даже когда просишь за другого, а не за себя.

Когда ребята вернулись домой и подсчитали, сколько им дали подарков, то решили, что для первого дня все не так уж плохо. Питер вынул

из кармана записную книжку и вслед за номерами поездов записал следующее:

ДАЛИ:

Трубка и табак из кондитерской

Полфунта* чая от бакалейщика

Шерстяной шарф, слегка полинявший, от мануфактурщика (в том же доме, где бакалейщик, но с другой стороны)

Чучело белки от доктора

ПООБЕЩАЛИ:

Кусок мяса от мясника

Шесть свежих яиц от женщины, что живет в коттедже по старой дороге

Соты с медом и шесть шнурков для обуви от сапожника, еще чугунный совок от кузнеца

На другой день утром Бобби встала рано и разбудила Филлис. Они так договорились. Питеру решили не говорить, потому что он сочтет их план глупостью. Если дело выгорит, тогда они ему скажут.

Девочки срезали большой розовый куст и поставили его в корзину вместе с игольницей, которую Филлис дарила Бобби ко дню рождения и очень красивым шейным платочком Филлис. Потом они написали на бумаге: «Миссис Рэнсом с любовью и лучшими пожеланиями в день ее рождения». С этой корзинкой они сбегали на почту. Оставили подарок на стойке и убежали, не дожидаясь, пока миссис Рэнсом выйдет.

Когда девочки вернулись, Питер уже всю помогал маме по хозяйству и вел с ней доверительные разговоры.

– Я думаю, что плохого в этом ничего нет, – говорила мама, – лишь бы только он не обиделся и не решил, что ему принесли подачку. Ты ведь знаешь, бедные люди очень часто бывают горды и самолюбивы.

– Мы же не потому, что он бедный, а потому, что мы его любим, – вмешалась с порога Филлис.

– Я тут, Филлис, нашла несколько твоих вещей, из которых ты выросла. Я думаю, Перкс не обидится, если мы подарим это его дочке. Больше я ничего не могу подарить, мы сами ведь не богаты. А что вы ему написали?

– Так, ничего особенного, – ответила Бобби, которая как раз в этот момент принялась что-то набрасывать. – Я думаю, мама, подарки ему понравятся.

Утро пятнадцатого числа прошло замечательно. Булочки были куплены, и дети с удовольствием наблюдали, как мама выводит на них розовым сахаром буквы «А» и «П». Вы, конечно, знаете, как это делается? Вы сбиваете яичные белки с сахарной пудрой и добавляете несколько капелек кошенили*. Потом вы из чистой белой бумаги делаете воронку с маленьким отверстием. Затем вы наливаете яйцо с сахаром в воронку и, как если бы это было перо, пишете ею по булочке.

Булочки с инициалами выглядели очень красиво, и пока они подсыхали в холодной печи, дети побежали в деревню за тем, что им вчера пообещали: за медом, совком и всем остальным.

На пороге почты они увидели миссис Рэнсом и поздоровались.

– А ну-ка, погодите! – остановила их пожилая женщина.

Они остановились.

– Розы – это от вас?

– Да! Они были самые свежие, какие только могут быть... А игольница – это я сделала, но дарит ее вам Бобби, – сбивчиво разъясняла Филлис.

– Корзину я вам хочу вернуть!

Женщина удалилась и вскоре вернулась с корзиной, полной крупного, спелого крыжовника.

– Я думаю, детям Перкса понравится, – улыбнулась пожилая женщина.

– Бабушка, какая вы добрая! – воскликнула Филлис, потом обняла женщину и прижалась к ее объемистому животу. – Перкс очень будет рад.

– Он-то не знаю, -- добродушно пробормотала миссис Рэнсом, поглаживая плечо Филлис, – а вот уж я как довольна, даже выразить не могу. И игольница, и платочек, и эти чудесные розы – я никогда и не получала таких замечательных подарков. Вы добрые души! Послушайте, я вот что вспомнила. Там, за домом, в пристройке у меня есть колясочка. Я ее храню как память о моей Эмми. Она прожила всего полгода, моя девочка. И вот я хочу, чтобы коляска была у миссис Перкс. Она мне очень нравится, миссис Перкс. А мальчик у нее крупный, ей тяжело носить его на руках. Ничего, если я попрошу вас ей это отвезти?

– Ой! – воскликнули все трое в один голос.

Выкатив наружу детскую коляску, сняв с нее бумагу, в которую та была обернута, и вытерев пыль, женщина сказала:

– Вот, надо было давно ей подарить, но только теперь пришло в голову. Не знаю, примет ли она от меня подарок... Вы объясните ей, что это колясочка моей Эмми.

– Это же так хорошо, что в ней будет опять живой ребеночек! – воскликнула Бобби.

– Да! – женщина вздохнула и улыбнулась. – Подождите, я еще хочу послать детишкам Перксов мятные подушечки. У меня и для вас кое-что найдется из одежды и головных уборов.

Все подарки, собранные для Перкса, сложили в коляску, и вот в половине четвертого Бобби, Питер и Филлис торжественно ввезли все это в желтый дом, где обитали Перкс и его семья.

Комната имела очень опрятный вид. На полке стоял кувшинчик с луговыми цветами – крупными маргаритками, красным щавелем и еще разной перистой цветущей травкой.

Из помещения по соседству доносился плеск воды, а потом из приоткрытой двери высунулась мокрая головка мальчугана:

– Подождите, мама переодевается.

– Минутку! – донесся голос с узкой, только что чисто вымытой лестницы.

Прошло немного времени, и в комнату торопливым шагом, застегивая на ходу платье, вошла миссис Перкс. Волосы ее были гладко причесаны и собраны в пучок на затылке. От нее пахло душистым мылом.

– Надо уж мне привести себя в порядок, – говорила она, выходя. – Перкс вздумал праздновать свой день рождения. И что ему взбрело в голову? Понятно, что детей мы поздравляем с днем рождения. Но нам-то, взрослым, это зачем?

– Мы узнали, что у него день рождения, – сказала Бобби, – и у нас для него подарки. Они там, за дверью, в коляске.

Миссис Перкс распаковывала подарки, то и дело вздыхая. Все было завернуто в несколько слоев бумаги и повязано лентами. Она напугала детей, когда вдруг, упав на деревянный стул, принялась громко рыдать.

– Не надо! Не надо плакать! – заговорили ребята наперебой.

А Питер, как самый рассудительный, сказал:

– Вам, наверное, что-то из этого не понравилось. Не плачьте – мы это заберем назад.

Женщина продолжала плакать. Младшие Перксы, вымытые дочиста, стояли у двери ванной комнаты и удивленно таращили глаза на неожиданных гостей.

– Вам не нравится? – переспросил Питер, а его сестры подошли и стали нежно гладить миссис Перкс по плечам и спине.

Женщина перестала плакать так же внезапно, как начала.

– Нет, что вы! Мне все очень нравится. Это же он первый раз в жизни так отмечает свой день рождения. Его и в детстве никогда никто не поздравлял. Он воспитывался у дяди, а тот был торговец кукурузными початками – сам выращивал и сам продавал. Потом он разорился... Мне все, все тут нравится!

Потом миссис Перкс стала рассказывать детям разные истории, но я не буду их пересказывать, потому что Бобби, Питер и Филлис не похвалили бы меня за это. От бесконечных восторгов женщины у детей горели уши и пылали щеки. Им стыдно было принимать такие, как им казалось, незаслуженные похвалы.

Наконец, Питер сказал:

– Если вы будете нас так захваливать, мы обидимся и уйдем. А нам хотелось бы остаться и посмотреть, как Перкс тоже обрадуется... Но если вы не перестанете, нам придется уйти!

– Хорошо, я не пророню больше ни слова, – весело улыбаясь, сказала женщина. – Но я же не могу перестать думать. А думать я буду все равно так же...

– Тарелка для булочек у вас найдется? – решительно спросила Бобби, чтобы переменить тему разговора.

Миссис Перкс принялась поспешно накрывать на стол. Булочки, мед, крыжовник – все было разложено по тарелкам, а розы стояли в кувшинчиках из-под варенья. Стол получился, по выражению миссис Перкс, как у принцев.

– Ведь это надо же! Он хоть сказал про день рождения, но я думала, что поставлю цветочки на стол, и посидим с детишками и с кошкой. Я все, что у меня было накоплено, потратила на его любимый табак. Купила целую унцию* . Но я-то думала, что перенесем празднование на воскресный день. А это... Глядите-ка, вот и он уже тут.

Скрипнула дверь, и на пороге маленькой комнаты показался хозяин.

– Послушайте, – прошептала Бобби, – мы сейчас спрячемся в кухне, а вы ему скажете. Или нет. Вы сначала подарите ему табак, он же его так любит, а потом уже расскажите, что мы пришли в гости. А потом мы выйдем и хором его поздравим.

План был замечательный, но надеде вышло не совсем так, как было задумало. Дети успели добежать только до ванной комнаты, и им пришлось сперва затолкнуть туда шумную малышку – детишек Перксов. Дверь запереть не удалось по той причине, что ванная комнатка была слишком тесной для детей из «Трех Труб», детей Перксов, катков для белья, медных тазов и всей прочей наваленной там утвари. Они стояли, прижавшись друг к другу, и вслушивались в разговор в кухне.

– Здорово, старуха! – донесся до них голос Перкса. – Красиво ты все убрала, ничего не скажешь.

– А как же! Сегодня же твой день рождения, Берт. И вот тут целая унция того, что ты особенно любишь. Я еще в воскресенье за ним ходила, когда ты мне напомнил про это...

– Старушка моя! Девочка моя милая! – после этих слов послышался звук поцелуя.

– Постой!.. А что это за коляска? И свертки? А сладости откуда ты добыла?

Что отвечала миссис Перкс, детям не довелось услышать, потому что в этот момент Бобби схватилась за карман своего платья и в ужасе всплеснула руками:

– Какие же мы растяпы! – прошептала она. – Мы забыли приклеить ярлычки к подаркам. Так же не делают! Подарки не дарят от всех – надо, чтобы каждый подарок был от кого-то одного, и потом тут не только наше, а и от людей.

– Тише! – приказал ей Питер.

И тут услышали голос Перкса, сердитый и громкий.

– А что же делать? Они ведь пришли поздравить... – растерянно бормотала хозяйка.

– Так вот это кто! – уже мягче проговорил Перкс. – Это наши друзья, дети из «Трех Труб»! – Я уж подумал, – продолжал он, – что, может быть, ангел небесный нам все это послал. Мы ведь весь год не делали плохого и ничего особенно для себя не требовали.

И вдруг его голос опять приобрел сердитый оттенок.

– А вообще, что это такое? Мы скромные люди, Нелл. Живем не хуже других, всего нам хватает. С какой стати вся эта ненужная благотворительность? Неужели тебя это не оскорбляет, Нелл?

– Тише, прошу тебя! Они там, в ванной комнате, они могут все услышать, что ты говоришь!

– А мне и надо, чтобы они слышали, – кричал рассерженный Перкс. – Я им уже говорил раньше, и теперь еще раз скажу!

С этими словами он подошел к ванной комнате и, взявшись за ручки двух створок, открыл комнату настежь, представ перед сбившимися в испуге детьми.

– Выходите все! Выходите и рассказывайте, с чего вы все это устроили. Я что, жаловался вам на нужду, выпрашивал милостыню?

– Я думала, что вы обрадуетесь! – со слезами в голосе воскликнула Филлис. – Я теперь вообще никогда никому не буду делать добро. И это из-за вас!

– Мы это из самых лучших побуждений, поверьте, – растерянно пробормотал Питер.

– Вот именно, благими намерениями выслана дорога знаете куда?

– Но ведь так надо делать – дарить! Мы всегда друг другу дарим подарки на дни рождения.

– Родственникам дарят, это правильно. А чужим людям – с какой стати?

– Нет, – спорила Бобби, – нам и слуги дарили на дни рождения, когда мы жили в нашем старом доме. И мы дарили слугам. А когда был мой день рождения, мама мне подарила свою любимую брошку в форме лютика, а миссис Вайни отдала два своих любимых стеклянных горшочка. И никому не пришло в голову сказать, что она занималась благотворительностью.

– Вот и мне подарили бы два стеклянных горшочка, я бы только радовался. А это что? Нанесли сюда кучу всего!

– Вы думаете, что это все от нас? – с удивлением спросил Питер. – Нет, это от очень многих деревенских жителей. Мы только забыли наклеить бумажки.

– А кто же, интересно, поставил в известность деревенских жителей?

– Ну, мы, – просопела Филлис.

Мистер Перкс тяжело упал в большое кресло с подлокотниками и уставился на них с «мрачным отчаянием», как выразилась Бобби, вспоминая об этом годы спустя.

– Как же это надо понимать? Что вы ходили из дома в дом и везде сообщали, что мы не можем свести концы с концами? Вы на всю деревню меня опозорили. Сейчас же ступайте и возвращайте все назад. И если вам по-прежнему кажется, что вы сделали для нас доброе дело, то я вас больше знать не хочу!

Сказав это, он намеренно резко повернул кресло, сев к детям спиной. Ножки кресла заскрежетали по кирпичному полу, и это был единственный звук, нарушивший молчание.

– Как же все ужасно получилось! – воскликнула, наконец, Бобби.

– Да, вот именно, – не поворачиваясь, ответил Перкс.

– Послушайте, – в отчаянии почти закричала Бобби, – раз так, то мы сейчас уйдем, и вы можете, если хотите, забыть о нашем существовании!

– Нет, – чуть слышно произнесла Филлис, – хоть вы и очень плохо с нами поступили, мы все равно считаем вас своим другом.

– Успокойтесь, наконец! – возвысил голос стоявший в стороне Питер, и было непонятно, к кому он обращается.

– Но прежде, чем мы уйдем, – с отчаянной решимостью продолжила Бобби, – позвольте нам показать наклейки, которые мы должны были приклеить к подаркам.

– Зачем? Кроме чемоданной наклейки на моем скудном жизненном багаже, мне не нужно никаких ярлыков. Что же, вы думаете, я для того себя все утро обихаживал и свою миссис вместе с детьми засунул в ванную комнату, чтобы меня выставили на посмешище перед всей деревней?

– Какое же посмешище? – вставил Питер. – Вы просто не знаете, как люди к вам относятся!

– Вы, как бы это сказать?.. Вы мнительный человек, – жалобно проговорила Филлис. – Вы уже однажды напрасно подумали про нас плохо, помните, когда решили, что мы от вас скрываем секреты русского господина? Позвольте Бобби рассказать про наклейки.

– Хорошо, пусть рассказывает, – неохотно проронил Перкс.

– Тогда послушайте, – сказала Бобби, с несчастным видом, но несколько обнадеженная, начиная рыться в своем туго набитом кармане, – мы будем читать все, что говорили люди, когда дарили вам вещь, а потом скажем, кто был этот подаривший. Мама предупреждала, чтобы мы нигде не напутали. Сейчас я вам прочту, что она там написала!

Но Бобби трудно было читать, она несколько раз проглотила слюну, прежде чем смогла начать.

Миссис Перкс не переставая плакала, с тех пор как ее муж открыл ванную комнату. Но теперь она собралась с духом и, переведя дыхание, сказала:

– Вы не расстраивайтесь, мисс. Я-то понимаю, что вы хотели только добра. Надеюсь, что и он поймет.

– Так я начну читать? – спросила Бобби, роняя слезы на рассыпанные по столу наклейки. – Сначала мамина. Послушайте, что она написала:

«Эти маленькие платьица я передаю дочкам мистера и миссис Перкс. Их носила Филлис, но они стали ей малы. Я надеюсь, что мистер Перкс не обидится на меня и не решит, что я делаю благотворительное пожертвование. Хочется хоть как-то отблагодарить его за сердечное отношение к моим детям. К сожалению, большего я не могу: мы сами очень бедны».

Бобби сделала паузу.

– От мамы мы все принимаем, она у вас славная. Нелл, платьица мы берем, тут я не возражаю.

– Там, – продолжала Бобби, – детская коляска, крыжовник и конфеты. Это все от миссис Рэнсом. Мы записали ее слова, а мама слегка поправила:

«Дети мистера Перкса, наверное, как все дети, любят сладости. А колясочка – это память о моей Эмми. Она прожила лишь полгода, и это все, что у нее было. Мне приятно, что миссис Перкс будет катать в ней своего прелестного мальчугана. Как жаль, что я раньше не сообразила подарить им это».

– Она просила передать, что это колясочка ее дочурки Эмми, – добавила Бобби.

– Коляску, Берт, я назад не повезу, – очень твердо и спокойно сказала миссис Перкс, – сколько бы ты меня ни просил.

– А я и не прошу! – огрызнулся Перкс.

– Вот тут, – продолжала Бобби, – совок. Мистер Джеймс сам его для вас смастерил. И он просил предать... Вот тут мы с мамой записали его слова:

«Дарю вам совок в подарок ко дню рождения. И если надо сделать или починить обувь для детей или сбрую для лошади, я все сделаю и ничего с вас не возьму».

– Да, Джеймс вообще-то добрый малый.

– И вот еще он передает вам мед и шнурки для башмаков. Он сказал, что вы человек, который живет своим трудом и заслуживает уважения. И то же самое сказал бакалейщик. Потом еще одна женщина, которая живет у дороги, вспомнила, как вы, когда еще были мальчиком, помогли ей разбить сад. И говорила, что без вас она бы тут не осела так прочно, – я не знаю, что она имела в виду. И все, к кому мы обращались, говорили, что очень вас любят, и что мы хорошо сделали, сказав им про ваш день рождения. И никто даже не упомянул ни про какую благотворительность. А старый джентльмен дарит вам золотой шиллинг, потому что вы человек, знающий свое дело. Я думаю, вам приятно будет узнать, как люди вас любят. А я еще никогда в жизни не чувствовала себя такой несчастной, как сегодня. Простите нас. И до свидания. Она повернулась, чтобы уйти.

– Постой, – проговорил Перкс, все еще сидевший спиной к гостям. – Я готов взять назад каждое слово, которым я вас огорчил. Нелл, скорее ставь чайник!

– Мы потом унесем вещи, если они вас огорчают, хотя вы тогда расстроите людей, которые их подарили, – сказал Питер.

– Меня уже не огорчают... Я не знаю... – он, наконец, повернулся в кресле, и у него было странное, перекошенное лицо. – Я даже не знаю, что

меня больше радует. Не столько все-таки подарки, хотя собрание вышло первоклассное, сколько доброе расположение людей. Я даже не подозревал, что нас окружают такие люди. А ты, Нелл? Ты – подозревала?

– Все вели себя достойно, Берт, кроме... – Нелл запнулась, – если ты хочешь знать мое мнение, то я скажу, что ты устроил совершенное безобразие – и совершенно без повода.

– Я, конечно, неправильно подумал. Но ведь, с другой стороны, если человек сам себя не уважает, то разве люди станут его уважать?

– Вас все и уважают! С кем мы ни говорили, каждый произнес именно это слово! – радостно воскликнула Бобби.

– И если вы это поняли, то вас это должно радовать, – просияла Филлис.

– Фу! – вздохнул Перкс. – Так вы остаетесь на чай?

Когда сели за стол, Питер сразу же предложил тост за здоровье мистера Перкса. Пили, разумеется, чай, но тосты произносились по всем правилам. А в конце тост произнес сам виновник торжества:

– Я пью за то, чтобы гирлянда моих друзей вечно зеленела!

Дети не ожидали, что Перкс может выражаться столь поэтически.

* * *

– Веселые они ребятишки! – говорил мистер Перкс, когда они с женой укладывались спать.

– Они-то чудесные, благослови Бог их сердца. Зато ты – самый тяжелый и невыносимый человек на белом свете. Я просто сгорала сегодня со стыда, вот что я тебе скажу.

– Это ты напрасно, старуха. Я же исправился, когда понял, что это не благотворительность. А подачек я и впредь ни от кого не приму.

Праздник по случаю дня рождения принес радость всем. Мистер Перкс, миссис Перкс и младшие Перксы радовались новым вещицам и добрым мыслям своих соседей. Дети из «Трех Труб» радовались, что план их, чуть было не сорвавшийся, все же осуществился. Миссис Рэнсом радовалась всякий раз, когда видела в подаренной ею коляске веселого, упитанного малыша. А мистер Перкс, обойдя с благодарностью всех, от кого были присланы ему подарки, радовался тому, что у него, оказывается, так много добрых друзей.

– Да, – рассуждал Перкс, – важен не поступок сам по себе, а то, с какими чувствами и намерениями человек его совершил. И если бы это была благотворительность...

– Опять ты про свое! Пойми, что если бы даже мы впали в такую нужду, что пришлось бы просить, то никто бы не пришел к нам с подачкой, а пришли бы с дружеской помощью.

Когда однажды к Перксам заглянул священник, она обратилась к нему с тем же вопросом: «Их подарки – это ведь было дружеское расположение?»

– Я думаю, это любовь, и дружба, и милосердие, – ответил священник.

Как видите, все получило хорошее завершение. Но помните, что когда вы хотите помочь человеку, надо сделать это обдуманно и осторожно, чтобы не обидеть его. Потому что, как сказал после долгого размышления Перкс, важен не поступок сам по себе, а то, с какими чувствами и намерениями он совершается.

Глава X

СТРАШНАЯ ТАЙНА

В первые недели жизни в «Трех Трубах» дети много думали и говорили о папе. Они часто задавали маме вопросы: где он, что делает, когда вернется домой? Но время шло, и о папе стали заговаривать реже. Бобби уже давно чувствовала, что когда говорят о папе, у мамы делается плохое настроение. Вскоре и Питер с Филлис почувствовали то же самое, хотя им трудно было передать свои чувства словами.

В один из дней, когда мама так заработалась, что отказывалась спуститься к ним хотя бы на десять минут, Бобби принесла ей чай в скудно обставленный закуток, который она называла маминной рабочей комнатой.

Там почти не было мебели. Только стол, стул и половичок. Правда, еще большие горшки с цветами всегда стояли там на подоконниках и на каминной полке. Детям это нравилось. Казалось, что возле трех длинных незанавешенных окон собрались кусочки лесной и луговой земли. И они, глядя на цветы, начинали представлять себе лиловые холмы и непрерывно меняющуюся картину неба с облаками и синевой.

– Мамочка, милая, вот я принесла чай, – сказала Бобби, – выпей, пожалуйста, пока он горячий!

Мама положила свое перо на стол, рядом с россыпью страниц, испещренных ее рукой. У мамы был мелкий почерк, похожий на печатные буквы в книгах, но только гораздо красивее... Но вдруг она, резко наклонив голову, вцепилась обеими руками в корни своих волос, как будто собираясь вырвать их прочь.

– Милая мамочка! Так сильно болит?

– Нет. Болит, но не так сильно... Бобби, как ты думаешь, Питер и Филлис не начали забывать папу?

– Мама, ты что? – с возмущением проговорила дочка. – Как ты могла такое подумать?

– Вы совсем перестали про него спрашивать...

Бобби постояла с минуту молча, переминаясь с ноги на ногу.

– Мама, когда мы одни, мы всегда говорим о папе.

– А со мной – нет. Почему?

Бобби было не так просто ответить на этот вопрос.

– Ты... – начала девочка и замолчала. Подыскивая слова, она стала ходить взад и вперед по комнате, подходя к окнам и вглядываясь в даль.

– Подойди ко мне, – попросила мама. Бобби подошла.

– Попробуй сейчас, – сказала мама, обнимая старшую дочь и кладя ей на плечо свою взъерошенную голову, – попробуй мне объяснить, почему со мной вы не говорите о папе.

Бобби становилось тревожно.

– Ну, скажи мне.

– Понимаешь, – начала девочка, – нам стало казаться, что ты очень несчастна из-за того, что папа не с нами. И поэтому я решила, что от разговоров тебе будет еще хуже. И я их прекратила, эти разговоры.

– А Питер и Филлис?

– Мне трудно за них говорить, но, по-моему, мама, они чувствуют то же самое.

– Бобби, девочка, – проговорила мама, продолжая клониться головой к ее плечу. – Я тебе скажу. Кроме того, что мы разлучены, мы с папой несчастны еще по одной причине. Ты даже не можешь представить себе, какая это беда. Тебе будет очень тяжело узнать правду о том, что произошло.

Но будет гораздо хуже, если вы совсем забудете папу. Хуже этого уже ничего не может быть.

– Значит, случилась беда, – тихим голосом проговорила Бобби. – Я тебя не стану расспрашивать, но только скажи, это непоправимо?

– Нет, – отвечала мама, – когда папа вернется к нам, можно будет считать, что худшее позади.

– Ах, мама, если бы я могла чем-то тебя утешить! – с горечью воскликнула Бобби.

– Разве же ты меня не утешаешь? И вы все. Раньше вы, бывало, ссорились, а теперь у вас мир. Неужели меня не радует, когда вы приносите мне цветы, чистите мои туфли, спешите заправить мою постель прежде, чем я сама успеваю за это взяться.

Раньше Бобби сомневалась, что мама замечает все эти мелочи.

– Это же все такие пустяки!

– Мне надо успеть с работой, – сказала мама, напоследок прижимая к себе Бобби, – пока никому ни слова.

Вечером, перед тем как лечь спать, мама не стала читать детям книжку, а начала рассказывать историю об играх, в которые они играли с папой, когда в детстве жили по соседству в деревне. У мамы были братья, и у папы тоже были братья. И вот всякие забавные истории о мальчишеских шалостях и забавах, рассказанные мамой, рассмешили детей и доставили им большую радость.

– Жалко, что дядя Эдвард умер, не став взрослым, – с грустью сказала Филлис, когда мама зажигала свечи в спальне.

– Да, вы бы его очень любили. Он был очень смелый и любил всякие приключения. Кое-что он, конечно, делал во вред. Но все равно его все уважали, и все хотели с ним дружить. А дядя Реджи теперь на Цейлоне. И

папа тоже от нас уехал. Я думаю, они бы порадовались, если бы узнали, что мы сейчас говорим про то, какими они были в детстве. Как вы думаете?

– Дядя Эдвард – нет, – с грустью прошептала Филлис. – Он ведь на небесах.

– А я думаю, что и он это чувствует. Бог ведь принял его к себе. А мы его помним. И разлучены мы ненадолго. Когда-нибудь встретимся снова.

– А дядя Реджи и папа скоро к нам вернуться? – спросил Питер.

– Да, милые, конечно, они вернутся. А сейчас нам всем пора спать.

– Спокойной ночи! – отозвались дети хором.

– Мамочка, – проговорила Бобби, еще крепче, чем днем, прижимаясь к маме, – я теперь люблю тебя так, как никогда еще не любила!

Девочка не переставала думать о том, какая же беда могла случиться с папой. И она постепенно проникалась уверенностью, что папа умер – так же, как и бедный дядя Эдвард. Если бы папа был болен, разве мама не ездила бы к нему в больницу? Разорился? Но разве мама боится бедности? Это она не назвала бы бедой. Мама не убивалась бы так из-за денег.

– Надо перестать думать, – уговаривала себя Бобби, – хорошо хоть мама заметила, что мы не ссоримся больше. Нам надо быть еще дружнее.

Но, увы, в тот самый вечер у них с Питером произошло то, что он назвал бы «первоклассным скандалом».

Недели через три после приезда в «Три Трубы» дети попросили маму, чтобы она каждому из них выделила небольшой участок земли. Мама согласилась. Теперь участок под грушевыми деревьями поделен был на три равные части, и каждый мог выращивать там все, что ему хотелось.

Филлис посеяла на своей делянке настурции, резеду и левкой. Они взошли, и хотя по виду скорее напоминали сорняки, Филлис верила, что со временем они превратятся в настоящие цветы. Левкой оправдали ее

ожидания, на них веселой ленточкой пестрели мелкие цветочки – белые, розовые, красные, сиреневые.

– Хорошо, что я вовремя прополола мои цветочки, это сэкономило много времени, – говорила Филлис.

Питер засеял свою часть овощами – морковью, луком, турнепсом* . Семена дал ему фермер, живший в хорошеньком черно-белом – деревянном со штукатуркой – домике прямо за мостом. Фермер этот разводил в своем хозяйстве индеек и цесарок и был очень симпатичным человеком. Но овощам не повезло, потому что Питер изрывал свою землю каналами и строил на ней различные военные укрепления для своих игрушечных солдатиков. Ну, а там, где земля постоянно служит ирригации** и фортификации*** , едва ли может вырасти что-то качественное.

Бобби стала выращивать в своем садике розы, но однажды она обнаружила, что листья у них завяли и высохли. Может быть, это случилось потому, что она пересадила розовые кусты из другой части сада, причем сделала это в мае, когда пересаживать растения не положено. Но девочка все не хотела верить, что розы погибли, и продолжала питать надежды до тех пор, пока заглянувший в сад Перкинс не сказал, что, как ни жаль, но жизни в ее розах не больше, чем в гвоздях из дверной обивки.

– Они годятся только для костра! Так что ты сейчас выкопай их и сожги, а я завтра принесу тебе из своего сада клубни – и анютины глазки, и левкои, и сладкий горошек, и незабудки. Завтра – потому, что ты должна успеть подготовить землю, куда сажать.

И вот Бобби пришла в свой садик, чтобы вскопать и разрыхлить грядки, а это случилось как раз тогда, когда мама похвалила ее и других детей за то, что они совсем перестали ссориться. Она выкопала мертвые розы и отнесла их на мусорную кучу, где дети намеревались устроить большой костер.

Между тем Питер решил сровнять с землей свои военные крепости, с тем чтобы на их месте построить подобия железнодорожного пути, туннеля, насыпи, акведука, набережной и всего прочего.

И, когда Бобби, вся исколотая, вернулась после визита к мусорной куче, она увидела, что Питер завладел единственными в хозяйстве граблями.

– Они мне нужны! – воскликнула Бобби.

– И мне нужны, – отрезал Питер.

– Я первая их взяла.

– Ну а теперь моя очередь.

И вот разгорелась ссора.

– Вечно ты кипяتيشся из-за пустяков, – пробормотал Питер, пытаясь положить конец горячему спору.

– Я первая! – спорила старшая сестра, не желая повиноваться и хватаясь за ручку грабель.

– Я же говорил тебе утром, что собираюсь сегодня строить. Фил, подтверди, что я это говорил!

Филлис ответила, что не желает вмешиваться в их ссоры. Но ее «вмешали».

– Если ты помнишь, то должна сказать!

– А если она не помнит?

– Лучше бы у меня был брат, а не эти две плаксивые дуры! – закричал в сердцах Питер.

Если он мог сказать такое, то, значит, был разгневан уже до предела. И его ярость тут же передалась Бобби.

– Не могу понять, кому понадобилось придумать мальчишек!

Сказав это, она подняла голову и увидела три высоких окна маминой рабочей комнаты, полыхавшие в багровом закатном свете. Вид этих окон

напомнил ей слова похвалы, сказанные мамой: «Какие вы молодцы, что совсем перестали ссориться».

– Ой! – воскликнула Бобби так, как будто ее ударили, или она прищемила дверью палец, или у нее сильно разболелся зуб.

Бобби хотела сказать: «Не надо ссориться, мама так этого не любит», но как она ни пыталась, ей не удалось выдать из себя эти слова. Питер смотрел на нее неприязненно и оскорбленно.

– Бери свои проклятые грабли! – с этими словами она отпустила черенок. Питер до тех пор с силой держался за черенок и тянул грабли на себя. Теперь же, когда Бобби перестала тянуть, он споткнулся о зубья, оказавшиеся возле его ног, и упал навзничь.

– Делай что хочешь... – начала было Бобби – и осеклась.

С минуту Питер лежал на земле неподвижно, так что Бобби сделалось страшно. Потом она еще больше перепугалась, потому что он приподнялся, сел, громко крикнул, снова упал – и продолжал кричать, уже не так громко, но не переставая. Звук был такой, как будто где-то на расстоянии четверти мили резали поросенка.

Мама высунулась в окно, и не прошло минуты, как она уже была в саду и стояла на коленях возле Питера, который по-прежнему визжал, не переставая.

– Что случилось, Бобби? – спросила мама.

Бобби молчала. За нее ответила Филлис:

– Мама, понимаешь, они тянули грабли – Бобби к себе, а он к себе. Потом Бобби отпустила руки...

– Питер, перестань, – строго проговорила мама. – Прекрати визжать и объясни, что с тобой.

Питер растратил весь воздух из легких на последний взвизг и замолчал.

– Ну, – встревоженно спросила мама, – скажи, что у тебя болит?

– Если бы у него болело, он бы такого не устроил, – заметила Бобби, – он же не трус.

– Я, кажется, просто сломал ногу, – гневно проговорил Питер. Потом он сильно побледнел, и мама обняла его за плечи.

– У него серьезное увечье. И он теряет силы. Бобби, сядь и положи его голову к себе на колени.

Мама стала развязывать шнурки на ботинках сына. И когда она сняла правый ботинок, что-то закапало на траву. Это была кровь. Мама сняла носок, и все увидели три глубоких раны на стопе и лодыжке, а вся нога была покрыта красными пятнами. Ему в ногу вонзились грабли.

– Скорее сюда воду! Полный таз! – приказала мама Филлис.

Но Филлис испугалась, что не донесет таз или прольет воду, потому набрала воды в кувшин.

Питер больше не открывал глаз. Мама перевязала ему ногу носовым платком, и они вместе с Бобби внесли мальчика в гостиную и уложили на длинный деревянный диван со спинкой. А Филлис уже бежала со всех ног за доктором.

Мама поудобнее устроила Питера на диване и разговаривала с ним. А Бобби в кухне тем временем поставила чайник на плиту и приготовила заварку.

«Вот все, что я могу сделать, – говорила она про себя. – А Питер, может быть, умрет, или будет калекой, всю жизнь проковыляет на костылях, или будет носить ботинки на такой здоровенной подошве, как бревно».

Она стояла у задней двери и проигрывала в мыслях самые страшные последствия случившегося, уставясь на раковину для мытья посуды.

– Я не хочу жить! – вдруг громко выкрикнула она.

– Что такое? В чем дело? – услышала она голос за спиной. Это вошел Перкс. Он принес с собой корзину с растениями и мягкой, ухоженной землей.

– Ах, это вы... А у нас беда. Питер проткнул граблями ногу – три большие, зияющие раны, как у солдат на войне. И это отчасти случилось по моей вине.

– Ничего, это пройдет. Чем я могу помочь?.. Доктор его осмотрел? Все будет в порядке, – продолжал Перкс. – У отца был двоюродный брат. Его на сенокосе проткнули вилами чуть ли не насквозь. И через месяц он уже был здоров. Только потом у него часто болела голова. Но это, говорят, не потому что его проткнули, а потому что он долго лежал на солнцепеке. Я его хорошо помню. У него было очень доброе сердце, хотя чересчур уж мягкое.

История дяди Перкса несколько успокоила и воодушевила Бобби.

– Я вижу, – сказал Перкс, – что тебе теперь не до сада. Ты покажи мне, где твой участок. Я все там прополю и вскопаю. А ушки у меня на макушке. Когда доктор будет выходить, я услышу все, что он будет говорить маме, и передам тебе. Не огорчайся уж слишком. Я почти уверен, что все не так серьезно.

Вскоре пришел доктор Форрест. Он осмотрел Питера, сделал перевязку и сказал, что Питер в течение недели не должен наступать на больную ногу.

– А он не будет хромать? Или, не дай Бог, костыли? Или шишка на ноге? – срывающимся шепотом спрашивала Бобби, когда доктор вышел на крыльцо.

– Что вы, голубушка, Бог с вами! Через неделю будет бегать, как ни в чем не бывало. Не из-за чего вам сокрушаться, добрая Матушка Гусыня.

Потом, когда мама пошла проводить доктора и выслушать последние напутствия, а Филлис вышла в кухню поставить чайник, Бобби и Питер смогли наконец поговорить с глазу на глаз.

– Доктор говорит, что ты не будешь хромым или увечным.

– Не хотелось бы, конечно, быть посмешищем, – угрюмо процедил Питер, но по всему чувствовалось, что весть его обрадовала.

– Питер, пожалуйста, прости меня, – помолчав, сказала Бобби.

– Все в порядке! – грубоватым тоном ответил Питер.

– Я во всем виновата, – продолжала сестра.

– Чего там!.. Я вел себя не лучше.

– Если бы мы не ссорились, ничего бы не случилось. Давай больше никогда не будем ссориться. Надо мне было раньше прекратить спорить.

– Чепуха! Я бы все равно, наверное, не успокоился. А потом ссора тут не имела такого уж большого значения. Я с таким же успехом мог бы напороться на мотыгу, или сунуть руку в косилку, или угореть. Мало ли бывает несчастных случаев без всяких ссор?

– Все равно не надо было ссориться, – со слезами в голосе продолжала Бобби, – ты вот теперь лежишь, тебе больно.

– Если уж говорить начистоту, то дело в твоей неловкости. Можешь в воскресной школе покаяться в невольном прегрешении. Будет грустно, если ты из-за этой истории превратишься в зануду.

– Не превращусь. Но только тяжело, когда изо всех сил стараешься быть хорошей, а все равно однажды поступаешь плохо.

(Разговор затягивается, – прости меня, любезный читатель!)

– Все равно можно считать, что все кончилось хорошо. Потому что ведь если бы ты покалечилась, было бы гораздо хуже. И я рад, что это не ты, а я. Во-первых, ты лежала бы на диване как страдающий ангел. А во-вторых, домашнее хозяйство окончательно пришло бы в запустение. Я бы этого не вынес.

– Но я ведь не покалечилась!

– Но могла бы!

– Но ведь не я же страдаю, а ты!

– Дети, вы что, опять ссоритесь? Опять? – спросила вошедшая в комнату мама.

– Нет, мама, – ответил Питер, – мы просто говорим... Если мы в чем-то не согласны друг с другом, это еще не называется «ссоримся».

Мама вышла, и тогда Бобби напустилась на Питера:

– Я виновата в том, что ты покалечился. Никто, кроме меня. Но что ты обозвал меня «занудой», – ты после этого просто скотина!

– Ну хорошо, – неожиданно спокойно ответил Питер. – Положим даже, что я скотина. Но в твоём характере есть что-то... Когда я упал, ты, с одной стороны, потеряла голову, а с другой – взялась рассуждать, трус я или не трус. Тебе надо следить за собой, и если тебе приходит на ум что-нибудь занудное, ты вовремя себя останавливай.

– Хорошо, я буду за собой наблюдать.

– А теперь заключим мир, – многозначительно произнес Питер. – Похороним свои томагавки в волнах минувшего. Позволь, старый товарищ, пожать твою руку... Вообще-то я устал.

Он чувствовал себя усталым еще много дней, диван казался мальчику жестким и неудобным, несмотря на то, что ему подкладывали многочисленные подушки, валики и свернутые одеяла. Питера очень мучило то, что он не может никуда выйти. Чтобы слегка развеселить больного, диван передвинули под окно, и он мог видеть дымок от поездов, простирающийся над долиной. Но самих поездов не видел.

Бобби покачал у чувствовала, что быть няней при Питере ей совсем не легко: стоит ей заворчать, как обзовут занудой. Но потом это чувство прошло, и сам Питер признавал, что Бобби и Филлис ухаживают за ним замечательно. Иногда мама отпускала девочек погулять и ухаживала за Питером сама. Вспоминая слова Бобби, что «он же не трус», Питер старался не жаловаться на боль, хотя по временам ему было очень больно, особенно по ночам. Тогда он начинал читать молитвы – это ведь всегда очень помогает людям.

Кто-нибудь каждый день приходил навестить мальчика – то Перкс, то хозяин станции, то деревенские жители. Но время тянулось страшно, страшно медленно.

– Хоть бы книжку кто-нибудь принес, – говорил он с досадой, – а то у нас дома я уже все сто раз перечитал.

– Давай я схожу к доктору, – предложила Филлис, – он обязательно что-нибудь для тебя подберет.

– Ну да, – ворчал Питер, – про то, как люди болеют и как им плохо!

– Послушай, – предложила Бобби, – а не сходить ли нам к Перксу? У него дома куча журналов – люди их прочитывают и оставляют в купе. Мы сходим к нему.

И девочки отправились к носильщику. Когда они вошли, Перкс чистил лампы.

– Ну, что, выздоравливает юный джентльмен? – спросил он.

– Да, спасибо, только Питер страшно скучает. И вот мы и пришли спросить, не могли бы вы дать ему почитать журналы.

– Да, конечно! Как это я сам не догадался ему принести. Я вообще-то постоянно думаю про то, как бы его развлечь. И вот мне утром подумалось, что его могла бы очень позабавить морская свинка. Пожалуй, я попрошу моего знакомого занести ее вам.

– Как замечательно! Живая морская свинка! То-то Питер обрадуется! Но все-таки ему хотелось бы почитать журналы.

– Вот незадача. Я только на днях отнес их сынишке Снигсона – у него воспаление легких... Но у меня еще есть газеты, они тоже интересные, там много картинок.

И Перкс указал пальцем на увесистую пачку газет в углу.

– Подождите, я только найду бечевку и перевяжу их, – сказал он.

Потом носильщик вынул из пачки одну газету, расстелил ее на столе и сделал из нее аккуратный пакет.

– Тут много картинок, и если ему захочется их пораскрашивать акварелью, или цветными мелками, или тушью, то пусть. Мне они не нужны.

– Какой же вы хороший! – сказала Бобби, принимая пакет.

Газеты были тяжелые, и, когда девочка остановилась в ожидании, пока пройдет поезд, она поставила пакет на воротца. И случайно бросила взгляд на то, что было напечатано в газете, из которой Перкс сделал пакет.

Бобби схватила пакет и прижалась к нему лбом. То, что она прочла, поразило ее как молния. Газета была свернута на одном важном месте, и девочка не могла прочитать окончание заметки.

Роберта не помнила, как добралась домой. Но придя, она сразу убежала в свою комнату и заперлась. Там Бобби развернула пакет и еще раз просмотрела колонку. Она сидела на краю постели, руки у нее холодели, а лицо горело огнем. Дыхание было прерывистым.

– Да, теперь я знаю, – вслух произнесла она. Заметка имела заголовок: «Суд завершен. Вынесен окончательный приговор».

Осужденный носил ту же фамилию, что и ее отец. Он был признан виновным и приговорен к пяти годам принудительных работ.

– Папа! – шептала девочка, стиснув в руках газету. – Это неправда. Я не верю. Ты бы никогда не мог это сделать. Никогда! Никогда! Никогда!

Раздался стук в дверь.

– Кто там? – спросила Бобби.

– Это я, – раздался голос Филлис. – Чай готов. А потом пришел мальчик и принес морскую свинку. Скорее спускайся!

И Бобби вынуждена была сойти вниз.

Глава XI

«ПЁС» В КРАСНОМ СВИТЕРЕ

Теперь Бобби знала тайну. Маленькая случайность – старая газета, свернутая в пакет, – открыла ей всю правду. Но она должна была сойти к столу и притворяться, что ничего не случилось. Девочка притворялась мужественно, но не слишком успешно.

Как только она вошла, все обратили внимание на ее покрасневшие глаза и бледное, заплаканное лицо.

– Бобби, дорогая, что с тобой? – бросилась к ней мама.

– У меня болит голова.

– Это правда? А больше ничего не случилось?

– Я уже в порядке.

И мама прочла в ее взгляде: «Не сейчас, не при всех».

Чаепитие вышло невеселое. Питер чувствовал, что у Бобби произошло что-то неприятное, и он не заводил никаких разговоров, лишь повторял то и дело: «Мне хлеб с маслом». Филлис захотела погладить сестру по руке, чтобы выразить ей сочувствие, и опрокинула свою чашку. Бобби стала переворачивать и вытирать скатерку, и это немного успокоило ее. Но все равно ей казалось, что это чаепитие никогда не кончится. Однако оно все же закончилось, как однажды кончается все на свете, и когда мама понесла в кухню поднос, Бобби поспешила следом.

– Пошла признаваться, – сказала Питеру Филлис. – Интересно, что же она такое могла натворить?

– Наверное, что-нибудь поломала, – отозвался Питер. – Зря она так переживает, мама никогда не наказывает, если нечаянно...

Когда все чайные принадлежности были расставлены по своим местам, Бобби взяла маму за руку.

– В чем дело? – спросила мама.

– Мамочка, пойдем наверх – или куда-нибудь, где нас не смогут услышать.

Оставшись с мамой наедине в ее рабочей комнате, Бобби поспешила запереть дверь. Она долго стояла молча, не произнося ни слова.

Все время, пока пили чай, Бобби думала о том, какими словами она начнет свое признание. «Я все знаю»? Или «мне все известно»? Или «страшная тайна для меня больше не тайна»? Как лучше? Теперь они были с мамой одни в комнате, и девочке нужно было найти подходящие слова.

Бобби подошла к маме, обняла ее и снова расплакалась. По-прежнему она не находила слов, только повторяла без конца: «Ах, мама, мама, мама, мамочка!»

Мама крепко прижала к себе дочь и замерла в ожидании.

Вдруг Бобби вырвалась из маминых объятий и подошла к своей кровати. Из-под матраца она достала газету с заметкой о папе и трясущимся пальцем показала на папино имя.

– Ах, Бобби, – воскликнула мама, с первого же взгляда понявшая все, – ты ведь не веришь, правда? Ты же не веришь, что папа мог это сделать?

– Нет! – почти выкрикнула Бобби и сразу перестала плакать.

– Все правильно! – сказала мама – Он ничего плохого не сделал. Его держат за решеткой, а он ни в чем не виноват. Он добрый, честный, порядочный, благородный человек, и мы должны им гордиться. И должны ждать его.

Бобби снова прижалась к маме, и только одно слово срывалось без конца с ее губ. И это слово было: «папа».

– Почему ты мне этого не сказала, мама? – спросила она наконец.

– Ты теперь расскажешь остальным?

– Нет.

– Так ты должна понять, почему я не говорила тебе. Нам надо быть мужественными и поддерживать друг друга.

– Да, – кивнула Бобби, – тебе, наверное, будет тяжело, если ты все расскажешь мне подробно... Я бы хотела знать всю правду.

Они сидели, прижавшись друг к другу, и мама рассказывала все по порядку. Оказывается, люди, посетившие папу в тот памятный вечер, когда сломался локомотив, пришли его арестовывать. Ему предъявили обвинение в том, что он продавал государственные тайны, то есть, по существу, был шпионом и изменником. На суде в качестве улики фигурировали письма, найденные в папином столе. Именно эти письма и послужили поводом к обвинению.

– Как же они могли, зная папу, поверить в такое? – со страданием в голосе спрашивала Бобби. – Как вообще можно было такое сделать?

– Все же кто-то это сделал, – вздохнула мама. – И улики были не в папину пользу. Эти письма...

– Но как они попали к нему? Их подбросили?

– Да, девочка. Именно тот, кто виновен, он и подбросил.

– Как же папа должен был ужасно себя чувствовать, – задумчиво проговорила Бобби.

– Я думаю, он верил, что произошло недоразумение. И у него не было тогда такого ужасного состояния.

– Ведь если бы папа был виноват и знал, чем грозит обнаружение писем, он спрятал бы их подальше, а не в стол. Почему ты не сказала судье, что письма мог подбросить только настоящий преступник? Ведь не мог же никто просто так сделать папе гадость?

– Не знаю... Не уверена... Папин подчиненный, тот, кто теперь занимает его место, – он завидовал папе, потому что папа у нас умница, и все были о нем высокого мнения. И папа не доверял этому человеку.

– Но почему же не пойти куда-то и не объяснить?

– Нас никто не слушает, милая. Никто. Все, что нам остается, и мне, и тебе, и папе – это быть мужественными и терпеливыми. А еще... – она проговорила это тихо и нежно, – еще мы должны молиться.

– Как ты похудела, мама! – скороговоркой и невпопад пробормотала Бобби.

– Да, слегка! – улыбнулась мама.

– Я думаю, что ты – самая отважная женщина на свете. И вообще ты самая лучшая.

– Мы больше не будем об этом говорить, – сказала мама. – Мы должны перенести это и быть мужественными. И постарайся реже об этом думать. Ты должна быть веселой, должна воодушевлять себя и других. Тебе будет легче, если ты будешь делать людям добро и всему радоваться. Пойди, умойся и выйди погулять.

Младшие дети проявили к Бобби самое нежное внимание. Они не спрашивали у нее, что случилось. Питер решил, что следует вести себя именно таким образом, и сумел убедить Филлис, которая иначе задала бы сестре сотни вопросов.

Через неделю, как только представилась возможность, Бобби снова написала письмо. Письмо старому джентльмену.

«Мой дорогой друг!

Прочтите, что написано в газете. Это неправда. Папа не делал этого. Мама говорит, что бумаги кто-то подложил папе. Еще она говорит, что папин

помощник на работе ему завидовал, и папа давно уже относился к нему с недоверием. Когда мама пытается рассказать это судьям, ее не хотят слушать. Я знаю, какой вы умный и добрый человек. Вам так быстро удалось отыскать жену русского писателя. Не могли бы вы выяснить, кто же на самом деле совершил предательство, потому что, клянусь честью, папа на такое не способен. Все это ужасно. Мама худеет с каждым днем. Она просит, чтобы мы непременно молились каждый день за плененных и пребывающих в заточении.

P.S. Конечно, мама непременно передала бы вам привет, если бы она знала, что я пишу вам. Но лучше пока ничего ей не говорить, потому что вдруг у вас не получится. Нет, я все-таки верю, что получится!

Очень любящая вас Бобби».

Бобби взяла большие мамины ножницы для аппликаций, вырезала из газеты отчет о судебном процессе над папой и вложила в конверт вместе с письмом.

Затем она вышла на задний путь и пошла в обход, чтобы никто не мог встретить ее и отвлечь, добралась до конторы хозяина станции и отдала ему письмо, с тем чтобы завтра утром он мог вручить его старому джентльмену.

– Куда ты ходила? – закричал ей Питер с верха дворовой стены, где они сидели с Филлис.

– На станцию – куда же еще? Дай мне руку!

Через мгновение она уже усаживалась рядом с ними.

– Вы чего такие? – спросила Бобби, заметив, что брат и сестра были сильно перепачканы. Между ними на стене лежал большой ком сырой глины. У каждого в грязной руке был кусок аспидного сланца, а позади

Питера лежало несколько странных округлых предметов, похожих на толстые колбаски, полых, но закрытых с одной стороны.

– Это гнезда, – пояснил Питер. – Ласточкины гнезда. Мы собираемся высушить их в печке и повесить на веревках под карнизом.

– Да, – подхватила Филлис, – а потом мы будем собирать понемногу шерсть, волосинки и все такое. Представляешь, как весной обрадуются ласточки!

– Я часто думал, что люди почти ничем не помогают бедным животным, – рассуждал Питер в приливе добрых чувств, – а надо, чтобы все делали гнезда перед прилетом птиц!

– Ну, – неуверенно проговорила Бобби, – люди тогда ничего не успеют сделать для себя, если они будут думать про пичужек.

– А посмотри, какие они красивые, эти гнездышки, – проговорила Филлис, протягивая руку за спину Питера, чтобы подцепить одно из гнезд.

– Осторожно! – закричал брат, но было поздно: от цепкой хватки Филлис гнездо рассыпалось.

– Ну вот! – с досадой выдохнул Питер.

– Полно, не велика беда! – сказала Бобби.

– Не ругайся, Пит. Я же не твою разрушила, а свою. Понимаешь, Бобби, мы решили ставить свои инициалы на гнездах, чтобы ласточки знали, как зовут того, кто позаботился о них.

– Они же не умеют читать, глупая!

– Ты сам глупый. Откуда ты знаешь, что они не умеют?

– Между прочим, кто придумал сушить гнезда?

– Я придумала!

– Ничего подобного! – вспыхнул Питер. – Ты только придумала вешать солому на ветки для воробьев, чтобы они досыта наелись перед тем, как откладывать яйца. А про глину и про ласточек – это я придумал.

– Не все ли равно, кто что сказал!

– Вот, смотри, я поправила твое гнездо, – сказала Бобби. – Дай мне уголек, я напишу твои инициалы.

– Все равно они не поймут! – настаивал Питер.

– Но тогда почему же на поздравительных открытках к Рождеству и ко Дню Святого Валентина рисуют ласточек с конвертом на цепочке вокруг шейки? Если бы они не умели читать, как бы они знали, куда лететь с письмом?

– Это же только на открытках! Ты видела хоть одну ласточку с письмом на шее?

– Ласточку нет, а голубя – да... Я не видела, но мне папа говорил. Только они носят письма не на шее, а на лапке. Но это ведь все равно.

– Завтра будут играть в «охоту на зайца», – напомнила Бобби.

– А кто устраивает? – спросил Питер.

– В школе устраивают. Перкс предложил, чтобы «заяц» бежал вдоль дороги, а «собаки» шли наперерез...

Игра в охоту оказалась более интересной темой для разговора, чем умственные способности ласточек. А на следующее утро мама отпустила детей на целый день – посмотреть на «заячью охоту».

– Если мы пойдем на разъезд, – сказал Питер, – то посмотрим на рабочих, даже если придется пропустить «охоту».

Разумеется, нужно было время, чтобы убрать с дороги камни, деревья и землю, обрушившиеся во время великого оползня. Это было в тот самый день, когда – вы помните? – трое детей спасли поезд от крушения, сделав шесть флажков из двух красных нижних юбок. Всегда необычайно интересно наблюдать за тем, как люди работают, особенно если при этом можно посмотреть на лопаты, кирки, совки, доски, тачки и другие замечательные вещи. К тому же поздно вечером место работы освещается при помощи

чугунных котелков с круглыми отверстиями, куда положены горящие угли, а также навесных ламп. Конечно, поздно вечером дети не выходили из дому, но однажды, когда Питер вылез в сумерках через окно своей спальни на крышу, он видел на переезде большой красный фонарь.

Дети часто бегали смотреть на рабочих. Вот и теперь вид кирок, лопат и совков, мелькавших над досками и тачками, заморозил их настолько, что они напрочь забыли про «охоту на зайцев». И они подпрыгнули от неожиданности, когда услышали пыхтение и взволнованный голос: «Пожалуйста, пропустите меня!» Это был «заяц» – широкоплечий, ладный парнишка, с черными волосами, прилипшими к потному лбу. На плече у него болталась сумка с бумагой, пристегнутая ремешком. Дети расступились, и «заяц» помчался вдоль дороги. Рабочие, бросив свои кирки, стали наблюдать за ним. Парнишка бежал, не сбавляя скорости, и скрылся, наконец, в отверстии туннеля.

– Это он не по правилам действует! – заметил бригадир рабочих.

– А вам-то что? – улыбнулся пожилой рабочий. – Как говорят, живи и другим давай жить. Что вы, не были сами мальчишкой?

– Я должен доложить хозяевам, – нахмурился бригадир.

– Но ведь эта игра, спорт.

– Пассажирам запрещено пересекать пути – тут не может быть отговорки, – проворчал бригадир.

– Он не пассажир, – сказал один из рабочих.

– В общем, он не пересекал путь, и мы его не видели! – вставил другой.

– И мы не слышали ни про какую игру! – дополнил третий.

– С глаз долой – из сердца вон. Читайте, что мы ничего не видели, – заключил пожилой.

И вдруг появились «собаки». Они знали путь «зайца», поскольку он оставлял за собой обрывки белой бумаги. «Собаки» стали сбегать вниз по

крутым выступам, напомиавшим лестницу. Сбегали парами, по трое, а то и по шесть-семь человек. Бобби, Филлис и Питер, успели их сосчитать – ровно тридцать «собак». Первый «пес» замешкался на какое-то время у подножия «лестницы». Потом, заметив белые обрывки вдоль пути, двинулся к туннелю. Следом за ним и остальные «собаки» стали нырять в отверстие туннеля, пока все не пропали из виду. И вот последний, в красном свитере, мелькнул у черного зева и исчез в нем.

– Они не понимают, что делают, – покачал головой бригадир, – совсем не просто бежать в туннеле, там три или четыре поворота.

– А через сколько времени они оттуда выйдут? – спросил Питер.

– Через час, если не через полтора.

– А давайте пройдем поверху к тому концу туннеля и посмотрим, как они будут выходить. Мы раньше их туда поспеем, – предложил Питер сестрам.

Те, не сговариваясь, кивнули и отправились следом за ним.

По крутым ступенькам они поднялись наверх и повернулись в сторону холма, под которым проходил туннель. Отсюда становилось понятно, какая это была гигантская работа – проложить такой туннель.

– Как в Альпах! – воскликнула с придыханием Бобби.

– Или как в Андах, – поддержал Питер.

– Или еще как в Гималаях, ну, самая большая вершина... Эверстар? – вставила Филлис. – Давайте присядем.

– Эверест... Нам нельзя сбавлять скорость, – сказал Питер. – Второе дыхание закроется.

Филлис испугалась, что у нее закроется второе дыхание, и пошла быстрым шагом. Дети продолжали свой путь. Там, где был гладкий дерн и небольшой подъем, они бежали бегом. По камням они медленно взбирались, цепляясь за большие ветки. По узким, глубоким ложбинам

приходилось почти ползти. И вот, наконец, ребята достигли вершины, на которой мечтали оказаться.

– Ура! – воскликнул Питер и повалился навзничь на траву. Это было плоское место, усыпанное замшелыми валунами и поросшее карликовыми ясенями.

Девочки тоже повалились на дерн рядом с ним.

– Времени у нас полно. Отдохнем, а потом будем спускаться, – тяжело дыша, проговорил Питер.

Когда они перевели дух настолько, что смогли присесть и оглядеться, Бобби воскликнула:

– Ой, посмотрите!

– На что?

– Какой чудесный вид!

– Терпеть не могу виды. Питер, а ты любишь? – пробормотала Филлис.

– Надо двигаться, – повелительным тоном проговорил Питер.

– Но это не такой вид, – продолжала Бобби, – как из окна экипажа, когда нас возили на море: все только волны, песок и голые холмы. Это скорее похоже на те картинки графств и округов, которые у мамы в книжках со стихами.

– Тут меньше пыли, – заметил Питер. – Вон, взгляните на акведук, он растянулся на всю долину, как сороконожка. А там, далеко, церковные шпили городов торчат из деревьев, как перья из чернильницы. Я вспомнил стихи:

Все двенадцать городов

Флаги вынесли навстречу!..

– Мне тут нравится! Стоило сюда лезть, – снова повторила Бобби.

– Стоило лезть, чтобы посмотреть игру «охота на зайца». А мы ее, боюсь, пропустили. Нам в самом деле пора, если хотим увидеть хотя бы ее окончание, – сказала Филлис, – теперь будем спускаться вниз.

– Я уже говорил вам это десять минут назад, – пробурчал Питер.

– А я сейчас сказала! Ну же, идем! – торопила Фил-лис.

– Вообще-то времени у нас много, – подумав, успокоил ее брат.

Тем не менее дети тронулись в путь. К тому времени, когда они оказались над выходным отверстием туннеля, никаких следов «зайца» или «собак» видно не было.

– Они уже далеко ушли! – расстроилась Филлис, когда дети подобрались к парпету над туннелем и облокотились на перила.

– Я так не думаю, – спорила Бобби. – Но даже если и так, тут есть еще много такого, на что стоит посмотреть. Например, как Дракон будет вырываться из своего логовища. Мы еще никогда не смотрели на поезда сверху.

– А ведь правда! – воскликнула Филлис и сразу же успокоилась.

Еще ни одно место не приводило детей в такой восторг. Они стояли высоко над рельсами, даже выше, чем ожидали. Словно на мосту, только на мосту не могут расти кустарник, колючки, трава и полевые цветы.

– Я уверена, что «охота» уже ушла, – повторяла Филлис каждые две минуты, сама не зная, рада она этому или нет. И вдруг она перегнулась через парпет и закричала:

– Смотрите! Выходят!

Упершись руками в разогретые солнцем кирпичи, они стали наблюдать за тем, как «заяц» очень неторопливо выходит из туннеля.

– Ну вот, я что вам говорил! – воскликнул Питер. – Теперь очередь за «собаками».

Очень скоро показались и «собаки», так же, как входили, – парами, по трое или по шесть-семь человек. Они тоже не очень спешили.

– Ну вот! – разочарованно вздохнула Бобби. – И что нам теперь делать?

– Я видела там упавшее дерево, – сказала Филлис. – Пойдемте разложим на нем все, что у нас есть, и поедем как следует. Оттуда мы еще какое-то время будем видеть, как они бегут.

– Подождите, – оборвал ее Питер. – Они еще не все вышли. Помните, там был один «пес» в красном свитере, – я его пока не видел. Надо подождать, пока выйдет последний.

Они ждали бесконечно долго, но паренек в красном свитере так и не появился.

– Все-таки нам надо пообедать, – взмолилась Филлис. – У меня голова раскалывается от голода. Вы просто не заметили этого в свитере, он, наверное, вышел вместе с другими.

Но Бобби и Питер засомневались, что можно было упустить из виду яркий красный свитер.

– Давайте спустимся вниз, к отверстию, – предложил Питер. – Может быть, у него закружилась голова и он решил отдохнуть где-нибудь в нише. Вы оставайтесь пока здесь, а если я подам снизу сигнал, вы спуститесь ко мне. Кто знает? Может быть, мы и в самом деле не разглядели его за деревьями?

Питер стал спускаться вниз, Филлис решила последовать за ним, а Бобби осталась ожидать, когда они подадут ей сигнал снизу. А потом она тоже стала спускаться вниз по скользкой окольной тропинке среди корней и мхов, пока, наконец, не протиснулась между двух кизиловых деревьев и не вышла на рельсы, догнав брата и сестру. О том, куда же девался «пес» в красном свитере, по-прежнему можно было только гадать.

– Давайте же что-нибудь съедим, – продолжала докучать Филлис. – Если я умру с голоду, вам ведь будет меня жалко.

– Достань, ради Бога, бутерброды, чтобы она замолчала! – грубовато, но не зло обратился Питер к старшей сестре. – И вот что: нам нельзя отрываться друг от друга. Может случиться, что в одиночку нам не справиться.

– Поче-чему? – проговорила Бобби, запинаясь, потому что уже надкусила бутерброд, будучи так же голодна, как и Филлис.

– Не понимаешь разве? – недоуменно отозвался Питер. – Почти наверняка красный «пес» попал в беду. Мы тут болтаем, а он, может быть, лежит головой на рельсах, и тут как раз поезд...

– Не говори так книжно, – вставила Бобби, дожевывая свой бутерброд. – Пойдемте. Фил, держись за меня. Если вдруг поезд, вжимайся в стену и подбирай свои нижние юбки.

– Дайте мне еще бутерброд, и я пойду.

– Первый пойду я, потому что это моя идея, – распорядился Питер. И он вошел в туннель.

Вы, конечно, знаете, что испытывает человек, который въезжает в туннель. Шум локомотива постепенно усиливается и перерастает в немолчный гул. Взрослые опускают окна и запирают их на скобы. В вагонах становится темно, как ночью. Конечно, включают свет, хотя в маленьких местных поездах лампочек может и не быть. Но постепенно крошечная тьма за окнами вагона переходит в мутную белизну, и становятся различимы голубые огоньки на стенах туннеля. Потом звук бегущего поезда снова меняется, и вот вы уже опять на свежем воздухе. Взрослые снимают скобки и поднимают окна. Стекла кажутся мутно-желтыми от подземного угара, но за ними видны проходящие вдоль дороги телеграфные провода, то провисающие, то туго натянутые, ровно подстриженные кустики боярышника и деревца, насаженные через каждые тридцать ярдов.

Таким представляется туннель тому, кто едет в поезде. Но дело меняется, когда вы решаетесь войти в туннель, ступая по скользким, перекатывающимся камням и гальке между сверкающими рельсами и стеной. Жирные, илистые капли влаги собираются на потолке и падают вниз. И кирпичи уже не красные и не коричневые, как при входе в туннель, а тусклые, с налетом липкой, болезненной зелени. Тембр вашего голоса уже не такой, каким он был на свету. И серый полумрак сопровождает вас на всем пути.

В туннеле было еще не очень темно, когда Филлис схватила Бобби за юбку и оторвала пол-ярда... Правда, на это никто не обратил внимания.

– Я не хочу дальше идти, – сообщила она. – Мне тут не нравится. Скоро будет совсем темно. Я не могу идти в темноте. Я даже не понимаю, что вы говорите.

– Не будь глупой курицей, – сказал Питер. – Я взял с собой спички и кусок свечки... Ой, что это?

– Э-э-это! – как эхо повторил низкий, жужжащий шум на железном пути. Это трещали провода наверху. Гудение и жужжание становились все громче.

– Это поезд, – сказала Бобби.

– На какой линии?

– Пустите меня! – кричала Филлис, вырывая свою руку из руки Бобби.

– Не будь трусихой. Ничего опасного нет. Только надо отойти к стене.

– Сюда! – позвал опередивший их на несколько ярдов Питер. – Быстрее. Здесь ниша.

Шум приближающегося поезда был таков, как будто вы, сидя в ванне, окунули голову под воду, раскрутили оба крана и сидите, упершись пятками в оловянные стенки. Только шум поезда был еще громче. Но Питер крикнул во всю мочь – Бобби его услышала и потянула Филлис к стене. Филлис, конечно, споткнулась о рельсы и поцарапала обе ноги. Но старшие

подхватили ее, и вот уже все трое стояли в темной, сырой аркообразной нише, а поезд приближался с невероятным грохотом. Детям казалось, что они оглохнут. Из темноты сияли огненные глаза, становившиеся с каждой секундой больше и ярче.

– Это Дракон! – воскликнула Филлис. – Как же его не узнать? И в темноте он становится настоящим драконом!

Никто, конечно, не слышал, что она говорила. Потому что разве можно что-то слышать, когда рядом поезд?

И вот с рычанием, рокотом, ревом, сверкая окнами, ставшими от скорости одной сплошной огненной линией, окутав дымом и обдав горячим дыханием, поезд промчался мимо них, но лязганье и звон еще долго разносились эхом под сводом туннеля. Филлис и Бобби стояли, вцепившись друг в друга. Даже Питер вдруг схватил Бобби за руку. «Это чтобы она не так боялась», – объяснил он впоследствии.

Но мало-помалу хвостовые огни стали уменьшаться, и вот поезд, издав протяжный гудок, вырвался из туннеля. В сырых стенах подземелья, под его протекающей «кровлей» снова воцарилась тишина.

– Вот это да! – со вздохами, в один голос пробормотали все трое.

Питер зажег спичкой свечной огарок, и рука у него дрожала.

– Вперед! – сказал он, но заговорить ему удалось не раньше, чем он прокашлялся.

– А вдруг этот мальчик в красном свитере попал под колеса? – с ужасом в голосе спросила Филлис.

– Нам надо пойти и посмотреть, – ответил Питер.

– Может быть, надо пойти и кого-нибудь привести со станции? – поинтересовалась Филлис.

– А ты готова остаться тут и ждать нас? – проговорила в ответ Бобби, после чего Филлис больше не задавала вопросов.

Все трое продолжали погружаться в темную глубину туннеля. Питер шел впереди, высоко поднимая свечку, чтобы освещать путь.

Они прошли не больше ста пятидесяти ярдов от той ниши, где они стояли, пока не промчался поезд, – и вдруг Питер закричал: «Надо спешить!» и все убыстрили шаги. Через минуту дети застыли на месте. Теперь всего ярд отделял их от того, ради чего они вошли в туннель. Филлис увидела красное пятно и зажмурилась. У самого изгиба пути, на россыпи гальки лежал «пес» в красном свитере. Глаза его были закрыты, спина прижата к стене, а руки безжизненно раскинулись по сторонам.

– Красное... Это кровь, да? Его насмерть, да? – шептала Филлис, еще крепче зажмуриваясь.

– Ничего не насмерть, – проговорил Питер. – Красное – это его свитер. Но он без сознания, и я не знаю, что нам теперь делать.

– Мы сможем его дотащить? – спросила Бобби.

– Я не знаю. Он здоровый парень.

– Ему бы надо смочить лоб. Только воды у нас нет. А хотя... У нас же есть молоко, целая бутылка!

– Да. И еще говорят, что надо растирать руки, – подхватил Питер.

– А я еще слышала про жженое перо, – стала припоминать Филлис.

– Зачем говорить про то, чего нет? Куры и утки в туннелях не водятся.

– Почему нет? – с торжеством в голосе воскликнула Филлис. – У меня тут в кармане волан от бадминтона. Вот, смотрите!

Питер склонился над парнем в красном свитере и стал растирать ему руки. А Бобби стала по одному выдергивать перья из волана и жечь возле самого лица больного. Филлис лила струйкой тепловатое молоко ему на лоб, и все повторяли тревожно и настойчиво:

– Посмотри на нас, скажи нам что-нибудь. Ну, ради Бога, скажи!

Глава XII

КОГО ПРИНЕСЛИ ДОМОЙ

– Скажи нам что-нибудь. Ну, ради Бога, скажи!

Дети то и дело повторяли эти слова, обращаясь к впавшему в беспамятство «псу» в красном свитере. Но тот неподвижно сидел, припав к стене туннеля, и не открывал глаз.

– Фил, намочи ему уши молоком! – распорядилась Бобби. – Я знаю, что тем, кто без сознания, трут уши одеколоном. Но, думаю, можно и молоком.

Девочки смочили «псу» уши, и молочная струйка полилась за воротник красного свитера. В туннеле было очень темно. Свечка, зажженная Питером и поставленная на плоский камень, еще горела, но света от нее почти не было.

– Ну открой глаза, ради Бога! – повторяла Филлис. – Нет, он, наверное, умер.

– Ради Бога! – взмолилась Бобби. – Он жив, я уверена.

– Да приходи же ты в себя! – крикнул Питер и сильно потряс юношу за руку.

И тогда «пес» в красном свитере вздохнул, открыл глаза, снова их закрыл и слабым голосом проговорил:

– Перестаньте...

– Да, он живой, но может умереть, – констатировала Филлис и принялась плакать.

– Не бойся, со мной все в порядке, – уже бодрее и громче проговорил «пес».

– Попей! – приказал Питер и приложил к его рту горлышко молочной бутылки. Юноша не желал пить, и изрядная доля молока оказалась пролита, прежде чем он открыл рот и спросил:

– Это что?

– Это молоко, – объяснил Питер. – Тебе нечего бояться. Мы твои друзья... И хватит, Филлис, блеять, как овца!

– Выпей еще, – ласково уговаривала Бобби, – тебе это полезно.

«Пес» послушно пил, а трое детей с надеждой смотрели на него.

– Подождите немного. Молоко пройдет по всему телу, и ему станет лучше.

В самом деле, юноша почувствовал себя лучше.

– Да, мне лучше... Только я не могу припомнить, – он попытался привстать, но вдруг застонал. – Да, вам придется со мной повозиться. Кажется, я сломал ногу.

– Ты что, перекувырнулся? – сопя, поинтересовалась Филлис.

– Что я, младенец что ли? – рассердился «пес». – Просто запутался в этих чертовых проводах... Я хотел встать и не смог, пришлось сесть и сидеть. Словом, покалечился... Послушайте, а как вы-то тут оказались?

– Мы увидели, как ты с товарищами входил, и решили пройти по верху холма и встретить вас на выходе. И вот все вышли, кроме тебя. Мы ждали, ждали – а ты не вышел. Словом, мы – отряд спасения, – с гордостью закончил Питер.

– И проявили отвагу, должен вам сказать, – заметил юноша.

– Пустяки, – скромно отвечал Питер. – Как думаешь, сможешь ты дойти с нашей помощью?

– Постараюсь, – неуверенно ответил «пес».

Он и правда старался изо всех сил, но опереться удавалось лишь на одну ногу – другая безжизненно волочилась по камням.

– Дайте мне сесть. Что-то очень мне паршиво, кажется, я умираю... Отстаньте вы от меня, вот что! – с этими словами он повалился на землю и закрыл глаза. Дети переглянулись при тусклом свете огарка.

– Что будем делать? – спросил Питер.

– Послушай, – сказала скороговоркой Бобби, – тебе надо бежать за помощью. Иди в ближайший дом.

– Да, ничего другого не остается, – сказал Питер.

– А если ты возьмешь его за ноги, а мы с Филлис за плечи, может быть, дотащим его до ниши?

Им удалось оттащить «пса» в безопасное место, но он снова потерял сознание.

– Я останусь с ним, – объявила Бобби. – А вы оставьте мне маленький кусочек свечки и возьмите тот, что подлиннее. И бегите быстро, потому что долго он гореть не будет.

– Маме не понравится, что я тебя оставил одну, – засомневался Питер. – Лучше останусь я, а вы с Филлис бегите за помощью.

– Нет, – спорила Бобби. – Пойдете вы с Фил, а я останусь. Только ты дай мне ножик. Я, может быть, смогу снять с него башмак, пока он не очнулся.

– Я надеюсь, что это правильное решение, – сказал Питер.

– Да, конечно же, правильное! А что ты еще можешь предложить? Бросить его одного в потемках? Это совсем не годится. Так что поторопитесь.

Питер и Филлис спешно направились к выходу.

Бобби следила за их темными фигурами и огонечком свечи с таким чувством, словно приближался конец света. Теперь она могла себе представить, что чувствуют монахини в монастырях. Однако она решила подбодрить себя.

– Не будь глупой девчонкой! – вслух сказала она. Она всегда сердилась, когда ее называли девчонкой, даже если слову предшествовал другой

эпитет, нежели «глупая», – скажем, «хорошенькая», «славная» или «умная». И только когда она была недовольна собой, она называла себя «девчонкой».

Девочка поставила свечной огарок на кирпич возле ног «пса» и взяла перочинный ножик. Открыть его было ох как непросто. Бобби сломала ноготь большого пальца, прежде чем ей это удалось. Было очень больно, но раздумывать было некогда. Она разрезала шнурки на башмаке и сняла его. Потом попыталась стянуть носок, но нога так страшно распухла, что совсем потеряла форму. Тогда девочка принялась неторопливо и осторожно разрезать носок.

Это был коричневый носок ручной вязки. Бобби подумалось, что, наверное, носки вязала мама этого юноши. Конечно, она любит его, заботится о нем. Каково ей будет, когда сына принесут в дом со сломанной ногой?

Когда Бобби увидела то, что было под носком, пространство туннеля показалось ей беспросветно черным. Земля стала уходить у нее из-под ног, и ей было неведомо, на каком она свете.

– Глупая девчонка, – еще раз сказала себе Роберта, и ей стало немного легче.

«Бедная нога, – думала она про себя, – это не нога, а подушка... Да, если бы была подушка, можно было приподнять ему ногу».

И вдруг ей припомнился тот день, когда они с Филлис сняли с себя нижние юбки, чтобы подать сигналы тревоги и предотвратить аварию. Теперь на ней тоже была фланелевая нижняя юбка, только белая. Но она такая же мягкая, как была та, красная. Бобби быстро сняла ее с себя.

– Какая же это полезная вещь, фланелевая нижняя юбка! Просто надо поставить памятник тому, кто ее изобрел.

Девочка нарочно говорила громко, справедливо полагая, что живой голос среди этого зловещего мрака подействует успокаивающе.

– Ты с кем говоришь? Тут кто-то еще есть? – вдруг спросил «пес», но голос у него был очень слабый.

– Ну вот, тебе лучше! – обрадовалась Бобби. – Но только не надо разговаривать, ты еще слабый.

Она свернула нижнюю юбку в несколько слоев, чтобы получилось что-то наподобие подушки, приподняла сломанную ногу «пса» и положила под нее подушку.

– Пожалуйста, больше не теряй сознание! – умоляла Бобби, слыша, что юноша опять начинает стонать. Потом она намочила носовой платок молоком и осторожно стала водить по распухшей ноге.

– Не надо, больно! – вскрикнул юноша. – А хотя, знаешь... Стало лучше!

– Как тебя зовут? – спросила она.

– Меня – Джим.

– А меня – Бобби.

– Почему так? Ты же девочка.

– На самом деле я Роберта, но это длинно.

– Так, значит, тебя можно звать Бобби?

– Да.

– А тут были еще двое, они где?

– Это мои брат и сестра – Питер и Фил. Они пошли кого-нибудь позвать, чтобы тебя отнесли на станцию.

– У вас с сестрой мальчишеские имена.

– Сестра, вообще-то, Филлис. А что до меня, то я иногда жалею, что не родилась мальчиком. С тобой так не бывает?

– Нет, тебе идет быть девочкой.

– Я глупо спросила. Конечно, ты самый настоящий мальчик. Ты храбрый.

– А ты тоже храбрая, как мальчишка. А почему ты не пошла с ними?

– Кто-то должен был остаться с тобой.

– Вот что я скажу тебе, Бобби. Ты такой человек... Я хочу пожать твою руку! – он протянул ей руку, и Бобби, нащупав в полумраке шерстяной рукав, осторожно ее пожала.

– Я бы ее пожала изо всех сил, но сейчас нельзя. Потому что я тогда расшевелю все твое тело, в том числе и ногу. Послушай, у тебя есть носовой платок?

– Не знаю, сейчас проверю, – он пошарил в карманах и обнаружил то, что нужно. – А зачем?

Бобби взяла у него платок, смочила его молоком и положила на лоб Джима.

– Ух ты! Что это?

– Молоко. Воды-то у нас нет, – объяснила Бобби.

– Ты как сестра милосердия – маленькая, веселая, добрая сестра.

– Я так делаю маме, когда у нее болит голова. Только не молоко, конечно, а одеколон, уксус или просто воду... Теперь мне придется задуть свечку, а то вдруг они, те, кто за тобой придет, забудут взять огонь, а у Питера тоже лишь малюсенький огарок.

– Какая ты! Все предусмотрела, – слегка улыбнувшись, прошептал Джим.

Свечка погасла, и теперь в кромешной темноте они с Джимом могли только говорить и слышать голоса друг друга.

– Тебе не страшно в темноте, Бобби?

– Нет... Немножко.

– Дай мне твою руку! – сказал Джим, и это был очень хороший и добрый поступок, потому что он, как большинство мальчишек его возраста, терпеть не мог поцелуев, объятий и рукопожатий, называя это «телячьими нежностями».

Теперь Бобби уже не боялась темноты, потому что ее рука лежала в большой крепкой руке страдальца в красном свитере. А Джим, держа ее маленькую гладкую руку, подумал, что, оказывается, рукопожатие – это совсем не плохо.

Бобби старалась болтать, забавлять Джима и отвлекать от боли. Но разговаривать в темноте было трудно, и они больше молчали, лишь изредка окликая друг друга.

– Как ты, Бобби? – спрашивал Джим.

– Джим, тебе удобно? Я не сделала тебе еще больнее? – доносился до него иногда тревожный голос новой знакомой.

А между тем в туннеле становилось очень холодно.

* * *

Питер и Филлис пробирались по длинному туннелю навстречу дневному свету. Обошлось без серьезных приключений. Правда, платье Филлис зацепилось за провод и оказалось порвано от талии до подола. А в другой раз она споткнулась о развязавшийся шнурок и упала на четвереньки, сильно исцарапав себе руки и ноги.

– Будет ему когда-нибудь конец, этому туннелю? – злился Питер.

Но идти надо было еще очень долго.

– Держись, – подбадривал сестру Питер, – все рано или поздно кончается, и, если выдержишь, то потом порадуешься, что все позади.

Это были очень правильные слова, и всегда полезно размышлять в таком духе в дни, когда бывает плохо или трудно: когда ты заболел корью, или не выходит задачка по арифметике, или тебя наказали. И еще, когда ты в отчаянии и тебе кажется, что никто и никогда тебя уже не полюбит и сам ты уже не в состоянии никого полюбить, – тоже полезно напоминать себе, что

эта черная полоса пройдет и что надо только суметь выдержать душевную муку.

– Ура! – воскликнул Питер. – Я вижу свет в конце – как будто белая точка, с булавочную головку, на куске черной бумаги.

Булавочная головка становилась все больше, и голубые отсветы показались по обе стороны туннеля. Ребята видели перед собой усыпанную гравием тропинку. Теперь им было тепло, и воздух пах травой. Сделав еще двадцать шагов, они увидели солнце и услышали шум деревьев.

Филлис тяжело вздохнула.

– Нет, больше никогда в жизни я не полезу в туннель. Даже если двести миллионов мальчишек в красных свитерах будут там лежать со сломанными ногами.

– Не будь глупой кукушкой, – грубовато, по своему обыкновению, сказал Питер. – Ты должна была полезть.

– Значит, я хорошая и храбрая, если я полезла.

– Если ты храбрая, то нам с Бобби надо считать себя героями... Ну, и где же тут ближайший дом? Я пока вижу одни деревья.

– Вон, вон крыша! – Филлис, подпрыгивая, показывала рукой поверх зелени.

– Это будка регулировщика, – поспешил разочаровать ее Питер. – А с регулировщиком на посту не позволено разговаривать. Это нарушение правил.

– Уж если я не испугалась туннеля, то какие-то правила нарушить не побоюсь! – решительно объявила Филлис. – Пойдем.

И она побежала вдоль пути так быстро, что Питер едва поспевал за ней.

На солнце было очень жарко, и дети, оба разгоряченные, запыхавшиеся, остановились и, повернувшись к окну сигнальной будки, крикнули: «Эй, можно вас?» настолько громко, насколько у них хватило дыхания. Но им

никто не ответил. Сигнальная будка была тиха, как покинутая обитель, и Питер с Филлис, обжигая руки о разогретые солнцем перила, взбежали на крыльцо. Дверь была открыта, и дети заглянули в комнату. Сигнальщик сидел на стуле, прислонясь головой к стене. Все его тело безвольно склонилось набок, рот был открыт. Он крепко спал.

– Вы что? Просыпайтесь скорее! – закричал Питер, и в его голосе был ужас, потому что он понимал, что если сигнальщик засыпает на посту, он может потерять свое место – ведь он подвергает опасности поезда, потому что не подаст им сигнал, указывая по какому пути они должны идти.

Сигнальщик не пошевелился. Тогда Питер стал трясти его за плечи. Мужчина, зевая и потягиваясь, начал мало-помалу приходить в чувство. А когда он, наконец, проснулся, то сразу вскочил на ноги, схватился руками за голову «как безумный маньяк» (такими словами некоторое время спустя описала его поведение Филлис) и закричал:

– О Боже! Который час?

– Тринадцать минут первого, – ответил Питер, сверяясь с большими часами на стене будки.

Сигнальщик бросил взгляд на часы, подскочил к рычагам и стал разворачивать их то в одну, то в другую сторону. Электрический звонок кольнул слух – провода и рычаги заскрежетали, и он упал в кресло. Мужчина страшно побледнел, пот выступил у него на лбу, «как будто крупные капли росы на большом белом кочане капусты» (это опять слова Филлис). Он к тому же дрожал: его волосатые руки – все, от плеч до кончиков пальцев – просто тряслись. Он «дрожал, как мотор» -это было уже выражение Питера. Наконец сигнальщик выдохнул воздух и воскликнул:

– Благодарение Богу, что он вас сюда послал... Слава Всевышнему, что вы пришли вовремя!

Сказав это, он распрямил плечи, его лицо из бледного сделалось густо-красным, и он закрыл его большими руками.

– Не надо больше расстраиваться, – успокаивала его Филлис, – теперь все в порядке.

И девочка ласково погладила его по одному плечу, а Питер для порядка похлопал по другому.

Но сигнальщик все никак не мог обрести душевное равновесие, и дети еще долго гладили его и похлопывали, пока тот не достал, наконец, свой носовой платок – красный с розовыми и белыми узорами в форме подковок. Он вытер лицо и обрел дар речи. А в то время, пока дети гладили и хлопали его по плечам, мимо промчался поезд.

– Прямо стыдно, – говорил, успокоившись, этот крупный мужчина. А до этого он, по выражению Филлис, «хныкал, как ребенок».

И вдруг тон его переменялся:

– А с какой стати вы сюда проникли? Вам разве не говорили, что сюда нельзя?

– Говорили, – кивнула Филлис, – мы знали, что это плохо. Но я не побоялась плохо поступить, и вот все обернулось хорошо. Вы простите нас...

– Бог вас любит... Если бы вы не пришли, – он запнулся, потом продолжал, – это просто позор, что я заснул на посту. Не дай Бог, если это выйдет наружу, хотя бы даже от этого не случилось бы никакой беды, все равно...

– Про это никто не узнает, – стал успокаивать его Питер. – Мы не ябедники... Но только не надо больше засыпать на дежурстве, это опасно.

– Можешь мне не говорить, я и сам знаю, – вздохнул сигнальщик, – но иначе быть не могло... Знаю, что это никуда не годится. Но так уж сложилось. У них никого не нашлось, чтобы меня подменить. А я за пять дней и десяти минут не поспал. У меня заболел младший сынишка, доктор говорит, что у

него пневмония. А сидеть с ним было некому, кроме меня и маленькой дочки. Но девочке тоже надо спать. Опасно? Да, опасно. Что ж, идите, докладывайте!

– Я же сказал, что мы будем молчать! – гневно возразил Питер, но Филлис словно не расслышала сказанных братом слов.

– Вы спросили, зачем мы сюда пришли, – проговорила она. – Так вот. Там, в туннеле, остался мальчик в красном свитере, и у него сломана нога.

– А какого беса он туда полез, в туннель?

– Не сердитесь, – добродушно уговаривала сигнальщика девочка, – мы ведь ничего не сделали плохого – мы пришли и разбудили вас. А с мальчиком в самом деле случилась беда.

Тогда Питер рассказал, как «пес» оказался в туннеле.

– Но чем же я могу помочь? Я не могу оставить будку, – сказал мужчина.

– Тогда, – обратилась к нему Филлис, – скажите нам, кто тут есть поблизости, не в будке...

– Вон, видите, дымок просачивается сквозь деревья? Там ферма Бригдена, ступайте туда, – как заметила Филлис, в его тоне стала проскальзывать уже сварливость.

– Ну, до свидания, – сказал Питер.

Но сигнальщик попросил минутку подождать. Запустив руку в карман, он достал горстку монет – множество пенсов, несколько шиллингов, шестипенсовики и полкроны. Он выбрал из горстки два шиллинга и протянул Питеру, остальное положив в карман.

– Вот, – сказал он, – я это даю, чтобы вы держали язык за зубами. Вы тут не были и ничего не видели!

Наступила короткая неприятная пауза, вслед за которой Филлис выпалила сквозь слезы:

– Вы нехороший, гадкий человек!

А потом Питер подскочил и изо всей силы ударил по волосатой руке, так что монеты покатались по грязному полу.

– Запомните: ябедой никогда не был и не буду. Пойдем, Фил! – и дети, с горящими щеками, пошли прочь из будки.

Но Филлис все же вернулась, помогла сигнальщику собрать монеты с полу.

– За Питера не ручаюсь, а я вас прощаю. Вы просто были в тяжелом состоянии, иначе бы вы так не поступили. Когда люди несколько ночей не спят, они делаются, ну, как бы безумными. Мне мама говорила. Я верю, что ваш малыш скоро поправится.

– Пойдем, Фил! – нетерпеливо повторил Питер.

– Даю вам честное слово – и это свято, – что мы никому ничего не скажем! – Филлис чувствовала, как благородно с ее стороны положить конец ссоре, в которой она не виновата.

Сигнальщик обнял ее и поцеловал.

– Ну, прости, детка. Я в самом деле был не в своем уме. Ступай домой, к маме. Я не хотел тебя обидеть.

И Филлис, выйдя из душной будки сигнальщика, бросилась догонять Питера. Они шли вместе по направлению к ферме.

Когда Питер, Филлис и фермер с решеткой, накрытой попонами, вошли в туннель и добрались до ниши, Бобби крепко спала. Джим тоже спал. Боль измотала его, как сказал позднее доктор.

Джима донесли на решетке до фермы.

– Где он живет? – спросил вызванный туда помощник шерифа.

– В Нортумберленде, – ответила Бобби.

– Мы начали игру от школы, – приходя в себя, сказал Джим. – Мне бы как-то надо туда добраться.

– Сначала пусть доктор тебя посмотрит, – покачал головой помощник шерифа.

– Его надо отнести к нам, – предложила Бобби. – Это недалеко – прямо по дороге. Я думаю, что мама это одобрит.

– Думаешь, твоей маме понравится, что мы принесем к вам незнакомого парня с переломанными ногами?

– Она же приютила русского писателя, у которого украли деньги. Джиму она тоже будет рада помочь.

– Ну, что ж, если мама не возражает...

– А она точно не возражает? – спросил «пес».

– Точно.

– Значит, несем его в «Три Трубы»? – осведомился шериф.

– Да, конечно, – кивнул Питер.

– Тогда я пошлю нашего полицейского за доктором. А вы, друзья, поднимайте его осторожнее. Раз, два, три!

* * *

Мама, управившись с делами, села, наконец, писать историю о герцогине, о преднамеренном злодействе, тайной поездке и загадочной пропаже, как вдруг дверь ее комнаты распахнулась. Выронив перо, мама вскочила с места и увидела на пороге комнаты Бобби, покрасневшую от бега и без шляпки.

– Мама! Спустись скорее вниз... Мы нашли «пса»... У него сломана нога. Мы принесли его сюда.

– Хорошо. Я дам вам денег, сходите с ним к ветеринару... Вообще я не знаю, что мы будем делать с хромой собакой.

– Мама, ты не поняла, – сквозь смех и слезы проговорила Бобби. – Это мальчик.

– А мальчика надо отправить к его маме.

– Понимаешь, мама его умерла. А папа далеко, в Нортумберленде. Мама, пожалуйста, не отказывай. Я обещала, что ему у нас будет хорошо. Ты же ведь всегда всем помогала!

Мама вздохнула и улыбнулась. Все же приятно, когда твои дети верят, что твой дом и твое сердце открыты для каждого, кто нуждается в помощи. Но с другой стороны, одержимость детей такой верой доставляет мамам немало хлопот.

– Хорошо, я сделаю для него все, что в моих силах.

Когда Джима внесли, лицо у него было очень бледное, а губы вытянулись в тонкую сине-фиолетовую нитку.

– Вы молодцы, что принесли его сюда, – сказала мама. – Джим, сейчас я тебе постелю, и ты ляжешь. Ляг, как тебе удобно. Скоро придет доктор.

Джим, почувствовав доброе к себе отношение, сразу успокоился и расхрабрился.

– Я в самом деле сломал ногу. Я не притворяюсь. Если я вдруг опять потеряю сознание, вы не думайте, что я трус... И мне неприятно, что я доставил столько хлопот.

– Не тревожься, Джим. Это ведь ты попал в беду, а не мы.

И она поцеловала его с такой же нежностью, как целовала Питера, когда тот напоролся на грабли.

– Мы рады, что ты у нас побудешь. Правда, Бобби?

– Да, – кивнула Бобби и по маминому взгляду поняла, что поступила правильно, распорядившись принести домой раненого «пса» в красном свитере.

Глава XIII

ДЕДУШКА ДЖИМА

Мама в этот день не возвращалась больше к своей писательской работе, потому что надо было ухаживать за мальчиком, которого дети принесли в дом. Пришел доктор и напугал Джима. Но мама все время была рядом с раненым, и от этого ему было легче.

Бобби, Питер и Филлис сидели внизу в прихожей, и оттуда им было слышно, как доктор рассказывает взад и вперед по комнате. Несколько раз до них доносился стон.

– Бедняга Джим! – покачала головой Бобби. – Скорее бы уж доктор ушел – он так страдает.

– Это, конечно, ужасно, но интересно, – принялся рассуждать Питер. – Вот если бы доктор не был так строг и разрешил посмотреть, как он будет приводить в порядок ногу Джима. Наверное, при этом кости хрустят...

– Замолчи! – воскликнули в один голос девочки.

– Отчего? Тоже мне! А еще хотите быть сестрами милосердия! Сами говорили по дороге, что если война, то пойдете. Какие же из вас сестры, если я только сказал про хруст костей, а вы сразу в крик? А на поле боя кости еще как хрустят! И у сестер руки бывают по локоть в запекшейся крови...

– Замолчи... – побледнела Бобби. – Ты говоришь какие-то невыносимые вещи, и это, наконец, смешно.

– И мне это смешно, – покраснев, повторила Филлис.

– Вы просто трусихи!

– Между прочим, – заметила Бобби, – когда ты напоролся на грабли, я помогала маме обрабатывать твою ногу. И Филлис тоже.

– Тогда вот что, – заявил Питер, – я буду каждый день по полчаса рассказывать вам о сломанных костях и о человеческих внутренностях. Это чтобы вас приучить.

Наверху в это время заскрипел стул.

– Вот, это кость хрустит! – торжественно воскликнул Питер.

– Лучше молчи, – вмешалась Филлис. – Бобби это не нравится.

– Сказать вам, что они делают? Джиму плохо, но отчего, это трудно объяснить... Он был с утра здоровый и потому добрый, а теперь в нем произошла перемена. Это называется «реакция». Каждый может это наблюдать на себе. Если, например, человек долгое время был лучше, чем он обычно бывает, то потом вдруг на него находит, и он делается плохим... Да, сейчас я вам расскажу, что они делают. Они связывают Джиму руки за спиной, чтобы он не сопротивлялся и не мешал доктору делать то, что нужно. А потом кто-то один держит ему голову, а другой – ноги. И его – то есть, Джима, – начинают растягивать. И при этом кости хрустят. Понимаете? И кости тогда становятся на место. Давайте играть в костоправов!

– Ой, нет! – закричала Филлис.

Но Бобби неожиданно изъявила согласие.

– Давайте. Я буду доктор, Филлис медсестра, а ты – тот, кто сломал ногу. Тебе легче быть больным, потому что на тебе не надеты всякие верхние и нижние юбки.

– Хорошо. Тогда я схожу за бинтами и корпией* , а вы приготовьте место, куда меня класть.

В деревянном коробе на чердаке были собраны веревки и ленты, которыми увязывали багаж при переезде из города. Когда Питер принес спутанный клубок лент и две картонки для корпии, Филлис возбужденно захихикала.

– Ну, вот! – сказал Питер, а потом он улегся на длинный диван со спинкой и подлокотниками и тяжело застонал.

– Тише ты, – проворчала Бобби и начала прикручивать ногу Питера к лежбищу.

– Не так туго, – стонал Питер, – вы мне сломаете другую ногу.

Бобби усердно продолжала бинтовать ногу.

– Хватит уже! Я не могу шевельнуться. Моя бедная нога... – продолжал изображать раненого Питер.

– Ты в самом деле не можешь двинуть ногой? – спросила Бобби каким-то странным тоном.

– Мы как будем играть, – весело поинтересовался Питер, – как будто у меня перелом или рана?

– Как тебе хочется! – и Бобби, отступив на шаг, сложила руки на груди, рассматривая брата, который лежал, весь обвязанный веревкой. – Вот! А теперь мы с Фил пойдем погуляем. И мы не разбинтуем тебя до тех пор, пока ты не дашь обещания, что прекратишь говорить о ранах, о крови и о том, как скрипят кости. Пойдем, Филлис!

– Зверюги! – возмутился Питер, корчась на диване. – Я не буду вам ничего обещать. Я завоплю так, что мама сюда прибежит.

– Вопи! – пожала плечами Бобби. – Только тебе придется объяснить ей по-честному, почему мы тебя связали. Я не зверюга. Когда мы тебя просили перестать говорить в-всякие ужасы, ты не послушался. Филлис, пойдем.

– Вы не сами до этого додумались! У вас бы ума не хватило. Вы в книжке прочли!

Когда Бобби и Филлис, исполненные негодования, подошли к двери, им встретился доктор Форрест. Он улыбался и потирал руки, явно довольный собой.

– Ну вот, – обратился он к девочкам, – я свое дело сделал. Перелом в самом чистом виде. Но Джим пойдет на поправку. Мужественный паренек... Что это? – спросил он, бросив взгляд на лежащего в углу Питера. – Это что, игра в пленники?

Доктора удивило и то, что Питер лежал тише мыши, и то, что дети могли затеять игру в то время, когда наверху страдал от боли раненный человек.

– Нет, – мотнула головой Бобби. – Не в пленники. Мы играли в костоправов. Как будто бы Питер сломал ногу, а я врач.

Мистер Форрест нахмурился.

– Тогда я должен вам сказать, – и лицо доктора приняло суровое выражение, – что это очень бессердечная игра. Неужели вы настолько лишены воображения, что не подумали о том, каково там вашему товарищу наверху? У бедного паренька весь лоб был в испарине, он губы себе искусал, чтобы не закричать, потому что каждое наше прикосновение доставляло ему адскую боль!

– Тогда вас надо было связать, потому что вы такой же злой, как... – начала было Филлис.

– Не говори глупостей! – остановила ее Бобби. – Мы в самом деле проявили бессердечие. Вы правы, доктор.

– Прежде всего я был виноват, – признался Питер. – Бобби, ты можешь продолжать играть в благородство и все валить на меня... Я стал рассказывать девочкам про переломы и раны. Я их тренировал – они ведь хотят быть сестрами милосердия. А они стали меня просить, чтобы я перестал. Ну, а я не перестал.

– И что же дальше? – спросил доктор Форрест, присаживаясь.

– Ну, и я тогда предложил поиграть в костоправов. Я это так, в шутку, предложил. Я не думал, что Бобби согласится. А она сказала «да». Ну, а уж

если сказала, то пришлось мне соглашаться на то, что со мной сделали. Позор, что говорить!

Он опять скорчился и отвернулся к деревянной спинке дивана.

– Я не думала, что кто-то узнает, кроме нас, – проговорила Бобби, возмущенно отвечая на немой упрек Питера. – Я же не думала, доктор, что вы придете! Он просто вывел меня из себя этими разговорами про кости и раны. И мне захотелось все обратить в шутку. Вот я его в шутку и связала. Давай, Питер, я тебя развяжу.

– Да уж, будь добра. Пошутили, нечего сказать!

– На вашем месте, – пробормотал доктор, не зная, что сказать, – я бы поскорее развязался, пока мама к вам не спустилась. Вы ведь не хотите ее огорчать, правда?

– Я все же не могу дать обещания, что никогда не буду говорить о ранах и обо всем таком, – раздраженно сообщил Питер, пока Бобби и Филлис распутывали узлы на «бинтах».

– Прости меня, Питер, – сказала Бобби, наваливаясь на диван и нащупывая огромный узел под ним, – но ты меня просто вывел из себя своей болтовней!

– А мне какво! – отозвался Питер, вставая и стряхивая с себя «путы».

– Я вообще-то пришел, чтобы кого-то из вас позвать с собой. Нужно кое-что принести сюда из моей приемной. А то мама одна не может со всем справиться. Я прислал бы своего помощника, но как раз сегодня я отпустил его в цирк. Ты пойдешь, Питер?

И Питер пошел, не проронив ни слова и не взглянув на сестер.

Доктор Форрест с Питером подошли к калитке, выводившей с поля возле «Трех Труб» на дорогу.

– Давайте я понесу вашу сумку, – предложил Питер, – она, наверное, тяжелая. Что там?

– Ножи, ланцеты и разные другие инструменты, которыми терзают людей. А еще пузырек с эфиром. Мне пришлось дать Джиму эфир – очень сильная была боль.

Питер промолчал.

– А как вы его нашли, этого парня? Расскажи мне.

Мальчик рассказал. Тогда доктор стал рассказывать ему истории о мужественных спасателях. Мистер Форрест был интересным собеседником, как Питер давно уже успел заметить.

Попав в приемную, Питер получил возможность вплотную рассмотреть весы, балансиры, микроскоп и мерные стаканы. Когда было собрано все, что Питер должен был унести с собой, доктор вдруг сказал:

– Ты прости, что я лезу со своим, но...

– Да, конечно! – Питеру очень даже любопытно было его выслушать.

– Это по части науки, – прибавил доктор.

– Да, – отвечал Питер, разглядывая древний аммонит,* который доктор использовал как пресс-папье.

– Видишь ли... Мальчики и девочки – это маленькие мужчины и женщины... И вот мы с тобой... Мы гораздо крепче, чем они. – (Питеру понравилось это «мы с тобой», и доктор, наверное, говоря так, понимал, что мальчику это понравится) – И мы гораздо сильнее. Какие-то вещи нам безразличны, а их они ранят. Ты никогда не должен обижать девочек.

– А я разве не знаю? – возмущенно пробормотал Питер.

– Это относится и к твоим сестрам. Да, девочки гораздо нежнее и слабее нас. И так должно быть. А еще ты заметил, как все животные любят своих мам? Ни один зверек не ударит свою маму.

– Я знаю, – заинтересованно отозвался Питер, – два кролика могут драться с утра до ночи, если их не разнять. Но крольчиху они никогда не обидят.

– Конечно, – продолжал доктор, – и, между прочим, самые свирепые дикие звери – тигры и львы – особенно нежно относятся к своим самкам. И в этом нам надо брать с них пример.

– Будем как львы! – улыбнулся Питер.

– У женщин очень нежное сердце. Какая-то вещь, для нас ничего не значащая, может их глубоко задеть. Поэтому мало того, что мужчина не должен распускать руки, он и в словах должен быть осторожным. И если уж говорить начистоту, женщины очень мужественны. Та же Бобби – подумай, каково ей было в темном туннеле вдвоем с этим бедным пареньком! Удивительно то, что именно женщина, более слабая и ранимая, часто раньше нас понимает, как найти выход из трудного положения. Я знал нескольких очень мужественных женщин. Одна из них – ваша мама.

Питер кивнул головой.

– Ну вот, прости меня, что я так долго говорю тебе об этом. Но чтобы человек что-то понял, надо ему об этом сказать. Ты понял, что я имел в виду?

– Да, я понял. Пожалуйста, простите меня.

– Вот и хорошо. Каждый, кто чему-то учился, должен уметь объяснять жизнь, исходя из своего научного опыта. Ну, до встречи!

Они простились. Когда Питер пришел домой, сестры взглянули на него с подозрением и смущением.

– Мир! – проговорил он, ставя на стол корзину. – Доктор Форрест провел со мной научную беседу. Подробно я пересказывать не буду, вы все равно не поймете. Но суть в том, что вы, девочки, нежные, слабые, запуганные, как кролики, и нам надо быть осторожными в обращении с вами. Он вас называл львиными самками... Вы это отнесете наверх или мне самому подняться?

Филлис подбежала к брату, и щеки у нее горели:

– А я тебе скажу, кто такие мальчики. Самые скверные, самые грубые...

– Все же иногда они бывают храбрыми, – улыбнулась Бобби.

– Ну да – ты имеешь в виду этого, который наверху... А тебе, Фил, я прощаю то, что ты сказала, потому что ты слабая, хрупкая, запуганная, нежная.

– Вот я тебе выдеру волосы – посмотрим, как ты меня тогда простишь! – крикнула Филлис вслед брату, который уже поднимался по лестнице.

– Он же сказал: «Мир», – и Бобби толкнула Филлис в бок. – Он как бы просит прощения, хотя не решается прямо об этом сказать. А мы прямо должны ему сказать, что прощаем и сами просим нас извинить.

– Послушать тебя, он уж такая душка... А кто сказал, что мы львиные самки, и кролики, и запуганные?

– Так давай покажем ему, что мы не кролики и не запуганные. А что мы львиные самки – в этом нет ничего плохого.

Когда Питер сошел вниз, все еще не успокоенный, девочки сказали в один голос:

– Пожалуйста, прости нас, Питер, что мы тебя связали.

– Давно пора! – жестко и гордо проговорил Питер.

Это было тяжело вынести, но Бобби сказала:

– Ну вот, враждующие стороны пришли к соглашению.

– Я же и сказал: «Мир».

– Вот пусть и будет мир, – ответила Бобби. – Фил, пойдем готовить чай. А ты, Питер, постели скатерть.

– Послушай, – обратилась к брату Филлис, когда мир был в полном смысле слова восстановлен, а это произошло лишь после того, как чай был выпит, а чашки перемыты, – ведь не на самом же деле доктор Форрест назвал нас «животными самками»?

– Нет, он так сказал. Но при этом он имел в виду, что мы тоже дикие звери.

– Станный он все-таки!

Филлис задумалась. Чашка выскользнула у нее из рук и разбилась вдребезги.

* * *

– Можно мне? – спросил Питер с порога маминой рабочей комнаты.

Мама сидела и писала при свете двух больших свечей. Пламя казалось оранжево-фиолетовым на фоне серо-голубого неба, на котором уже мерцало несколько звезд.

– Да, милый, – рассеянно проговорила мама. – что-то еще случилось?

Написав еще несколько слов, она свернула листок вчетверо.

– Питер, я написала записку дедушке Джима. Ты ведь знаешь – он живет здесь, поблизости.

– Да, я знаю. Ты говорила за чаем. Только есть ли смысл писать? Пусть бы Джим побыл пока у нас. Не будем ничего говорить его родным. А когда он уже будет на ногах, тогда и преподнесем им сюрприз.

– Ну что ж. Я ничего не имею против.

– Понимаешь, сестры – это хорошо. Но я уже так давно не общался с мальчишками!

– Да, милый, я все понимаю. Но я хочу тебя обрадовать. Наверное, на будущий год я смогу отдать тебя в школу.

– Да, это отлично. Но ведь это на будущий год. А я мог бы уже сейчас дружить с Джимом, пока у него болит нога.

– Я не сомневаюсь, что вы могли бы стать товарищами. Но Джиму сейчас нужна сиделка. А у меня нет на это денег.

– Мама, а ты не побыла бы сиделкой? У тебя так хорошо получается ухаживать за больными!

– Это, конечно, приятная похвала, спасибо. Но быть сиделкой и писать... Это, к сожалению, нельзя совместить.

– Так ты решила написать его дедушке?

– Да. И дедушке, и его школьному учителю. Мы уже дали обоим телеграммы. Но я должна была написать более подробно, потому что они, конечно, перепуганы и расстроены.

– Послушай, мама! А дедушка Джима не может заплатить за сиделку? Вдруг у старика водятся деньги? В книжках дедушки обычно бывают богатые.

– Этот дедушка не из книжки, Пит. Едва ли он может быть богат.

– А знаешь что? – сказал задумчиво Питер. – Ведь было бы весело, если бы все, что происходит с нами, происходило бы в то же время в книжке, которую ты пишешь. Напиши про то, как мы спасли Джима, а потом, как у него болела нога. Но чтобы уже через день она перестала болеть. И чтобы к нам вернулся папа.

– Разве ты так соскучился по папе? – спросила мама довольно холодным, как показалось Питеру, тоном.

– Ужасно соскучился!

Мама запечатала второе письмо и стала надписывать адрес на конверте.

– У нас только один папа, и другого быть не может... – продолжал сын. – Но пока он в отъезде, я единственный мужчина в доме. И мне поэтому ужасно хочется, чтобы Джим побыл у нас подольше. И чтобы ты начала писать книжку про то, что мы делаем в ожидании папы. А в конце – чтобы папа вернулся.

Тогда мама привстала с места, порывисто обняла его, и с минуту оба молчали.

– А ты не думаешь, – спросила мама, – что мы все действуем в книжке, которую пишет Господь Бог? Если бы я стала писать книжку про нас, я бы где-

то наверняка ошиблась. А Бог – он точно знает, чем закончить. Так, чтобы это было к лучшему для каждого из нас.

– Ты в самом деле так думаешь? И веришь в это?

– Да, – ответила мама, – я думаю и верю... почти всегда, кроме тех минут, когда мне становится очень грустно и я начинаю терять веру. Но даже когда я отказываюсь верить, я все равно знаю, что это правда. И снова стараюсь поверить. Ты даже не знаешь, Питер, до чего я стараюсь! Сбегай на почту, отнеси письма – и давай больше не будем грустить. Будем храбрыми! Это самое прекрасное человеческое качество – храбрость. И я думаю, что Джим пробудет у нас еще две или три недели.

В продолжение вечера Питер являл такое примерное, прямо-таки ангельское поведение, что Бобби испугалась, уж не заболевает ли брат. И утром она даже вздохнула с облегчением, когда тот по старой привычке начал привязывать косы Филлис к спинке стула.

А после завтрака в дверь неожиданно постучали. Дети в это время были заняты трудным делом. Они начищали медные подсвечники, готовясь отпраздновать появление в доме Джима.

– Это, наверное, доктор, – сказала мама. – Ну-ка, закройте кухонную дверь, а то вы такие грязные, что мне будет стыдно, если он вас увидит.

Но это был не доктор. Тембр голоса и звук поднимающихся вверх шагов были совсем не такие, как у мистера Форреста. Звук шагов был непонятно чей, а вот голос – голос казался очень знакомым.

Прошло довольно много времени. Шаги не возвращались, и голоса не было слышно.

– Кто же это такой? – то и дело спрашивали дети друг друга.

– А вдруг, – начал фантазировать Питер, – на доктора Форреста напали разбойники и убили его? А это пришел доктор, которому он давал телеграмму, чтобы он его заменил. Миссис Вайни говорила, что когда доктор

уходит в отпуск, его временно замещает другой врач. Ведь вы же говорили так, миссис Вайни?

– Да, я говорила, – отозвалась женщина из другой, задней кухни.

– Может быть, с ним случился тяжелый приступ? А этот человек пришел об этом нам сказать, – строила предположения Филлис.

– Что за чепуха! – оборвал ее Питер. – Разве мама повела бы в свою комнату или в комнату Джима какого-то чужого человека? Вот! Они спускаются. Я чуть-чуть приоткрою дверь.

И он приоткрыл ее на ширину ладони.

– Вот! – продолжал мальчик. – Разве с каким-то заместителем доктора мама стала бы секретничать наверху? Это кто-то совсем другой!

– Бобби! – слышался сверху мамин голос.

Все трое выглянули из кухни, и мама перегнулась им навстречу через лестничные перила:

– Приехал дедушка Джима! Умойтесь как следует, и пойдете к нему. Он очень хочет вас видеть.

Дверь спальни опять закрылась.

– При самой богатой фантазии нельзя было такого вообразить! – воскликнул Питер. – Миссис. Вайни, принесите мне горячей воды, а то я черный, как ваша шляпка.

Все трое были черны, как негритята, – потому что состав, которым чистят медь, вовсе не делает чистыми руки и лицо того, кто занимается этим нелегким делом.

Дети еще возились с мылом и мочалками, когда услышали, как дедушка Джима входит в столовую. И вот чистые, но еще не высохшие, потому что им уж очень не терпелось увидеть неожиданного гостя, они побежали здороваться.

Мама сидела на стуле возле окна, а в кожаном кресле, где обычно располагался папа, когда они жили в городском доме, сидел их любимый старый джентльмен !

– Нет, я не ожидал! – закричал Питер, и только спохватился: – Добрый день!

Он потом объяснил, что был слишком удивлен, чтобы помнить о вежливости, а тем более проявлять ее.

– Это же наш старый джентльмен! – повторяла Филлис.

– Ой! Это вы... Вы... – растерянно бормотала Бобби.

Но, наконец, они опомнились и, опустив головы, чинно проговорили:

– Здравствуйте!

– Это дедушка Джима, мистер... – и мама назвала его фамилию.

– Замечательно! – сказал Питер. – Мама, ведь это правда, как в книжке?

– Да, в самом деле, – улыбнулась мама. – В жизни время от времени все происходит так, как в книгах.

– Мы перебрали всех знакомых, а про вас даже не подумали! – воскликнула Филлис.

– Вы ведь пока не будете забирать от нас Джима? – с тревогой спросил Питер.

– Пока нет, – покачал головой старый джентльмен. – Ваша мама любезно согласилась поухаживать за ним. Я думал прислать сиделку, но мама говорит, что сама будет с ним сидеть.

– А как же мамина работа? Джиму ведь нечего будет есть, если мама не напишет рассказ, – забеспокоился Питер.

– Все в порядке! – весело улыбнулась мама.

Старый джентльмен посмотрел на нее с ласковой улыбкой:

– Я вижу, что вы доверяете своим детям.

– Да, конечно!

– В таком случае я могу рассказать им про нашу договоренность. Дело в том, что ваша мама согласилась на время прервать свою литературную работу и поработать медсестрой у меня в больнице.

– Ой! – разочарованно проговорила Филлис. – И нам придется расстаться и с «Тремя Трубами», и с железной дорогой, и со всем остальным?

– Нет-нет, – поспешила успокоить ее мама.

– Больница называется «Три Трубы», а мой бедный Джим – единственный пациент. Ваша мама – медсестра, а вы – повара, уборщицы...

– А когда Джим поправится, мама опять будет писать?

– Посмотрим, – и старый джентльмен украдкой посмотрел на Бобби, – может быть, случится что-то хорошее, и тогда маме больше не придется писать.

– Но я люблю писать, – улыбнулась мама.

– Я знаю – и не буду мешать. Но все-таки в жизни иногда происходят хорошие вещи. Может быть, ради них и в надежде на них мы и живем на свете. Я, пожалуй, пойду?

– Конечно. И я так рада, что вы доверили мне заботу о Джиме.

– А он звал во сне: «Мама, мама!» – сказала Филлис. – Я два раза просыпалась ночью и слышала.

– Это не меня... Но я бы с удовольствием стала его мамой.

Старый джентльмен встал.

– Берегите свою маму, – проговорил он, – потому что таких женщин – на миллион одна.

– Что правда, то правда, – улыбнулась Бобби.

– Господь ее благословил, – продолжал дедушка Джима, беря мамины руки в свои, – и да будет она благословенна! Ну, до встречи! Где моя шляпа? Бобби, ты не проводишь меня до калитки?

У калитки дедушка Джима приостановился и сказал:

– Ты очень славная девочка! Я прочитал твое письмо. Но я и до письма знал из газет про этот судебный процесс, и меня с самого начала одолевали сомнения. А с тех пор, как я с вами познакомился, я пытаюсь вникнуть в суть этого дела. Пока мне мало что удалось. Но я не теряю надежды. А шансы у нас есть!

– Правда? – выдохнула Бобби.

– Правда. И я тебе даже скажу, что шансы неплохие... Но пока держи все в секрете. Будет плохо, если мы поселим в сердце твоей мамы напрасные надежды.

– Ненапрасные! – воскликнула Бобби. – Я верю, что вам удастся помочь папе. Когда я писала, я верила в вас. Это ведь нельзя назвать напрасной надеждой?

– Нет, девочка. Будь у меня серьезные сомнения, я бы тебе ничего не стал говорить. Ты не заслуживаешь того, чтобы твои надежды были обмануты.

– Но вы ведь не думаете, что мой папа мог это сделать? Не думаете, правда?

– Я совершенно уверен, что он этого не делал.

Напрасная надежда не согрела бы детское сердце так, как было согрето словами старика сердце Бобби. Весь этот день она светила, как светится китайский фонарик с зажженной внутри него свечкой.

Глава XIV

КОНЕЦ ИСТОРИИ

Жизнь в «Трех Трубах» отчасти изменилась с тех пор, как старый джентльмен пришел проведать своего внука. Детям теперь известно было, как его зовут, но они – во всяком случае в разговорах между собой – не называли его по имени. Для них он по-прежнему был «старый джентльмен». И, пожалуй, нам тоже лучше называть его так. Едва ли ваше отношение к этому герою изменится от того, что я стану звать его мистером Снуком или мистером Дженкинсом. А теперь я раскрою вам один секрет. Всего один, потому что про все остальное я уже поведала вам в предыдущих главах. Но что-то ведь надо оставить на конец, иначе книга никогда не кончится. А если она никогда не кончится, то что же это будет за книга?

Я уже сказала, что в «Трех Трубах» произошли некоторые перемены. Дело в том, что у мамы были теперь кухарка и горничная (вот их имена я, пожалуй, вам сообщу: Клара и Этельвин), которыми все были довольны. Они, правда, частенько жаловались маме на миссис Вайни, которую называли «старой путаницей». И миссис Вайни стала приходить только два раза в неделю, чтобы постирать и погладить белье. Кроме того, Клара и Этельвин просили, чтобы и дети тоже не вмешивались в их дела, а это значило, что теперь Бобби, Питеру и Филлис не приходилось заваривать чай, чистить чайники, мыть посуду и делать уборку в комнатах.

Теперь у детей стало много свободного времени, и они могли больше общаться друг с другом. По правде сказать, работа по дому им ужасно надоела. Мама теперь не занималась хозяйством и не писала рассказов, зато она стала заниматься с детьми уроками. И детям приходилось готовиться к

занятиям. Какой бы приятный и любимый ни был учитель, но уроки есть уроки, и готовить их еще скучнее, чем чистить картошку и топить печку.

Но, с другой стороны, мамино свободного времени хватало не только на уроки, но и на то, чтобы сочинять рифмованные шутки, которые дети потом обыгрывали по своему усмотрению. А до тех пор мама так была замотана, что не написала и двух строчек в рифму.

В отношении детей к урокам была одна странная особенность. Что бы они ни учили, им казалось, что лучше было бы заниматься не этим, а другим. Когда Питер делал упражнения по латыни, он завидовал тому, что Бобби читает книгу по истории. А Бобби, в свою очередь, жалела, что ей приходится читать, потому что куда интереснее решать задачи по арифметике, как Филлис. Ну а Филлис казалось, что ничего нет интереснее латыни. И так далее.

И вот однажды, когда дети пришли заниматься уроками, каждый из них обнаружил на своем месте листочек со стихами. Я помещаю здесь эти стишки, чтобы показать, что мама отчасти понимала чувства своих детей, а это ведь большая редкость у взрослых. Потому что у большинства взрослых память, к сожалению, неважная: они плохо помнят, какими они сами были в детские годы.

ТРУДНЫЕ ПРЕДМЕТЫ

1. ЛАТЫНЬ (Питер)

Так обидно! Опять меня срезали.

И на ком! На любимом, на Цезаре.

Две главы были заданы мне

Из записок о Галльской войне.

Я же знал все детали сраженья,

Но латинские эти спряженья...
Если б задали эти записки
На истории и по-английски,
Я бы все рассказал бы о Цезаре
И меня никогда бы не срезали!

2. ИСТОРИЯ (Бобби)

Короли, королевы, министры –
Разве можно запомнить их быстро?
Кардиналы, конвент, палачи,
А потом еще цифры учи.
В арифметике цифры живут,
Там примеры, задачи – а тут?
Надо думать, решать и творить,
А не глупые даты зубрить!

3. АРИФМЕТИКА (Филлис)

Вот задача. Торговец один
Покупателю продал семь дынь,
Но по весу они не равны,
И теперь подсчитать мы должны,
Сколько каждая стоит из дынь.
Лучше буду учить я латынь!

После этих стишков учиться сразу стало веселее. Хорошо, когда учитель понимает, что не из-за тупости, а почему-то еще нам не даются некоторые предметы, хоть мы и стараемся.

Когда у Джима стало чуть лучше с ногой, он начал выходить в сад, и было приятно сидеть с ним и слушать рассказы про школу и про других мальчиков. У них в классе был мальчик по имени Парр, о котором Джим был весьма невысокого мнения, а был еще Уингсби Минор, и о нем Джим говорил всегда с восхищением. А еще были три брата Пейли, и младший, которого звали в классе Пейли-третий, был самый большой забияка.

Питер обожал слушать рассказы Джима, и даже мама относилась к ним с большим интересом. И вот однажды она протянула Джиму листок, на котором описаны были в стихах и недотепа Парр, и драчун Пейли, и умница Уингсби. Джим был в восторге. Ведь он еще никогда не читал стихов, где рассказывалось о нем. Он запомнил стихи наизусть, а потом послал их по почте Уингсби, который был от них еще в большем восторге, чем Джим. Может быть, и вам они тоже понравятся.

НОВЫЙ УЧЕНИК

Парр – наш новенький. Странный Мальчишка.

Он вместо чая пьет молоко.

Его мама носит мужскую стрижку,

А папа ходил убивать волков.

Он то хороший, то нехороший,

То долго спит, то встает чуть свет,

Он в дождь надевает всегда галоши;

Одни зовут его Парр, а другие Пет.

Он не любит крикета и городков –

Боится ссадин и синяков.

Зато он охотник большой до чтенья

И знает, как правильно звать растенья.

Парр без ума от французских книг,
Мы дразним его «Мюссе»* и «Прево»** .
Когда позовут его на пикник,
Он скажет: «Я в школе не для того!»

– В футбол? «Не хочу. Опять синяки.
Пейли, отстань! Не вожусь с драчунами».
Чуть мы пошутим над ним, «старики»,
Сразу глаза его полны слезами.

Уигсби считает, что стыдно «старым»
Смеяться над новеньким, то бишь Парром.
Вздор! Новичком был и я когда-то,
И надо мною шутили ребята.

«Какой же надо быть умницей, чтобы так написать!» – с восхищением думал Джим. А Питер, Бобби и Филлис уже привыкли к тому, что мама почти так же легко сочиняет стихи, как разговаривает. И рифмы не удивляли их так, как они удивили Джима.

Джим научил Питера играть в шахматы, в шашки и в домино, и они замечательно проводили вечера вдвоем.

Нога у Джима уже почти зажила, и ребята чувствовали, что им надо как-то развлечь своего гостя. Не только играми, но чем-то другим, в самом деле замечательным. Но пока ничего замечательного не удавалось придумать. Дети так долго над этим думали, что им всем уже начало казаться, что головы у них отяжелели и распухли. И, наконец, Питер сказал:

– Плохо, что нам ничего не удалось придумать. Остается ждать: может быть, что-то само по себе произойдет такое, что будет для Джима сюрпризом.

– Иногда все устраивается само, без нашего участия, – кивнула Филлис.

– Мне бы хотелось, чтобы что-то случилось – что-то невероятное, – прибавила Бобби.

И невероятное случилось. Случилось ровно через четыре дня после их разговора. Вам, наверное, хотелось бы, чтобы это случилось через три дня, как бывает в сказках. Но между сказкой и жизнью существуют определенные различия. И потом, если чудо произошло не на третий день, а на четвертый, то почему я должна говорить неправду?

В эти дни детям с железной дороги все давалось трудно, и у каждого из них было чувство, которое однажды очень точно выразила Филлис:

– Боюсь, что железная дорога нас скоро забудет. Мы совсем перестали туда ходить, – жалобно говорила она.

– Это было бы с ее стороны не очень благодарно, – шутливым тоном возразила тогда Бобби, – мы же ни одну игру на свете так не любили, как ее!

– И потом Перкс часто к нам заходит спросить, как здоровье Джима. И сигнальщик приходил сказать про своего сыночка – он уже совсем здоров! – подхватил Питер.

– Ты говоришь про людей, а я имею в виду саму железную дорогу, – уточнила Филлис.

– Плохо, что мы уже четвертый день не ходим махать рукой поезду, приходящему в четверть десятого, и не посылаем приветов папе, – с грустью прошептала Бобби.

– Надо опять начать ходить! – констатировала Филлис.

И они пошли.

С тех пор как в доме появилась прислуга и маме уже не надо было ни хозяйничать, ни сочинять рассказы, время стало тянуться медленно, и всем казался теперь страшно далеким тот первый день, когда они обосновались в «Трех Трубах»: когда они поднялись на рассвете, прожгли дно у чайника, отведали яблочного пирога за завтраком и впервые увидели железную дорогу.

Теперь стоял сентябрь. Дети спускались к дороге, и дерн у них под ногами был сухой и ломкий. Те былинки, что возвышались над дерном, прямилась, словно копья или пики. Синие колокольчики трепетали на жестких и тонких стебельках, египетские розы подставляли солнечным лучам свои сиреневые лепестки, и золотые кувшинки горели, словно звездочки, у берегов пруда, лежавшего на полпути к железной дороге. Бобби собрала целую охапку цветов, и она уже представляла себе, как они красиво будут смотреться на зеленовато-розовом шелковом лоскутном одеяле, которым была укрыта сломанная нога Джима.

– Надо торопиться, – подстегивал девочек Питер, – а то мы пропустим наш «десятый час».

– Я только так могу идти, быстрее не выходит, – жалобно скулила Филлис, – ну вот, теперь еще и шнурок опять развязался!

– Когда мы тебя будем выдавать замуж, – заворчал Питер, – у тебя в притворе* обязательно развяжется шнурок, и твой жених споткнется и расквасит себе нос на цветных плитках. Ты скажешь, что он тебе не нужен такой некрасивый. И останешься старой девой!

– Нет, я уж лучше выйду замуж за парня с некрасивым носом, чем остаться одной!

– Все равно не будет ничего хорошего. Он со своим расквашенным носом даже не почувствует, как пахнут цветы, – поддержала шутку Бобби.

– Уж не к свадьбе ли ты нарвала столько цветов? – поинтересовался Питер, кивая на букет. – Так, шутки в сторону! Уже был гудок, надо скорее бежать.

И они побежали. И замахали, как обычно, своими носовыми платками, из которых не все были хорошо выстираны.

– Передайте папе, что мы его любим! – закричала Бобби.

– Привет папе! – поддержали Питер и Филлис.

Вдруг из окна вагона первого класса высунулся старый джентльмен и яростно замахал в ответ. Детям это не показалось чем-то особенным. Он всегда отвечал на их приветствия. Необычно было другое: из всех вагонов, чуть ли не из каждого окна им махали платками другие пассажиры. А у кого не нашлось платка, те махали газетами или просто руками. И ребята заметили, что газеты, которыми махали многие пассажиры, были одинаковые и с какой-то необычной шапкой на первой полосе. Поезд с шумом и гудением пронесся мимо, вовлекая в танец мелкий галечник на насыпи. И когда он скрылся из виду, дети переглянулись между собой.

– Ну? – спросил Питер.

– Что – «ну»? – переспросила Бобби.

– Да, что – «ну»? – как эхо, повторила Филлис.

– Что бы все это могло значить? – Питер задал вопрос, вовсе не ожидая ответа.

– Ума не приложу, – отозвалась Бобби. – Наверное, старый джентльмен подговорил всех пассажиров нас поприветствовать. Он ведь знает, что нам это приятно.

Вам, наверное, уже не терпится узнать, в чем же было дело. Старый джентльмен, которого все на станции очень любили и уважали, в тот день приехал раньше обычного. Он остановился у двери, где стоял молодой человек, державший в руках машинку для компостирования билетов. Старый

джентльмен что-то говорил каждому, кто проходил через дверь. И каждый проходящий в ответ кивал. Кивки эти выражали разные чувства: удивление, недоумение, приятное удовольствие, раздражение. Но все эти люди тут же шли к столбику, где была приклеена утренняя газета, и отыскивали одну и ту же заметку. И когда пассажиры входили в поезд, они рассказывали другим пассажирам, уже сидевшим в купе, о том, что они услышали от старого джентльмена. И те, кто успел купить утреннюю газету, тут же доставали ее, просматривали и, как правило, радостно улыбались. А потом, когда поезд приблизился к ограде, за которой стояли трое детей, все принялись яростно махать руками, платками и газетами, так что поезд походил на вереницу белых облаков. В какой-то момент детям показалось, что поезд ожил. И им хотелось откликнуться на то чувство любви, которое переполняло едущих в поезде.

– Что-то непонятное, – задумчиво произнес Питер.

– И невероятное, – прибавила Филлис.

– А вам не кажется, – спросила Бобби, – что сегодня старый джентльмен махал нам более выразительно, чем всегда?

– Да нет, – пожали плечами Питер и Филлис.

– А мне показалось. Он потряс в воздухе этой газетой. Он хотел показать: что-то такое произошло.

– А что могло произойти? – поднял брови Питер.

– Я не знаю. Но чувствую, что что-то должно произойти.

– Что же? Вон, у Филлис на ноге ссадина...

В самом деле, Филлис, увлеченная церемонией приветствия, напоролась на протянутую вдоль станции веревку, и пришлось платком перевязывать ей рану.

Дети вернулись домой. Уроки в этот день плохо давались Бобби. Она запуталась в довольно простой задачке, где требовалось распределить 48

фунтов мяса и 36 фунтов хлеба между 144 голодающими детьми, и мама бросила на нее недоумевающий взгляд:

– Ты не заболела?

Ответ был неожиданным для мамы:

– Я не знаю. Я не могу понять, как я себя чувствую. Но я точно знаю, что это не лень. Мама, ты не могла бы меня отпустить? Мне сейчас надо побыть одной.

– Да, я, конечно, могу тебя отпустить, но...

Мелок выпал из руки Бобби и разбился на зеленые кусочки. Это был очень ценный мелок, незаменимый для всяких рисунков и чертежей. Но Бобби даже не выразила сожаления и не стала собирать крошки. Она сорвалась с места и убежала. Мама догнала ее в прихожей, где Бобби пыталась найти среди плащей и зонтов свою летнюю шляпку.

– Девочка моя! Ты точно не заболела? – с тревогой спросила мама.

– Не знаю, – снова отвечала Бобби, – мне надо побыть одной, чтобы понять, почему у меня голова не соображает, а внутри все перепуталось.

– А не лучше ли лечь? – говорила мама, приглаживая волосы на лбу у дочки.

– Я выйду в сад. Я там всегда оживаю.

Но Бобби недолго пробыла в саду. Ей показалось, что мальвы, астры и поздних сортов розы тоже пребывают в ожидании чего-то необыкновенного. Стоял один из тех ярких осенних дней, когда кажется, что вся природа чего-то ждет.

Одна только Бобби не хотела и не могла ждать. Она сказала, что хочет сходить на станцию, чтобы поговорить с Перксом и спросить у сигнальщика, как чувствует себя его больной сынишка.

Девочка пошла по направлению к станции. Ей встретилась пожилая женщина с почты, которая обняла ее, поцеловала, а потом сказала почему-то:

– Ну, беги, беги, там все узнаешь.

Молодой торговец мануфактурой, обычно в лучшем случае принудительно-вежливый, а в худшем – неприятно высокомерный, вдруг снял перед ней шляпу, поклонился и произнес странные слова:

– Доброе утро, мисс. Я верил, я был уверен.

Еще более необычно повел себя кузнец, шедший навстречу Бобби с газетой в руках. Он широко улыбался, хотя был по натуре человеком скорее угрюмым, а потом вдруг подбежал к ней, замахал над головой девочки газетой и воскликнул:

– Добрый день, дорогая, и много, много вам счастливых дней! Пусть сбудутся все ваши желания.

«Все как будто во сне, – подумала про себя Бобби, – я теперь уверена, что что-то произойдет, а может быть, уже произошло – удивительное, необычайное».

Хозяин станции поздоровался с ней за руку. И не просто поздоровался, а стал поднимать и опускать ее руку, как будто накачивал насос. А потом удалился в свое святилище, туда, куда даже Бобби не решалась следовать за ним.

Перкса нигде не было. И никто не вышел на платформу, кроме станционной кошки. Эта маленькая черепаховая леди, обычно не слишком расположенная к общению, теперь распушила хвостик и, выгибая спинку, стала тереться о коричневые носки Бобби с громким мурлыканьем.

– Моя милая! – проговорила Бобби, глядя кошечку. – Сегодня все так добры ко мне, даже такая дикарка, как ты.

Перкс появился лишь после того, как раздался гудок поезда, прибывшего без четырех минут в полдень, и у него, как у многих в этот день, была в руках газета.

– Здравствуйте! – бросился он навстречу Бобби. – Ну вот, если это тот самый поезд, то мне приятно будет поработать. Пусть Бог вас благословит! Я все прочитал в газете. Сколько живу на свете, никогда еще я не был так счастлив. Сегодня, мисс, мне нисколько не стыдно – вот! – и он горячо поцеловал ее сначала в одну, потом в другую щеку.

Бобби остолбенела от неожиданности.

– Я не обидел вас? Не слишком много я себе позволил? – озабоченно спросил Перкс. – Но, понимаете, ведь в такой день...

– Все в порядке. Вы ничего такого особенного себе не позволили, мы вас любим. Вы для нас все равно что родной дядя... Но какой такой сегодня день?

– А как же? Вам никто не рассказал про газету?

– А что там – в газете? – спросила Бобби, но не получила ответа. Уже «без четырех полуденный» обдал дымом всю станцию, и хозяин, давно искавший носильщика, потянул его за собой.

Бобби снова осталась одна, и только станционная кошка следила за ней из-под скамейки большими желтыми глазами.

Вы, конечно, уже догадались, что произошло. Но Бобби была не так догадлива. Она находилась в состоянии неопределенности, смятения, ожидания, подобно всем, у кого в душе живет мечта. Может быть, ее сердце ждало того самого, о чем теперь думаем и мы, но в мыслях у нее была пустота. Она ощущала только пустоту и оцепенение, как во время долгой прогулки после сытного обеда, когда больше всего хочется прилечь на обочине и заснуть.

Из «без четырех полуденного» вышли только трое пассажиров. Один был деревенский мужчина с плетеным ящиком, полным живых кур, которые пытались протиснуть сквозь прутья свои красновато-коричневые головки. Вторая была мисс Пеккит, кузина жены бакалейщика, с оловянным ящичком и тремя бумажными свертками. А третий...

– Папа! Мой папочка! – этот крик ударил в сердца всех, кто ехал в поезде. Люди подбегали к окнам и смотрели, как девочка-подросток кидается на грудь к высокому, бледному, с тонкими губами мужчине и как он изо всех сил прижимает ее к себе.

* * *

– Я знала, что произойдет что-нибудь чудесное, – воскликнула Бобби, когда они вышли на дорогу, – но я не ждала ничего подобного! Папа, папа!

– Так значит, мама не получила моего письма? – спросил папа.

– Сегодня не было писем... Ах, папа! Это ведь правда ты?

Пожатие его руки убедило Бобби, что это в самом деле был папа.

– Бобби, ты должна войти в дом первой и осторожно сказать маме, что все в порядке. Поймали того человека, который это сделал. Я ни в чем не виноват.

– Никто и не сомневался. Ни я, ни мама, ни наш старый джентльмен.

– Я знаю про него. Это его заслуга. И твоя. Ведь это ты к нему обратилась. Мама написала мне о том, чем ты для нее была все это время. Моя девочка!

Они остановились на минуту.

И вот я вижу, как они идут через поле. Как потом Бобби входит в дом, как медлит у порога, подбирая слова, чтобы осторожно сказать маме о том, что папа уже здесь, дома. И что печаль, борьба, разлука – все уже позади.

Я вижу, как папа входит в сад, останавливается, ждет. Он рассматривает цветы, и каждый цветок воспринимается им как чудо, потому что всю весну и все лето он видел лишь каменные плиты, щебенку и скудную травку. Но вот он поворачивается лицом к дому. Потом выходит из сада, подходит к двери и останавливается возле нее. Это черный ход. А над двориком кружатся ласточки. Они уже готовы улететь от холодных ветров и обжигающих морозов туда, где круглый год лето. Это те самые ласточки, для которых дети смастерили гнезда из глины.

И вот дверь открывается, сверху доносится голосок Бобби:

– Входи, папа! Входи!

Он входит, и за ним затворяют дверь. И, пожалуй, нам не надо снова ее открывать и входить в дом. В эти минуты мы там лишние. Нам лучше тихо и поспешно уйти. И только в самом конце поля, где светятся на солнце золотые былинки, колокольчики, египетские розы и кувшинки, мы остановимся и глянем через плечо на белый домик, где ни мы, и никто другой сейчас не нужны.